

179

**Annales
Universitatis
Paedagogicae
Cracoviensis**

Studia Russologica VII

Kolegium Recenzentów

Dr hab. Anna Bolek (Kraków), Dr hab. emer. prof. UP Janusz Henzel (Kraków),
Prof. dr hab. Krystyna Iwan (Szczecin), Prof. dr hab. Ewa Komorowska (Szczecin),
Dr hab. prof. UŚ Jolanta Lubocha-Kruglik (Sosnowiec), Prof. dr hab. Aleksander
Naumow (Kraków, Wenecja, Włochy), Prof. dr hab. Kazimierz Prus (Rzeszów),
Prof. dr hab. Wasilij Szczukin (Kraków), emer. Prof. dr hab. Wiesław Witkowski
(Kraków), Prof. dr hab. Władysław Woźniewicz (Poznań)

Komitet Redakcyjny

Dorota Dziewanowska – redaktor naczelny; redaktor działu Glottodydaktyka
Halina Chodurska – redaktor działu Językoznawstwo
Barbara Stawarz – redaktor działu Literaturoznawstwo
Monika Knurowska – sekretarz

Rada Naukowa

Dr hab. prof. UJ Andrzej Dudek (Kraków)
Doc. Jevgenij Nikołajewicz Stiepanov (Odessa, Ukraina)
Prof. dr hab. Olga Viktorovna Trofimova (Tiumeń, Rosja)
Prof. dr hab. Natalia Władimirovna Kuzniecova (Tiumeń, Rosja)

Recenzenci

Literaturoznawstwo: Dr hab. prof. UR Kazimierz Prus, Prof. dr hab. Wasilij Szczukin
Językoznawstwo: Dr hab. Anna Bolek, emer. Prof. dr hab. Wiesław Witkowski
Glottodydaktyka: Dr hab. emer. prof. UP Janusz Henzel, Prof. dr hab. Władysław Woźniewicz

© Copyright Wydawnictwo Naukowe UP, Kraków 2014

ISSN 1689-9911

Wydawca

Wydawnictwo Naukowe UP
Redakcja/Dział Promocji
30-084 Kraków, ul. Podchorążych 2
tel./fax (12) 662-63-83, tel. (12) 662-67-56
e-mail: wydawnictwo@up.krakow.pl

druk i oprawa
Zespół Poligraficzny UP, zam. 59

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica VII (2014)

Od Redakcji

Oddajemy w ręce Czytelników siódmy tom serii Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis – Studia Russologica, zawierający artykuły pracowników Uniwersytetu Pedagogicznego im. KEN w Krakowie, Uniwersytetu Jagiellońskiego, Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej im. S. Pigonia w Krośnie, Politechniki Krakowskiej (Studium Praktycznej Nauki Języków Obcych). Autorzy niniejszego tomu nie wywodzą się wyłącznie z krajowego środowiska naukowego. W zbiorze zamieszczono także publikacje ukazujące aktualne zainteresowania badawcze rusycystów z ośrodków zagranicznych: Moskiewskiego Uniwersytetu Pedagogicznego i Państwowego Uniwersytetu w Tiumeniu.

Niniejszy tom zawiera prace z zakresu literaturoznawstwa, językoznawstwa i glottodydaktyki. Artykuły z zakresu literaturoznawstwa są prezentacją różnych stanowisk badawczych slawistów, których prace o nachyleniu teoretycznym lub mające charakter analityczny posiadają jedną cechę wspólną, jednoczy je pewien aspekt nowości w ujęciu problematyki znanej lub niepoddanej jeszcze refleksji historycznoliterackiej. Znajdują tutaj swoje miejsce studia dotyczące: rosyjskiej myśli estetycznej początku wieku XIX, specyfiki językowej zjawiska „olifactoryzmu”, motywu książki w twórczości pisarzy wywodzących się z różnych kręgów kulturowych czy też spuścizny jednego z poetów syberyjskich.

Tematyka artykułów zamieszczonych w dziale *Językoznawstwo* odzwierciedla jak zwykle szerokie zainteresowania przedstawicieli tej dyscypliny. W bieżącym roku część tę poszerzyliśmy dodatkowo o rozważania przekładoznawcze, decydując się na opublikowanie szkicu o tłumaczeniach *Rewizora* na język polski i esperanto. Badania historycznojęzykowe reprezentują tym razem artykuł o interpunkcji rosyjskich rękopiśmiennych dokumentów z XVIII wieku oraz próba rekonstrukcji prasłowiańskiego gniazda czasownika **tomiti*. W kręgu problematyki współczesnego języka rosyjskiego znalazły się natomiast opracowania poświęcone konwergencji przysłówka *myno* do kategorii partykuł, analiza terminologii związanej z językiem polityki i omówienie dwu kluczowych pojęć językowego obrazu kobiety i mężczyzny w rosyjskiej prozie wiejskiej.

Prace z zakresu glottodydaktyki dotyczą różnych aspektów nauczania i uczenia się języka rosyjskiego na studiach filologicznych oraz na lektoracie języka rosyjskiego. W artykułach wskazano na zalety stosowania na studiach rusycystycznych technik coachingu, polegających na pracy w partnerstwie, przedstawiono również innowacyjne metody nauczania obcego języka specjalistycznego w procesie kształcenia politechnicznego. Proponowane nowatorskie techniki pracy stwarzają możliwość

optymalizacji procesu akwizycji języków obcych i stanowią odzwierciedlenie coraz szerszych zainteresowań współczesnej glottodydaktyki poszukiwaniem efektywnych rozwiązań nauczania języków obcych. W dziale *Glottodydaktyka* zamieszczono także artykuły o charakterze deskryptywno-eksplikatywnym z zakresu metodyki nauczania języków obcych oraz prace przeglądowe, które koncentrują się na zagadnieniach nauczania gramatyki. Rozpatrywane są również zagadnienia dotyczące konstruowania testów językowych i badania efektów uczenia się języka obcego.

Halina Chodurska
Dorota Dziewanowska
Barbara Stawarz

Gabriela Dudek

Język polityki jako przedmiot badań polskiej i rosyjskiej politolingwistyki. Rozważania pojęciowo-terminologiczne

Politolingwistyka jako nauka jednocząca naukowców wokół specyficznego materiału badawczego¹, a nie jednej terminologii czy metodologii², dopuszcza używanie różnorodnych terminów dla określenia przedmiotu swoich badań. Już w 1982 roku Stanisław Dubisz w artykule pt. *Język i styl tekstów o tematyce politycznej* wymienia szereg wyrażen terminologicznych oznaczających przedmiot opisu: *język polityczny, język polityki, język propagandy, język propagandy politycznej, język ideologiczny państwa, język tekstów politycznych, styl propagandy politycznej, styl tekstów o tematyce politycznej, nowomowa*³. Sytuacja ta pozostaje bez zmian – polscy i rosyjscy

¹ W polskiej literaturze przedmiotu pod terminem *politolingwistyka* należy rozumieć „ogół badań o charakterze językoznawczym, dotyczących sfery życia politycznego” (S. Sojda, *Słowacka i polska politolingwistyka*, [w:] *Z warsztatu współczesnego słowacysty. Studia słowacystyczne dedykowane pamięci profesor Marii Honowskiej*, red. H. Mieczkowska, A. Hudymać, Z. Babik, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010, s. 95). W rosyjskich pracach z kolei ekwiwalentem danego terminu jest *политическая лингвистика*, którą definiuje się na przykład jako „раздел языкознания, в центре которого оказываются речевые и дискурсивные практики в контексте политических коммуникаций, а также политические метафоры” (Н.М. Мухарямов, Л.М. Мухарямова, О.Б. Януш, Е.В. Ширкина, *Политическая лингвистика*, Казанский государственный энергетический университет, Казань 2009, s. 5).

² Zob. Н.Г. Шехтман, *Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург 2005, s. 30.

³ Zob. S. Dubisz, *Język i styl tekstów o tematyce politycznej*, „Poradnik Językowy” 1982, nr 9, s. 60. Dodajmy, iż S. Dubisz wydziela termin *nowomowa* ze względu na jego nacechowanie pejoratywne. Pozostałe wyrażenia, traktowane jako neutralne, dzieli ze względu na rodzaj skomponowanych w nich członów. Pierwszy podział dotyczy początkowego członu wyrażen i odróżnia przedmiot opisu: wybór leksemu *język* mówi bowiem, iż będą opisywane elementy systemu językowego w ogóle, podczas gdy leksem *styl* wskazuje wyłącznie na elementy służące stylizacji i decydujące o odmienności tekstów o tematyce politycznej na tle innych tekstów. Drugie rozgraniczenie, opierające się na pozostałych komponentach wyrażen, wyłania dwie grupy o różnych zakresach znaczeniowych: synonimiczne frazy o szerszym zakresie (*język polityki, język polityczny, język ideologiczny państwa, język tekstów politycznych*) oraz wyrażenia o węższym zakresie z członem rzeczownikowym *propaganda* (*język propagandy, język propagandy politycznej*) (zob. *ibidem*, s. 601–602).

językoznawcy zajmujący się specyfiką wypowiedzi w sferze działalności politycznej nadal posługują się niejednorodną terminologią dla określenia eksplorowanego materiału, dodając do wyżej przywołanych sformułowań nowe, np. *język w polityce*, *dyskurs polityczny*, *neonowomowa*⁴ czy *tekst polityczny*⁵. Należy także podkreślić, iż wymienione określenia nie posiadają jednej ogólnie przyjętej definicji.

Niniejszy artykuł przedstawia rozumienie i zakres pojęcia kluczowego dla danego obiektu badań w polskiej i rosyjskiej literaturze naukowej.

Język polityki czy rzadziej używany synonim *język polityczny*⁶ to jeden z podstawowych terminów oznaczających obiekt badań polskiej politolingwistyki. Niemniej jego status jest sporny – językoznawcy nie są zgodni co do tego, czy w ogóle należy wyodrębnić język polityki i co przyjmować za jego desygnat.

W polskiej literaturze przedmiotu najdokładniejszą definicję prezentowanego terminu podaje Bogdan Walczak w artykule pt. *Co to jest język polityki?*:

[...] Język polityki jest funkcjonalną odmianą języka ogólnego (prymarnie w jego wariacie oficjalnym), stosowaną w tekstach, które: 1) są wytwarzane przez środowisko polityków i ludzi z nimi związanych (doradców, rzeczników prasowych, pozostających na usługach polityków specjalistów z dziedziny socjotechniki, propagandy, reklamy np.) oraz dziennikarzy specjalizujących się w problematyce politycznej, 2) są adresowane intencjonalnie do wszystkich użytkowników języka ogólnego, 3) dotyczą sfery polityki i 4) odznaczają się dominacją funkcji perswazyjnej [...]”⁷.

B. Walczak uzasadnienie swojego stanowiska zaczyna od stwierdzenia, iż język polityki oznacza odmianę języka narodowego, ponieważ bez wątpienia w danym wypadku nie możemy mówić o języku w ogóle, języku etnicznym czy sformułowaniu metaforycznym typu *język kwiatów*. Przyjmując, że odmiany językowe dzielimy na terytorialne, socjalne (środowiskowe) i funkcjonalne (stylowe), polski lingwista

⁴ Zob. E. Sękowska, *Charakterystyka dyskursu politycznego na przełomie XX i XXI wieku*, „Poradnik Językowy” 2006, nr 3, s. 9.

⁵ Zob. J. Fras, *Komunikacja polityczna. Wybrane zagadnienia gatunków i języka wypowiedzi*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2005 oraz R. Wróblewski, *Hasła konstytutywne tekstów politycznych z lat 1989–1995*, [w:] *Oblicza komunikacji 1. Seria „Język a komunikacja 12”*, t. 2, red. I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Zaśko-Zielińska, Wydawnictwo Tertium, Kraków 2006.

⁶ A. Balczyńska-Kosman zwraca uwagę, iż obok języka polityki funkcjonuje *język politologii*, który odnosi się do języka naukowego i służy poznawaniu faktów, zjawisk i procesów politycznych. Obu języków, pomimo wzajemnych oddziaływań, nie należy utożsamiać, a głównym różnicującym je kryterium jest funkcja perswazyjna (zob. A. Balczyńska-Kosman, *Perswazja i populizm jako elementy języka polityki*, [w:] *Polityka i perswazja*, red. P. Lisewski, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2007, s. 61). Zbigniew Blok dodaje, iż język politologii jako język używany przez specjalistów cechuje w dużej mierze hermetyczność, podczas gdy prostszy i mniej precyzyjny język polityki jest nastawiony na masowego odbiorcę (zob. Z. Blok, *Teoria polityki. Studia*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1998, s. 36). Szerzej o różnicach między językiem polityki a językiem politologicznym zob. *ibidem*, s. 30–36.

⁷ B. Walczak, *Co to jest język polityki?*, [w:] *Język polityki a współczesna kultura polityczna. Seria „Język a Kultura”*, t. 11, red. J. Anusiewicz, B. Siciński, Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, Wrocław 1994, s. 20.

za oczywiste przyjmuje wykluczenie języka polityki z odmiany terytorialnej. Ze względu na odbiorcę wypowiedzi w sferze działalności politycznej (czyli możliwie największą liczbę członków społeczeństwa) B. Walczak nie uznaje rozpatrywanego zjawiska za odmianę środowiskową – język polityki jest bowiem pozbawiony charakterystycznej dla odmian socjalnych hermetyczności. W konsekwencji niniejszy termin został określony jako funkcjonalna odmiana języka ogólnego, a do usytuowania go na tle „klasycznych” odmian przyjęto następujące założenia⁸: podział języka na odmiany stylowe zakłada również wyłonienie się odmian „pogranicznych”; za kryterium podziału można przyjmować także sferę rzeczywistości pozajęzykowej i czynniki natury środowiskowej; konstytutywny faktor odmiany funkcjonalnej może stanowić dominująca w niej funkcja języka⁹.

Powyższe założenia pozwoliły autorowi sformułować zacytowaną wcześniej definicję.

Mimo iż część językoznawców w swoich pracach przyjęła omówiony punkt widzenia¹⁰, istnieją odmienne spojrzenia na dany fenomen. Uwagi do definicji B. Walczaka wypunktowuje Magdalena Trysińska, według której teksty tej odmiany mogą być w dzisiejszych czasach tworzone przez każdego, np. przez internautę zadającego pytania politykowi. W dodatku, jak pisze M. Trysińska, wymienione cechy języka polityki są zbyt ogólnikowe, a silne zróżnicowanie wewnętrzne tych tekstów uniemożliwia określenie wykładników funkcji perswazyjnej dla tej odmiany¹¹.

Na problem przynależności języka polityki do odmiany funkcjonalnej zwraca uwagę Janina Fras, por.:

---

⁸ Należy tutaj przywołać słowa A. Siewierskiej-Chmaj, podkreślającej, iż trudno język polityki nazwać klasyczną funkcjonalną odmianą polszczyzny: „Jedyną niepodważalną kryterium odmiany funkcjonalnej, które spełnia język polityki, to kryterium tematyczne, odnoszące się do leksykalnej zawartości tekstów” (A. Siewierska-Chmaj, *Język polskiej polityki. Politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919–2004*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Informatyki i Zarządzania, Rzeszów 2006, s. 37).

⁹ Zob. B. Walczak, *op. cit.*, s. 15–20.

¹⁰ Zob. np. I. Borkowski, *Teoretyczne podstawy normatywnej oceny języka polityki i ich praktyczne wykorzystanie w językoznawstwie współczesnym*, „Poradnik Językowy” 1999, nr 8–9; idem, *Świt wolnego słowa. Język propagandy politycznej 1981–1995*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2003; E. Laskowska, *Sytuacje komunikacyjne w dyskursach politycznych*, [w:] *Język trzeciego tysiąclecia II. Nowe oblicza komunikacji we współczesnej polszczyźnie. Seria „Język a komunikacja 4”*, t. 1, red. G. Szpila, Wydawnictwo Tertium, Kraków 2002; A. Małycka, *Rytuały sejmowe w latach 1980–1982 i 1991–1993*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2003; M.A. Moch, *Perswazja – wartości – wybór. O języku kampanii samorządowej 1998 roku*, „Poradnik Językowy” 2001, nr 5; M. Poprawa, *Telewizyjne debaty polityków jako przykład dyskursu publicznego*, Universitas, Kraków 2009; L. Zieliński, *Wpływ słownictwa sportowego na język polityki*, [w:] *Język trzeciego tysiąclecia II...* Uzupełnijmy, iż synonimicznie do terminu *język polityki* Marcin Poprawa stosuje wyrażenie *język propagandy politycznej* (zob. M. Poprawa, *op. cit.*, s. 39).

¹¹ Zob. M. Trysińska, *Jak politycy komunikują się ze swoimi wyborcami? Analiza języka polityków na przykładzie rozmów prowadzonych w telewizji polskiej oraz internecie*, Dom Wydawniczy Elipsa, Warszawa 2004, s. 10. Badaczka za najodpowiedniejsze określenie języka polityki uważa definicję S. Dubisza (zob. *ibidem*, s. 11), przedstawioną w dalszej części niniejszego artykułu. Sama posługuje się określeniem *język polityków*, ponieważ rozpatruje tylko wypowiedzi działaczy politycznych (zob. *ibidem*, s. 12).

Czy język polityki jest odmianą stylową, funkcjonalną polszczyzny ogólnej? Dotychczasowe ujęcia sytuowały teksty polityczne w kilku różnych odmianach: w obrębie stylu publicystycznego, dziennikarskiego, retorycznego etc. Odmiana polityczna nie jest więc uznawana za klasyczną odmianę funkcjonalną. Wielu badaczy uważa jednak wyodrębnienie języka polityki za celowe i uzasadnione¹².

Badaczka za podstawę wydzielenia języka polityki uważa funkcję, jaką pełnią teksty tej odmiany, por.:

Jeśli bowiem za najistotniejsze kryterium wydzielenia odmiany przyjąć **funkcję**, jaką przede wszystkim spełniają teksty tej odmiany, wówczas język polityki – ze względu na wyraźną **perswazyjność** tekstów politycznych – wart jest wyodrębnienia¹³.

Należy dodać, iż J. Frasz wyróżnia trzy podtypy języka polityki: język propagandy, język agitacji oraz język dyplomacji (dyplomatyczny)¹⁴. Zgodnie z opinią polskiej badaczki, agitacja różni się od propagandy nie tylko tym, że jej cele są doraźne, a propagandy dalekosiężne. Teksty agitacyjne są bowiem częściej napastliwe, przez co ich język jest bardzo emocjonalny¹⁵. „Niedookreśloność, ogólnikowość i formuliczność”¹⁶ to z kolei cechy języka dyplomacji.

Niejednolitość rozpatrywanego fenomenu wyraża także stanowisko Stanisława Dubisza, przyjęte przez Elżbietę Sękowską i Józefa Porayskiego-Pomstę. W definicji tego językoznawcy język polityki można rozpatrywać na dwóch płaszczyznach, por.:

naczenie tego terminu ma dwa aspekty. Po pierwsze, należy przez to określenie rozumieć słownictwo i frazeologię odnoszące się do szeroko rozumianej działalności politycznej. W tym znaczeniu wyrażenie *język polityki (polityczny)* funkcjonuje na podobnej zasadzie jak terminy: *język techniczny, język wojskowy, język sportowy* i określa jeden ze specjalistycznych wariantów polszczyzny, tzw. **wariantów przedmiotowych**. Po drugie, przez ten termin należy rozumieć przekazy formułowane przez różne grupy użytkowników polszczyzny, biorących udział w szeroko rozumianym życiu politycznym i działalności politycznej. W tym wypadku zatem termin *język polityki* obejmuje swym zakresem *dyskurs polityczny*, co znacznie ten zakres rozszerza. [...] W tym znaczeniu wyrażenie *język polityki* określa jeden z tzw. **sytuacyjnych wariantów** języka polskiego¹⁷.

¹² J. Frasz, *Język propagandy politycznej*, [w:] B. Dobek-Ostrowska, J. Frasz, B. Ociepka, *Teoria i praktyka propagandy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1997, s. 88.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ Zob. *ibidem*, s. 89. I. Kamińska-Szmaj kładzie nacisk na fakt, iż to język propagandy politycznej jest najważniejszym podtypem języka polityki (zob. I. Kamińska-Szmaj, *Język polityki na tle przemian kulturowych*, [w:] *Język a kultura. Tom jubileuszowy. Seria „Język a Kultura”*, t. XX, red. A. Dąbrowska, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2008, s. 259). Autorka stwierdza także, że ów język propagandy stosowany jest w wypowiedziach skierowanych do obywateli przez działaczy politycznych, którzy walczą o władzę (zob. *ibidem*).

¹⁵ Zob. J. Frasz, *Język propagandy politycznej...*, s. 88.

¹⁶ *Ibidem*, s. 90.

¹⁷ S. Dubisz, E. Sękowska, J. Porayski-Pomsta, *Leksykalny kod polityczny we współczesnej komunikacji językowej*, [w:] *Polska polityka komunikacyjnojęzykowa wobec wyzwań XXI wieku*,

W powyższym ujęciu omawiane zjawisko zostało usytuowane pomiędzy polszczyzną ogólną i jej odmianami, mówioną i pisaną, a stylami funkcjonalnymi¹⁸. S. Dubisz dodaje, iż termin *język polityki (polityczny)* można używać w aspekcie przedmiotowym i sytuacyjnym. Warianty terminologiczne można także różnicować pod względem zakresowym: *język polityki* oznaczałby wariant przedmiotowy (specjalistyczny), podczas gdy *język polityczny* odnosiłby się do wariantu sytuacyjnego (dyskursywnego)¹⁹. Bez względu na powyższe rozgraniczenie język polityki zdaniem lingwisty stanowi:

[...] pewien zespół (wybór) środków językowych, charakteryzujący przekazy o tematyce politycznej, w różnoraki sposób motywowane sytuacyjnie. Jest zatem *język polityki (polityczny)*, uzasadnionym przedmiotowo i sytuacyjnie, rejestrem etnicznego języka polskiego²⁰.

Przeciwstawną koncepcję odnajdujemy w artykule Karoliny Lewickiej, por.:

Biorąc pod uwagę sposoby komunikacji polityków w ramach systemu politycznego, jak i poza jego obszarem, bardziej zasadne byłoby umieszczenie języka polityki w obrębie typu mówionego, podtyp oficjalny, styl retoryczny, bowiem największy wpływ na wyborców i kontrkandydatów ma to, co i jak polityk mówi²¹.

Inne podejście zostało przedstawione w pracach Kazimierza Ożoga, który w swojej definicji języka polityki zsyła się na rzeczywistość pozajęzykową, por.:

---

red. S. Gajda, A. Markowski, J. Porayski-Pomsta, Elipsa, Warszawa 2005, s. 152–153. Por.: „Język polityki to konglomerat środków językowych, zwłaszcza leksykalnych i frazeologicznych, używanych w komunikacji politycznej, tzn. w działalności władz państwa w jego sprawach wewnętrznych i zewnętrznych oraz w zorganizowanej działalności grup społecznych mającej na celu zdobycie i utrzymanie władzy w państwie” (*Encyklopedia języka polskiego*, red. S. Urbańczyk, M. Kucała, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków 1999, s. 156).

¹⁸ Zob. S. Dubisz, E. Sękowska, J. Porayski-Pomsta, *op. cit.*, s. 152.

¹⁹ Zob. *ibidem*, s. 153.

²⁰ *Ibiem*. Dodajmy, iż podobnym znaczeniu funkcjonuje termin *język religijny*, który stanowi „[...] odmianę języka ogólnego, używaną w sferze życia religijnego, a więc we wszystkich sytuacjach społecznych i indywidualnych, mających odniesienie do sacrum (rzeczywistości transcendentnej)” (R. Grzegorzczakowa, *Kilka refleksji na temat istoty, zakresu i cech swoistych języka religijnego*, „Poradnik Językowy” 2008, nr 10, s. 4–5). Szerzej zob. *ibidem* i M. Makurowska, *Przemiany współczesnego języka religijnego*, [w:] *Współczesna polska i słoweńska sytuacja językowa = Sodobni jezikovni položaj na Poljskem in v Sloveniji*, red. S. Gajda, A.V. Muha, Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej, Opole 2003. Warto nadmienić, iż istnieją prace badające cechy wspólne komunikacji religijnej i politycznej – zob. E.B. Бобырева, *Соотношение религиозного и политического дискурса*, [w:] *Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы*, ред. Е. И. Шейгал. Перемена, Волгоград 2009.

²¹ K. Lewicka, „*To, jak mówię, czy to jak wyglądam?*” *O pozycji języka w strukturze autoprzedstawienia polityka*, [w:] *Polityka i perswazja*, red. P. Lisowski, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2007, s. 115–116.

[...] język polityki wyróżniany jest na podstawie cech pozostających na zewnątrz systemu językowego, jest to odmiana bardzo zróżnicowana, niejednorodna, łącząca różne style i sposoby mówienia, która obsługuje działalność publiczną związaną z funkcjonowaniem państwa, sprawowaniem władzy, podejmowaniem decyzji, uzasadnianiem tychże, stanowieniem prawa, bieżącą działalnością parlamentu, prezydenta i innych organów władzy, z działalnością partyjną, samorządową, z kampaniami wyborczymi itp.²²

Analizowane zjawisko, zgodnie ze stanowiskiem K. Ożoga, odzwierciedla pełne bogactwo życia politycznego – działania związane z rządzeniem, a także postawy ideologiczne, systemy aksjologiczne i programy polityczne różnych partii²³. Tak pojmowany język polityki nie stanowi samodzielnej odmiany i zawiera różnorakie elementy, np. stylu urzędowego, reklamowego czy potocznego²⁴. Językoznawca tak podsumowuje swoje rozważania:

Uważam, że *język polityki* jest wygodnym terminem i znaczy po prostu język tekstów politycznych. Teksty te łączą w sobie różne odmiany polszczyzny, rejestry leksykalne, style, odmienne sposoby mówienia²⁵.

Podobne zdanie wyrażają Irena Kamińska-Szmaj i Alina Balczyńska-Kosman, por.:

– Język polityki jest bardzo zróżnicowany, tworzą go bowiem różne idiolekty osób pełniących funkcje państwowe i partyjne. Różne jego realizacje obserwujemy w prasie, radiu i telewizji, a także na wiecach, spotkaniach przedwyborczych oraz w parlamencie. Na język polityki składają się teksty należące do różnych gatunków wypowiedzi, do różnych odmian polszczyzny (mówionej i pisanej). Nie można więc mówić o jednym języku polityki, lecz o jego różnych wersjach zróżnicowanych zarówno ze względu na czynniki wewnątrzjęzykowe, jak i zewnątrzjęzykowe²⁶;

²² K. Ożóg, *Język w służbie polityki. Językowy kształt kampanii wyborczych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2004, s. 39.

²³ Zob. K. Ożóg, *Uwagi o języku polskiej polityki po roku 1989*, [w:] *Przekazy polityki*, red. A. Siewierska-Chmaj, Konsorcjum Akademickie, Kraków–Rzeszów–Zamość 2009, s. 84–85. Dodajmy, iż K. Ożóg wydziela siedem etapów rozwojowych języka polityki w latach 1989–2008, którym odpowiadają poszczególne kadencje Sejmu RP od tzw. sejmiku kontraktowego. Każdy z tych okresów charakteryzuje się swoistą leksyką, systemem aksjologicznym czy tłem pragmatycznym – zob. *ibidem*, s. 96–98.

²⁴ Zob. *ibidem*, s. 90–91.

²⁵ *Ibidem*, s. 91. Por.: „Określenie *język polityki* rozumiane jest w pracy jako język publicznych wypowiedzi na tematy polityczne, społeczne, czyli tak zwanego politycznego dyskursu, w którym na łamach prasy wypowiadają się politycy oraz dziennikarze” (B. Kudra, *Kreatywność leksykalna w dyskursie politycznym polskiej prasy lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2001, s. 4).

²⁶ I. Kamińska-Szmaj, *Słowa na wolności. Język polityki po 1989 roku: wypowiedzi, dowcip polityczny, słownik inwektyw*, Wydawnictwo Europa, Wrocław 2001, s. 6. I. Kamińska-Szmaj w innej publikacji doprecyzowała, iż wykorzystując termin *język polityki*, pisze o „tekstach dotyczących sfery życia społeczno-politycznego, tworzonych przez środowiska polityków oraz ludzi związanych z życiem publicznym i spełniających określone zadanie komunikacyjne, którym jest dążenie nadawcy do wpłynięcia na postawy i zachowania odbiorców” (I. Ka-

– [Język polityki] To umowne pojęcie, określające funkcjonalną odmianę języka ogólnego, ukształtowanego na przestrzeni lat. W istocie to nie jeden rodzaj języka, ale liczne jego odmiany, różne języki polityki, opisujące praktykę polityczną, odznaczające się przewagą funkcji perswazyjnej nad informacyjną czy emotywną. Językiem polityki posługują się politycy, dziennikarze, specjaliści od marketingu politycznego, rzecznicy prasowi, a także bierni uczestnicy życia politycznego. Język polityki nacechowany jest emocjonalnie, zawiera apele pod adresem odbiorców. Pojęcie to obejmuje zróżnicowane teksty zarówno mówione jak i pisane, należące do różnych odmian polszczyzny i gatunków wypowiedzi²⁷.

Uznany specjalista na gruncie politolingwistyki, Jerzy Bralczyk, również nie jest przekonany o możliwości postrzegania języka polityki w kategorii jednorodnego fenomenu, por.:

Można zresztą wątpić, czy da się obronić publicystycznie atrakcyjną tezę o istnieniu obecnie odmiany, którą dałoby się określić jako język polityki²⁸.

Według tego cenionego językoznawcy status języka polityki jest problematyczny i hipotetyczny, ponieważ precyzyjnie charakteryzuje wyłącznie cechy zewnątrzjęzykowe. Cechy wewnątrzjęzykowe są natomiast zmienne i trudne do włączenia w jedną tylko odmianę²⁹. Ze względu na odejście jednolitego języka propagandy politycznej i zastąpienie go zróżnicowanym językiem polityki J. Bralczyk dopuszcza istnienie „wielu polskich języków polityki”³⁰. W *Encyklopedii języka polskiego* pod redakcją Stanisława Urbańczyka i Mariana Kucaty w haśle *Język polityki* zamieszczono inną tezę J. Bralczyka, mówiącą, że najbardziej właściwymi

---

mińska-Szmaj, *Wyrazy obraźliwe w intertekstualnej przestrzeni*, „Poradnik Językowy” 2005, nr 4, s. 9).

²⁷ A. Balczyńska-Kosman, *op. cit.*, s. 61.

²⁸ J. Bralczyk, *O języku propagandy i polityki*, Wydawnictwo Trio, Warszawa 2007, s. 293.

²⁹ Zob. J. Bralczyk, *O używaniu języka w polskiej polityce w latach dziewięćdziesiątych*, [w:] *Polszczyzna 2000. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, red. W. Pisarek, Uniwersytet Jagielloński, Ośrodek Badań Prasoznawczych, Kraków 1999, s. 198.

³⁰ *Ibidem*. Por.: „[...] Opisać współczesny język polskiej polityki w tak pełnej postaci, w jakiej był możliwy opis języka partyjno-państwowej propagandy polskiej w latach siedemdziesiątych XX wieku po prostu się nie da. Jest w tym języku dziś pełno manipulacji, demagogii, mętniactwa, wulgarności, za co zbiera cięgi. Ale jest różnorodny, nieprzewidywalny i – co najważniejsze – nie ma swojego jedyne gospodarza. I niepodważalnych reguł” (J. Bralczyk, *O języku propagandy...*, s. 13–14).

W tej kwestii J. Bralczyk wypowiedział się także w „Gazecie Wyborczej” w wywiadzie *Polityku, pokaż język* (18.07.2003), por.: „Dziś w polityce mamy różne rodzaje wypowiedzi – inaczej politycy przemawiają na manifestacji, inaczej w parlamencie, a jeszcze czym innym jest język ulotki wyborczej. Także partie mają własne języki. [...] Język polityki definiujemy nie tyle przez konkretne słowa, zwroty i gramatykę, ile ze względu na to, że posługują się nim właśnie politycy. To już nie jest jeden język, lecz różne języki, którymi mówią do nas różni politycy”. O cechach języka poszczególnych ugrupowań (konserwatywnych i narodowych, liberalnych, oraz socjalistycznych) zob. J. Bralczyk, *O języku propagandy...*, s. 327–328.

w danym przypadku będą określenia *język w polityce* lub *język wypowiedzi politycznych*³¹.

Zaprezentowane rozważania świadczą o niepewnym statusie języka polityki w polskich badaniach. Wśród rosyjskich językoznawców także nie ma zgody co do tego, jak określać dany termin (ros. *язык политики, политический язык*), choć stanowi on jeden z głównych terminów nazywających obiekt badań politolingwistyki w Rosji. Jedno z podejść próbuje definiować język polityki poprzez jego charakterystykę funkcjonalną, por.:

Политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества [...] ³².

Powyższą definicję doprecyzowuje Anatolij P. Czudinow, por.:

[политический язык –] особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмоционального воздействия на граждан и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе ³³.

Na funkcjach wyróżnionego zjawiska bazuje także definicja opublikowana w podręczniku pt. *Политическая лингвистика* z 2009 roku, por.:

К числу наиболее типичных способов выражения роли языка в политической жизни можно, вероятно, отнести такие: язык как инструмент политической деятельности и, в частности, как средство артикуляции [интересов], социализации, коммуникации, пропаганды, идеологии в сфере политического и пр. Обобщающее выражение эти аспекты получают в **языке политики**³⁴.

³¹ Zob. *Encyklopedia języka polskiego...*, s. 156. W przywołanym wywiadzie J. Bralczyk twierdzi również: „Lepiej mówić o języku w polityce niż języku polityki – zwracamy wtedy uwagę na sposób używania języka w jakiejś sferze działania”. Warto dodać, iż termin *język w polityce* pojawia się również w pracy S.J. Rittela i jest definiowany jako „środki leksykalne, frazeologiczne i niewerbalne, wykorzystywane przez ludzi polityki, odmiana języka ogólnego” (S.J. Rittel, *Komunikacja polityczna. Dyskurs polityczny. Język w przestrzeni politycznej*, Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej im. Jana Kochanowskiego, Kielce 2003, s. 214). Badacz wprowadza także określenie *język w przestrzeni politycznej*. W centrum ogólnego modelu języka w przestrzeni politycznej autor umieszcza *język-osnowę* (język jako system), a w stosunku do niego *metajęzyk teorii, język polityki* (jako język działalności profesjonalnej polityków, publicystów, koalicji rządzącej, opozycji itd.) oraz *języki pozostałych uczestników życia politycznego* (odbiorców, tzw. zwykłych ludzi) (zob. *ibidem*, s. 185–186). Szerzej zob. *ibidem*, s. 139–197.

³² А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич, *Парламентские дебаты: традиции и новации*, Знание, Москва 1991, s. 6.

³³ А.П. Чудинов, *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2001, s. 11.

³⁴ Н.М. Мухарьямов, Л.М. Мухарьямова, О.Б. Януш, Е.В. Ширкина, *op. cit.*, s. 41–42.

W dalszej części czytamy:

Язык политики – это средство коммуникации, связывающее властвующие инстанции с обществом при посредничестве неправящих институтов – партий, ассоциаций, заинтересованных групп, СМИ и пр.³⁵

Autorzy dodają, iż należy odróżniać język polityki od *języka władzy* (*язык власти*), który jest przede wszystkim językiem rządzenia, rozkazów, dekretów, poleceń, rozporządzeń³⁶.

Olga I. Worobjowa zwraca uwagę na fakt, iż wyróżnienie języka polityki jako samodzielnego podsystemu języka jest podyktowane nie tylko jego określonymi funkcjami, głównie oddziaływaniem na innych, lecz także specyficznym tezauresem³⁷. To właśnie leksykę polityczną³⁸ rosyjska badaczka przyjmuje za podstawę języka polityki³⁹, ponieważ zgodnie z jej opinią, leksyka stanowi najważniejszy aspekt komunikacji politycznej, por.:

С одной стороны, слова этой микросистемы являются терминами, отличающимися, как известно, особой сферой употребления, точностью наименования и от-

---

³⁵ *Ibidem*, s. 45.

³⁶ Zob. *ibidem*, s. 8. Rosyjscy badacze w swoim podręczniku do politolingwistyki równoległe z wymienionymi terminami posługują się określeniami *języki polityki* (*языки политуки*) i *języki władzy* (*языки власти*) (zob. *ibidem*, s. 40–57).

³⁷ Zob. O.I. Воробьева, *Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи*, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск 2000, s. 6.

³⁸ O.I. Worobjowa charakteryzuje leksykę polityczną, której jednostki nazywa *politemami* (*политемы*), jako leksykę nazywającą pojęcia związane z rolą człowieka w społeczeństwie, państwie (zob. *ibidem*, s. 9). Warto również zaznaczyć, iż koncepcja O.I. Worobjowej koresponduje z przedstawioną definicją języka polityki S. Dubisza – autor podkreśla, iż dany fenomen znajduje swe wykładniki głównie w słownictwie i frazeologii. W artykule współautorstwa E. Sękowskiej i J. Porayskiego-Pomsty został nawet użyty termin *kod leksykalny języka polityki*, przez który rozumie się „zasób takich jednostek słownikowych i zasad ich stosowania w wypowiedziach, które szczególnie często występują w przekazach o tematyce politycznej, są wyraźnie zaksjologizowane, mają wyraźnie określony kontur znaczeniowy i emocjonalny, w świadomości użytkowników języka jednoznacznie łączą się ze sferą polityki” (S. Dubisz, E. Sękowska, J. Porayski-Pomsta, *op. cit.*, s. 153). Tutaj należy także przywołać termin W. Pisarka – *słowa sztandarowe*, oznaczający „wyrazy i wyrażenia, które z racji swojej wartości denotacyjnej i konotacyjnej, a zwłaszcza emotywnej, nadają się na sztandary i transparenty, a więc do roli x lub y w strukturach typu *Niech żyje x! Precz z y!* (np. *honor, wolność, ojczyzna, równość; dyktatura, anarchia, klerykaizm*)” (*Encyklopedia języka polskiego...*, s. 351). Słowa sztandarowe szczególnie w polityce służą do wyodrębniania ugrupowań i orientacji, jednania im zwolenników; określania celów; walczenia o zdobycie i utrzymanie władzy [*ibidem*]. Szerzej o słowach sztandarowych zob. W. Pisarek, *Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność: lata dziewięćdziesiąte*, „Zeszyty Prasoznawcze” 2000, nr 3–4.

³⁹ Leksykę polityczną za najważniejszą składową języka polityki uznają także Olga W. Zagorowskaja i Sałman A. Jesmajejeł – zob. O.B. Загоровская, С.А. Есмеев, *Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка*, „Вестник Воронежского государственного университета” 2008, № 3, Серия „Лингвистика и межкультурная коммуникация”.

сутствием коннотативных элементов. С другой стороны, именно политическая лексика и понятия, ею обозначаемые, вызывают неоднозначное эмоционально-оценочное отношение к себе носителей языка, особенно в периоды интенсивной политизации различных сторон в жизни данного общества⁴⁰.

O.I. Worobjowa zaznacza również, iż trudno jasno sprecyzować status opisywanego fragmentu rzeczywistości⁴¹: nie można nazwać go stylem, gdyż zakres języka polityki jest szerszy niż pojęcie stylu; nie można go także nazwać grupą leksykalno-semantyczną, ponieważ posiada uwarunkowania komunikacyjne i specyfikę funkcjonowania⁴². Dlatego uczona nazywa go „своеобразный языковой код, вторичная языковая система”⁴³.

Repertuar rozmaitych elementów kreujących zjawisko języka polityki znalazł swoje odzwierciedlenie również w definicji Neli W. Romanowskiej i Ady A. Striżenko, por.:

Что такое язык политики? Это конгломерат разнородных документов политических структур и политических организаций, выступлений и высказываний политических деятелей, событийных публикаций и публикаций аналитического характера в прессе, информация о политических событиях на телевидении и радио. В целом взаимодействие всех этих сегментов и представляет собой язык политики, формирующий концептуальную картину мира политики. Однако каждый из подобных сегментов языка политики довольно специфичен и своеобразен, поэтому для того чтобы составить себе целостное представление о языке политики, следует провести глубокие исследования всех сегментов, относящихся к этому понятию⁴⁴.

Inne ujęcie języka polityki, prezentowane przez Jelenę I. Szejgał, traktuje opisywany fenomen bardzo szeroko, por.:

[...] весь корпус знаков, составляющих семиотическое пространство политического дискурса, и есть то, что обычно называют языком политики. Он включает в себя специализированные знаки – как вербальные (политические термины, антропонимы и пр.), так и невербальные (политические символы и пр.), а также

---

40 O.I. Воробьева, *op. cit.*, s. 9. A.P. Czudinow odnotowuje potrzebę odróżniania leksyki politycznej od *politologicznej terminologii* (*политологическая терминология*), którą wykorzystuje się w specjalistycznych tekstach z dziedziny politologii (zob. A.P. Чудинов, *Политическая лингвистика. Учебное пособие*, Флинта, Наука, Изд. 3-е, Москва 2008, s. 90). Pod leksyką polityczną A.P. Czudinow rozumie: „тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан)” (*ibidem*). Lingwista zaznacza także, iż oba systemy wzajemnie się wzbogacają (zob. *ibidem*, s. 91).

41 Por.: „Политический язык находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией” (Р. Водак, *Язык. Дискурс. Политика*, Перемена, Волгоград 1997, s. 24).

42 Zob. O.I. Воробьева, *op. cit.*, s. 8.

43 *Ibidem*, s. 9.

44 Н.В. Романовская, А.А. Стриженко, *Язык политики*, http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=345&c_id=3219 [доступ: 03.05.2014].

неспециализированные знаки, изначально номинативно не ориентированные на данную сферу общения, однако, вследствие устойчивого функционирования в ней, приобретающие свою содержательную специфику (это, в частности, относится к личным местоимениям)⁴⁵.

Warto dodać, iż rozpatrywany termin jako system znaków definiuje także białoruska uczona, Swietłana I. Naumowa, por.:

Политический язык рассматривается нами как система знаков, фиксирующих политические явления и процессы⁴⁶.

Ze względu na wspólną przestrzeń językową autorka dopuszcza istnienie różnorodnych języków polityki, np. języka politologów i języka publicznych mów politycznych⁴⁷.

Powyższy przegląd koncepcji języka polityki w polskiej i rosyjskiej literaturze świadczy o tym, iż cechy dystynktywne danego zjawiska upatruje się na różnorodnych poziomach. Język polityki może oznaczać: swoisty styl funkcjonalny, słownictwo i frazeologię działalności politycznej, idiolekty osób spełniających funkcje partyjne i państwowe, system znaków przestrzeni politycznej oraz przekazy w życiu politycznym.

Literatura

Balczyńska-Kosman A., *Perswazja i populizm jako elementy języka polityki*, [w:] *Polityka i perswazja*, red. P. Lisowski, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2007.

Blok Z., *Teoria polityki. Studia*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1998.

Borkowski I., *Świt wolnego słowa. Język propagandy politycznej 1981–1995*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2003.

Borkowski I., *Teoretyczne podstawy normatywnej oceny języka polityki i ich praktyczne wykorzystanie w językoznawstwie współczesnym*, „Poradnik Językowy” 1999, nr 8–9.

---

45 Е.И. Шейгал, *Семиотика политического дискурса*, Гнозис, Москва 2004, s. 20–21. Por.: „[Język polityki] Jest to wszakże odrębny, wyspecjalizowany kod, w którym odzwierciedla się najdobitniej system wartości, kompetencji, kultury politycznej i zdolności „aktorów politycznych” – uczestników życia politycznego, szczególnie tzw. klasy politycznej. Gdy ruch polityczny instytucjonalizuje się w postaci partii politycznej, wytwarza zwykle narzędzia utożsamiania swych członków i zwolenników, jakim jest własny „język polityczny”. Chodzi o wytworzenie takiego kodu znaków i symboli jako środków komunikacji grupowej, porozumiewania się wewnątrz grupy i zaakcentowania swej odrębności wobec innych podmiotów polityki, który byłby skuteczny wielowymiarowo: oddzielał „swoich” od „obcych”, ekscytował nowością interpretacji powszechnie znanych pojęć, słów, haseł, odpowiadał w treściach przewidywanym zwolennikom, ich interesom, stereotypom, przekonaniom itp.” (B. Gołębiowski, *Polityka jako kultura*, [w:] *Metafory polityki*, red. B. Kaczmarek, Dom Wydawniczy Elipsa, Warszawa 2001).

46 С.А. Наумова, *Теоретические модели коммуникационных процессов и политическая коммуникация*, [в:] *Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*, ред. И.Ф. Уханова-Шмыгова, Вып. 2, Белорусский государственный университет, Минск 2000, s. 99.

47 Zob. *ibidem*.

- Bralczyk J., *O języku propagandy i polityki*, Wydawnictwo Trio, Warszawa 2007.
- Bralczyk J., *O używaniu języka w polskiej polityce w latach dziewięćdziesiątych*, [w:] *Polszczyzna 2000. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, red. W. Pisarek, Uniwersytet Jagielloński, Ośrodek Badań Prasoznawczych, Kraków 1999.
- Dubisz S., *Język i styl tekstów o tematyce politycznej*, „Poradnik Językowy” 1982, nr 9.
- Dubisz S., Sękowska E., Porayski-Pomsta J., *Leksykalny kod polityczny we współczesnej komunikacji językowej*, [w:] *Polska polityka komunikacyjnojęzykowa wobec wyzwań XXI wieku*, red. S. Gajda, A. Markowski, J. Porayski-Pomsta, Elipsa, Warszawa 2005.
- Encyklopedia języka polskiego*, red., S. Urbańczyk, M. Kucala, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków 1999.
- Fras J., *Język propagandy politycznej*, [w:] B. Dobek-Ostrowska, J. Fras, B. Ociepka, *Teoria i praktyka propagandy*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1997.
- Fras J., *Komunikacja polityczna. Wybrane zagadnienia gatunków i języka wypowiedzi*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2005.
- Gołębiowski B., *Polityka jako kultura*, [w:] *Metafory polityki*, red. B. Kaczmarek, Dom Wydawniczy Elipsa, Warszawa 2001.
- Grzegorzczkowska R., *Kilka refleksji na temat istoty, zakresu i cech swoistych języka religijnego*, „Poradnik Językowy” 2008, nr 10.
- Kamińska-Szmaj I., *Język polityki na tle przemian kulturowych*, [w:] *Język a Kultura. Tom jubileuszowy. Seria „Język a Kultura”*, t. XX, red. A. Dąbrowska, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2008.
- Kamińska-Szmaj I., *Słowa na wolności. Język polityki po 1989 roku: wypowiedzi, dowcip polityczny, słownik inwektyw*, Wydawnictwo Europa, Wrocław 2001.
- Kamińska-Szmaj I., *Wyrazy obraźliwe w intertekstualnej przestrzeni*, „Poradnik Językowy” 2005, nr 4.
- Kudra B., *Kreatywność leksykalna w dyskursie politycznym polskiej prasy lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2001.
- Laskowska E., *Sytuacje komunikacyjne w dyskursach politycznych*, [w:] *Język trzeciego tysiąclecia II. Nowe oblicza komunikacji we współczesnej polszczyźnie. Seria „Język a komunikacja 4”*, t. 1, red. G. Szpila, Wydawnictwo Tertium, Kraków 2002.
- Lewicka K., *„To, jak mówię, czy to jak wyglądam?” O pozycji języka w strukturze autoprezentacji polityka*, [w:] *Polityka i perswazja*, red. P. Lisowski, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań 2007.
- Makuchowska M., *Przemiany współczesnego języka religijnego*, [w:] *Współczesna polska i słoweńska sytuacja językowa = Sodobni jezikovni položaj na Poljskem in v Sloveniji*, red. S. Gajda, A.V. Muha, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, Opole 2003.
- Małycka A., *Rytuály sejmowe w latach 1980–1982 i 1991–1993*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin 2003.
- Moch M.A., *Perswazja – wartości – wybór. O języku kampanii samorządowej 1998 roku*, „Poradnik Językowy” 2001, nr 5.
- Ożóg K., *Język w służbie polityki. Językowy kształt kampanii wyborczych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2004.
- Ożóg K., *Uwagi o języku polskiej polityki po roku 1989*, [w:] *Przekazy polityki*, red. A. Siewierska-Chmaj, Konsorcjum Akademickie, Kraków–Rzeszów–Zamość 2009.
- Pisarek W., *Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność: lata dziewięćdziesiąte*, „Zeszyty Prasoznawcze” 2000, nr 3–4.

- Poprawa M., *Telewizyjne debaty polityków jako przykład dyskursu publicznego*, Universitas, Kraków 2009.
- Rittel S.J., *Komunikacja polityczna. Dyskurs polityczny. Język w przestrzeni politycznej*, Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej im. Jana Kochanowskiego, Kielce 2003.
- Sękowska E., *Charakterystyka dyskursu politycznego na przełomie XX i XXI wieku*, „Poradnik Językowy” 2006, nr 3.
- Siewierska-Chmaj A., *Język polskiej polityki. Politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919–2004*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Informatyki i Zarządzania, Rzeszów 2006.
- Sojda S., *Słowacka i polska politolingwistyka*, [w:] *Z warsztatu współczesnego słowacysty. Studia słowacystyczne dedykowane pamięci profesor Marii Honowskiej*, red. H. Mieczkowska, A. Hudymać, Z. Babik, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010.
- Trysińska M., *Jak politycy komunikują się ze swoimi wyborcami? Analiza języka polityków na przykładzie rozmów prowadzonych w telewizji polskiej oraz internecie*, Dom Wydawniczy Elipsa, Warszawa 2004.
- Walczak B., *Co to jest język polityki?*, [w:] *Język polityki a współczesna kultura polityczna. Seria „Język a Kultura”*, t. 11, red. J. Anusiewicz, B. Siciński. Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, Wrocław 1994.
- Wróblewski R., *Hasła konstytucyjne tekstów politycznych z lat 1989–1995*, [w:] *Oblicza komunikacji 1. Seria „Język a komunikacja 12”*, t. 2, red. I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Zaśko-Zielińska, Wydawnictwo Tertium, Kraków 2006.
- Zieliński L., *Wpływ słownictwa sportowego na język polityki*, [w:] *Język trzeciego tysiąclecia II. Nowe oblicza komunikacji we współczesnej polszczyźnie. Seria „Język a komunikacja 4”*, t. 1, red. G. Szpila, Wydawnictwo Tertium, Kraków 2002.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г., *Парламентские дебаты: традиции и новации*, Знание, Москва 1991.
- Бобырева Е.В., *Соотношение религиозного и политического дискурса*, [в:] *Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы*, ред. Е. И. Шейгал. Перемена, Волгоград 2009.
- Водак Р., *Язык. Дискурс. Политика*, Перемена, Волгоград 1997.
- Воробьева О.И., *Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи*, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск 2000.
- Загоровская О.В., Есмаеел С.А., *Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка*, „Вестник Воронежского государственного университета” 2008, № 3, Серия „Лингвистика и межкультурная коммуникация”.
- Мухарьямов Н.М., Мухарьямова Л.М., Януш О.Б., Ширкина Е.В., *Политическая лингвистика*, Казанский государственный энергетический университет, Казань 2009.
- Наумова С.А., *Теоретические модели коммуникационных процессов и политическая коммуникация*, [в:] *Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*, ред. И.Ф. Уханова-Шмыгова, Вып. 2, Белорусский государственный университет, Минск 2000.
- Романовская Н.В., Стриженко А.А., *Язык политики*, http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=345&c_id=3219 [доступ: 03.05.2014].

Чудинов А.П., *Политическая лингвистика. Учебное пособие*, Флинта, Наука, Изд. 3-е, Москва 2008.

Чудинов А.П., *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург 2001.

Шейгал Е.И., *Семиотика политического дискурса*, Гнозис, Москва 2004.

Шехтман Н.Г., *Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Екатеринбург 2005.

Язык политики как объект исследований польской и российской политической лингвистики.

Теоретическое осмысление понятия

Резюме

Язык политики является одним из базисных терминов для названия объекта исследований в области активно развивающейся политической лингвистики. Однако четкого и общепринятого определения данного сложного термина не существует. В настоящей статье рассматриваются теоретические проблемы, связанные с определением понятия „политический язык” в польской и российской политической лингвистике. Приводятся дефиниции политического языка и представляются основные функции этого многоаспектного явления. Автор подчеркивает дискуссионный статус языка политики в современной польской и российской лингвистике.

Ключевые слова: политический язык, язык политики, политическая лингвистика, политическая коммуникация

Language of politics as a subject of study of Polish and Russian political linguistics. Conceptual and terminological deliberations

Abstract

Language of politics is one of the basic terms for the name of the subject of research in a rapidly growing political linguistics. However, a clear and generally accepted definition of this complex term does not exist. The article presents terminological problems of the study of political language in Polish and Russian political linguistics. Definitions of political language are provided and the main functions of this multifaceted phenomenon are given. The author emphasizes the questionable status of the language of politics in modern Polish and Russian linguistics.

Key words: political language, language of politics, political linguistics, political communication

Gabriela Dudek
Uniwersytet Jagielloński
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
doktorantka
e-mail: gabriela.dudek@uj.edu.pl
+48 514456736

Radosław Gajda

Teksty techniczne w tłumaczeniu – spojrzenie tłumacza

Aleksander Szulc w Podręcznym Słowniku Językoznawstwa Stosowanego¹ podaje, że

język specjalistyczny (fachowy) jest to szczególna postać języka ogólnonarodowego, przystosowana do możliwie precyzyjnego opisu określonej gałęzi wiedzy lub techniki. Różni się od języka ponaddialektalnego przede wszystkim słownictwem fachowym, niejednokrotnie zawierającym wiele internacjonalizmów, oraz składnią, jak również częstotliwością użycia określonych form gramatycznych.

Teoretycy języka nie doszli jednak do porozumienia w kwestii definicji języka specjalistycznego, który wykazuje znaczne zróżnicowanie w zależności od dyscypliny naukowej lub danej specjalności zawodowej². Językoznawcy-semantycy albo twierdzą, że nie może być mowy o istnieniu języka specjalistycznego, albo wręcz pomijają milczeniem to zagadnienie³.

Tłumaczenie tekstów technicznych sprawia wiele trudności nie tylko początkującym tłumaczom, ale również doświadczonym lingwistom, którzy nie zawsze – co zrozumiałe – dysponują odpowiednią wiedzą specjalistyczną. Warto byłoby zatem zwrócić uwagę na pewne niuanse edycji tekstu technicznego, aby tym samym uświadomić sobie jakie pułapki językowe najczęściej czyhają na początkującego adepta sztuki przekładoznawczej i tym samym dążyć do eliminacji błędów.

W tym krótkim szkicu pragnę zwrócić uwagę na kilka aspektów tłumaczenia technicznego, o których, jak wykazuje praktyka, często zapominamy:

1. Przede wszystkim tekst powinien być krótki, zwięzły i nie pozwalać na dwójakie rozumienie przekazu. Prezentacji materiału w dokumentacji technicznej powinny zaś towarzyszyć słowa typu „должен”, „следует”, „необходимо”, „требуется, чтобы”, „разрешается только”, „не допускается”, „запрещается”, „не следует”, a także „могут быть”, „как правило”, „при необходимости”, „может быть”, „в случае” itd., jednocześnie dopuszczalne jest użycie w tekście form, np. „применяют”, „указывают” itp.

¹ A. Szulc, *Podręczny słownik językoznawstwa stosowanego*, Warszawa 1984, s. 106–107.

² J. Pieńkos, *Przekład i tłumacz we współczesnym świecie*, PWN, Warszawa 1993, s. 264.

³ *Ibidem*, s. 265.

2. Tłumacząc nagłówki rozdziałów i podrozdziałów unikać należy ich oznaczenia jako: „O [...]”, „Что Вы знаете о [...]”, „Как настроить [...]”, powinniśmy pamiętać, by prezentować je w postaci: „[...]”, „[...]”, „Настройка [...]” itd.
3. Przytaczane w tekście tłumaczenia dane liczbowe, w tym jednostki miar, powinny być podawane zgodnie z przyjętymi w tym zakresie standardami i wymogami. Linki i odwołania do standardów krajowych i międzynarodowych (np. jakości ISO) w przekładzie powinny być podawane w języku oryginału, a w nawiasie powinna znaleźć się wersja przekładu.
4. W tłumaczeniu operować należy terminami naukowo-technicznymi, oznaczeniami, określeniami odpowiadającymi stosownym standardom, a przy ich braku – terminologią powszechnie stosowaną w literaturze przedmiotu.
5. W tekście tłumaczenia należy unikać zwrotów <Вы>, <Вам> <Ваш>; stosując konstrukcje bierne.
6. W tłumaczeniach niedozwolone jest:
  - 6.1. stosowanie zwrotów potocznych, technicyzmów, profesjonalizmów;
  - 6.2. stosowanie dla jednego pojęcia różnych odpowiedników, bliskich znaczeniowo (synonimów), a także terminów obcych w sytuacji występowania ich ustalonych odpowiedników w języku docelowym;
  - 6.3. stosowanie konstrukcji potocznych;
  - 6.4. stosowanie skrótów, z wyjątkiem takich, które są zgodne z zasadami ortografii rosyjskiej i odpowiadają standardom językowym;
  - 6.5. skracanie oznaczeń fizycznych jednostek miar, jeżeli używane są one bez cyfr, z wyjątkiem jednostek miar w nagłówkach i kolumnach tablic, a także rozszyfrowanie oznaczeń literowych przy formułach i rysunkach;
7. W tłumaczeniu technicznym, z wyjątkiem formuł, tablic, rysunków niedozwolone jest:
  - 7.1. stosowanie znaku matematycznego minus (-), przed wartościami ujemnymi należy pisać słowo <минус>;
  - 7.2. stosowanie znaku $\emptyset$ dla określenia średnicy, należy bezwzględnie pisać słowo <диаметр>;
  - 7.3. stosowanie znaków matematycznych bez wartości liczbowych, np. > (больше), < (меньше), = (равно), (больше или равно), (меньше или равно), (не равно), a także znaków № (номер), % (процент);
8. W tekście tłumaczenia w charakterze cudzośłowu powinien być stosowany nie zwykły cudzośłów „ (poza dokumentami dotyczącymi oprogramowania), a znak < и > (Alt +0171, Alt +0187).
9. Należy bezwzględnie rozróżniać znak łącznika (-), minusa (-) (Ctr + Num -) i pauzy (-) (Alt +0151).
10. Przed nazwą produktu lub organu zarządzającego należy zawsze przytaczać rzeczownik określający, opisujący (np., nie Microsoft Windows, a system operacyjny Microsoft Windows; nie Microsoft Excel, a aplikacja Microsoft Excel; nie Scheduler, a program Scheduler; nie naciśnij Start, a naciśnij guzik START (ПУСК); nie moduł 3610, a moduł typu 3610, itd.).
11. Nazwy komend, poleceń, sygnałów itd. w tekście należy zawsze wydzielać cudzołowem, np. <Сигнал +27 В включен>.

12. W opisie oprogramowania i dokumentacji technicznej urządzeń produkcji zachodniej, dostarczanej z napisami i tablicami w języku oryginału, należy dołączać również komunikaty i napisy w języku rosyjskim, podając w nawiasach drukowanych przypisy od tłumacza.
13. W dokumentacji wartości liczbowe jednostek miar z oznaczeniem wielkości fizycznych podawać należy w postaci cyfr, a wielkości bez jednostek fizycznych i jednostki od jednego do dziewięciu – słowami.

Przykład:

13.1. Провести тестирование пяти труб, каждая длиной 6 м.

13.2. Отобрать 18 труб для тестирований на давление.

14. Jeżeli akapit przed wypunktowaniem kończy się dwukropkiem to zgodnie z zasadami języka rosyjskiego wypunktowane elementy powinny zaczynać się od małej litery i należy je rozdzielić średnikiem. Natomiast jeżeli akapit przed wypunktowaniem kończy się kropką wówczas elementy wypunktowane powinny rozpoczynać się od dużej litery i kończyć kropką. Opisaną sytuację obrazuje poniższy przykład.

Абзац: Абзац.

xxx xxxxxx xxxxx; Хxxx xxxxxx xxxxx.

xxxxxx xxxxx xxx. Хxxxxx xxxxx xxx.

15. Jeżeli w tekście przywołany został szereg wartości wyrażonych w tej samej jednostce, to wskazanie na ową jednostkę następuje po ostatniej wartości liczbowej, np. 1,50; 1,75; 2,00 м.

Jeżeli w tekście przywołuje się przedział wartości liczbowych wyrażonych w tej samej jednostce miary, to oznaczenie jednostki zamieszcza się po ostatniej wartości przedziału.

Przykład:

15.1. От 1 до 7 мм.

15.2. От 20 до 200 кг.

15.3. От плюс 20 до минус 30 °С,

15.4. От плюс 20 до плюс 30 °С.

16. Niedopuszczalne jest oddzielanie jednostek miar od wartości liczbowych (przenoszenie do kolejnego wiersza lub na nową stronę). Wyjątek stanowią wartości jednostek miar zamieszczane w tablicach.

17. Wartości ułamkowe przytaczać należy w postaci jednostek dziesiętnych, z wyjątkiem cali, które zapisywać należy jako $\frac{1}{2}$ "; $\frac{1}{4}$ ", ale nie $\frac{4}{2}$; $\frac{3}{4}$.

W poniższej tabelce zaprezentuję kilka fragmentów tekstów specjalistycznych, których przekład może przysporzyć tłumaczowi pewnych problemów. Podkreślę te partie tekstu, które wymagają szczególnej weryfikacji w procesie przekładu. Warto zaznaczyć, że precyzyjna interpretacja treści oryginału w przekładzie specjalistycznym jest szczególnie ważna. Łatwo bowiem, dążąc do właściwej adaptacji przekazu, pominąć te elementy (jednostki miar, skróty, znaki specjalne, itd.), które pełnią równie istotną rolę w tekście.

Tekst polski	Tekst rosyjski
<p>Podczas próby formatowania dysku wyświetlany jest komunikat „Could not complete format” (Nie można ukończyć formatowania). Przyczyną może być formatowanie dysku zgodnie z systemem plików FAT. Spróbuj skorzystać z systemu plików „NTFS”. Problem powinien zostać rozwiązany.</p>	<p>При попытке <u>отформатировать</u> диск выдается сообщение „Не удалось выполнить <u>форматирование</u>” (Could not complete format). Возможно, причина заключается в том, что предпринимается попытка отформатировать диск в <u>файловой системе</u> FAT. Попробуйте использовать файловую систему NTFS. В результате проблема должна решиться.</p>
<p>Zgodność elektromagnetyczna (EMC) tego produktu została zweryfikowana zgodnie z typowymi warunkami użytkowania tej kategorii produktów w tzw. środowisku mieszkalnym, komercyjnym i przemyśle lekkiego. Inne środowiska pracy nie zostały zweryfikowane przez firmę XYZ, a użycie tego produktu w tych środowiskach może być ograniczone lub nie zalecane. Konsekwencje użycia tego produktu w niezweryfikowanych środowiskach mogą być następujące: zakłócenia funkcjonowania innych produktów albo nieprawidłowe funkcjonowanie tego produktu lub utrata/zniszczenie danych.</p>	<p>Соответствие данного изделия требованиям в отношении электромагнитной совместимости проверялось типовым для данной категории изделий способом применительно к так называемым бытовым, коммерческим и мелкопромышленным условиям. Проверка на возможность использования в других условиях корпорацией XYZ не проводилась. Использование данного изделия в других условиях может быть ограничено и не рекомендуется. Возможны следующие последствия применения данного изделия в непроверенных условиях: нарушение нормальной работы других находящихся поблизости изделий или данного изделия с последующим выходом их из строя или потерей/повреждением данных.</p>
<p>Przemysł (np. środowiska, w których stosowane jest trójfazowe zasilanie 380V): Zagrożenie związane z zakłóceniami funkcjonowania produktu na skutek silnych pól elektromagnetycznych zwłaszcza w pobliżu dużych maszyn lub bloków energetycznych.</p>	<p>Промышленные условия (например, условия, где в основном используется трехфазный ток напряжением <u>380 В</u>): опасность нарушения нормальной работы данного изделия в результате возможного воздействия сильных электромагнитных полей, особенно рядом с крупными машинами и силовыми установками.</p>
<p>Nie widzę mojego dysku w oknie „Mój komputer”, jednak pojawia się on w Menedżerze urządzeń. Wykonaj następujące kroki: 1. Kliknij ikonę „Mój komputer” prawym przyciskiem myszy komputerowej. 2. Wybierz polecenie „Zarządzaj” z menu podręcznego. 3. Wybierz pozycję „Zarządzanie dyskami”. Powinna zostać wyświetlona lista dostępnych urządzeń magazynujących. 4. Sprawdź, czy odpowiedni dysk jest uwzględniony na liście. 5. Kliknij pole po prawej stronie prawym przyciskiem myszy komputerowej i wybierz polecenie „Usuń partycję” z menu podręcznego. 6. Kliknij pole prawym przyciskiem myszy komputerowej i wybierz polecenie „Utwórz nową partycję” z menu podręcznego. 7. Następnie wybierz opcję „Partycja podstawowa” w oknie kreatora partycji. Kliknij przycisk Dalej. 8. Zostanie wyświetlona litera dysku, którą można zmienić. Kliknij przycisk Dalej. 9. Potwierdź zamiar formatowania dysku.</p>	<p>Диск отсутствует в окне „Мой компьютер” (My Computer), но присутствует в диспетчере устройств. Следуйте этим инструкциям: 1. Щелкните правой кнопкой значок „Мой компьютер” (My Computer). 2. Во всплывающем меню выберите „Управление” (Manage). 3. Выберите „Управление дисками” (Disk Management). Вы должны увидеть список доступных устройств хранения. 4. Проверьте, присутствует ли в списке ваш диск. 5. Щелкните правой кнопкой в окне справа и во всплывающем меню выберите „Удалить раздел” (Delete Partition). 6. Щелкните правой кнопкой в окне. Во всплывающем меню выберите „Создать новый раздел” (Create New Partition). 7. Затем в окне мастера <u>разделов</u> выберите „Основной раздел” (Primary Partition). Нажмите кнопку „Далее” (Next). Будет отображена буква диска, которую вы можете изменить. Нажмите кнопку „Далее” (Next). 9. Подтвердите форматирование диска.</p>

<p>Producenci dysków twardej wykonują obliczenia w systemie dziesiętnym, podczas gdy system operacyjny wykonuje obliczenia binarne. Przykład obliczeń dziesiętnych: $1 \text{ GB} = 1\,000 \text{ MB} = 1\,000\,000 \text{ KB} = 1\,000\,000\,000$ bajtów Przykład obliczeń binarnych: $1 \text{ GB} = 1\,024 \text{ MB} = 1\,048\,576 \text{ KB} = 1\,073\,741\,824$ bajtów Dysk twardej 120 GB (dziesiętnie) jest więc wyświetlany w systemie Windows jako dysk o pojemności 112 GB (binarnie).</p>	<p>Производители жестких дисков выполняют расчет в десятичной системе, а операционная система – в двоичной. Пример расчета в десятичной системе: $1 \text{ Гб} = 1000 \text{ Мб} = 1\,000\,000 \text{ Кб} = 1\,000\,000\,000$ байт Пример расчета в двоичной системе: $1 \text{ Гб} = 1024 \text{ Мб} = 1\,048\,576 \text{ Кб} = 1\,073\,741\,824$ байт В результате емкость 120-гигабайтного (по десятичной системе) жесткого диска в системе Windows отображается равной 112 Гб (по двоичной системе).</p>
<p>Wskaźnik Zasilanie/Dane Łącznik USB 3.0 Micro-B Host USB 3.0 zgodny ze starszym standardem USB 2.0 Przewód USB 3.0 micro-B</p>	<p>Индикатор питания/передачи данных Штекер микро-В USB 3.0 Хост USB 3.0 обратно совместим с USB 2.0 Кабель микро-В USB 3.0</p>

Nader aktualny jest panujący w literaturze przedmiotu pogląd dotyczący płynności języka w czasie i dezaktualizacja słownictwa specjalistycznego. Odnosi się on w szczególności do tych obszarów, które podlegają szybkiej ewolucji. Od czasu kiedy ukazała się książka Andrzeja Vellnagela pt. *Jak nie tłumaczyć tekstów technicznych* naturalnie wiele się zmieniło, ale nadal możemy w niej znaleźć informację na temat istoty tego języka i zasad postępowania przy jego tłumaczeniu na język obcy. Spośród immanentnych trudności przekładu, które napotyka polski tłumacz języka technicznego, na plan pierwszy wysuwa się trudność ojczystego języka. Fleksja bogatsza nawet od łacińskiej, skomplikowane i obciążone wyjątkami reguły ortografii i gramatyki, często zawiła składnia⁴.

Warto podkreślić, że teksty techniczne wyróżnia ich złożoność formy i treści. Są one bogate w imiesłowowy przymiotnikowe i przysłówkowe, rzeczowniki odczasownikowe, bezokoliczniki, a także inne konstrukcje, które stawiają przed tłumaczem dodatkowe zadania. Z punktu widzenia języka teksty te charakteryzuje „rozproszona” struktura: znaczna ilość rysunków, ilustracji, tablic i wykresów. Charakterystyczną cechą tłumaczenia technicznego jest dokładny i pełny przekaz informacji pozbawiony jakichkolwiek elementów nacechowania emocjonalnego, główny nacisk jest kładziony na logiczność prezentowanych treści, a nie na warstwę emocjonalną.

Zaprezentowano tu naturalnie tylko niektóre kwestie z którymi mają do czynienia tłumacze tekstów technicznych. Poza elementami stałymi w rodzaju stylu, gramatyki, interpunkcji, typowych konstrukcji językowych oraz terminologii specjalistycznej tłumacz powinien zwracać uwagę również na aspekt edycji tekstu, w tym elementy, które znalazły się w niniejszym wykazie.

Wykaz ten jest jedynie skromną częścią większej całości i przedstawia zaledwie niektóre zagadnienia i problemy związane z tłumaczeniem na język rosyjski. W tłumaczeniu specjalistycznym najważniejsze jest bowiem zachowywanie zgodności, a tym samym dostosowywanie się do przyjętych standardów.

Tym samym niezwykle ważne wydaje się usystematyzowanie i nakreślenie wytycznych dotyczących zasad tłumaczenia technicznego oraz stworzenie określonego standardu zapewniającego wysoki poziom przyszłych tłumaczeń.

⁴ A. Voellnagel, *Jak nie tłumaczyć tekstów technicznych*, WNT, Warszawa 1973, s. 99.

Literatura

Pieńkos J., *Przekład i tłumacz we współczesnym świecie*, PWN, Warszawa 1993.

Szulc A., *Podręczny słownik językoznawstwa stosowanego*, Warszawa 1984.

Voellnagel A., *Jak nie tłumaczyć tekstów technicznych*, WNT, Warszawa 1973.

Постановление Правительства РФ от 31.10.2009 N 879 „Об утверждении положения о единицах величин, допускаемых к применению в Российской Федерации”.

Русский орфографический словарь, О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова, Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Москва 2005.

Справочник по правописанию и литературной правке, Д.Э. Розенталь, под ред. И.Б. Голуб, Айрис-пресс, Москва 2005.

Толковый словарь русского языка, Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, ООО „ИТИ ТЕХНОЛОГИИ”, Москва 2003.

Технические тексты в переводе – взгляд переводчика

Резюме

Целью работы является выявление переводческих характеристик и наиболее ярких особенностей технического текста. Автор обращает внимание на некоторые моменты в переводе технического текста, в том числе, на устойчивые выражения, сокращения, ключевые слова, роль пунктуации, стилистику текста. Это только некоторые проблемы с которыми сталкиваются переводчики, а которые играют важную роль как со стороны самого перевода так и общепринятых стандартов.

Ключевые слова: оформление перевода, технический текст, ошибки

Technical Texts in Translation. A Translator's Approach

Abstract

The text draws attention to these aspects of the translation process, which in technical texts play an important role and, above all, cause the most trouble, in particular, measurement units, abbreviations, key words, rules of spelling and punctuation, style of the text.

The above list is a humble part of a biggest entity and presents the most important aspects and problems connected with translation into the Russian language. In specialized translation the most important thing is to maintain the compatibility i.e. to adjust as far as possible to the accepted standards.

Key words: translation, technical text, errors

Radosław Gajda

Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

doktor nauk humanistycznych

e-mail: radgajda@wp.pl

+48 126626749

Любовь Куркина

К реконструкции этимологического гнезда слав. **tomiti*¹

Слав. **tomiti* относится к числу этимологически неясных слов. С привлечением диалектных данных в новом, более широком контексте исследования появляется возможность вслед за В. Борысем осмыслить этот глагол как продолжение праслав. **tęti, tьmо*, отличного от **tęti, tьnо*, с исходной семантикой нечетко, неопределенно проявляющегося действия или состояния. По нашим представлениям, этим основным признаком мотивировано все многообразие значений, фиксируемых словарями в разное время и в разных славянских ареалах ('причинять душевную боль, страдание' ~ 'давить, мучить' ~ 'беспорядочно двигаться, суетиться' ~ 'слоняться, шататься' и т.п.). Значение 'давить, притеснять', принимаемое этимологическими словарями за исходное, является лишь одним из звеньев в семантической эволюции исходной основы. Предпринята попытка на основе анализа семантики и возможностей морфологических отношений обосновать родство слав. **tomiti* с рядом изолированных образований с корневым вокализмом *-e-* (с.-хорв. *utęmati* 'умертвить, кончить', словен. *raztemati* 'растаять', словц. *temeniti se* 'бурлить, хлопотать'), *-i-* (рус. новг. *тѹмѹться* 'шалить', 'волноваться', 'заниматься чем-то несущественным'), *-ь-* (словац. *tmolit'* 'мотаться, вертеться' и др.).

В славянских диалектах немало этимологически неясных диалектизмов, занимающих изолированное положение в словаре. По причине глубоких фонетических преобразований, изменений в семантике такие лексические диалектизмы лишены очевидных родственных связей в славянском словаре. Не приводят к сколько-нибудь убедительным результатам поиски для них возможной исходной основы в индоевропейском словаре Покорного. Однако с привлечением новых данных при углубленном изучении редких архаизмов на более широком фоне с использованием комплексной методики проступают признаки возможного родства со славянскими словами, весьма удаленными на первый взгляд по своим формальным и семантическим признакам. С расширением контекста исследования появляется возможность с новых позиций подойти к реконструкции и осмыслению на глубинном уровне структурно-семантических отношений слов, в истолковании которых остаются неясные моменты. Предметом нашего рассмотрения станет глагол **tomiti*. Для

¹ Статья предназначена была для сборника *Krakowskie Studia Slawistyczne II. Polonica-Slavica in honorem Maria Wojtyła-Świerzowska*, red. L. Bednarczuk, H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel, Wydawnictwo Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej, Kraków 2014.

этого глагола, стоящего особняком в славянском словаре этимологизация сводится к подбору близких по форме и значению и.-е. соответствий. В контексте новых связей поддаются выявлению более широкие морфо-семантические отношения этого глагола в составе славянского словаря.

Прежде чем наметить направления поисков возможных родственных связей для слав. **tomiti*, необходимо остановиться на известных истолкованиях и семантическом наполнении глагола.

Глагол **tomiti*, определяемый как каузатив или итератив, традиционно сопоставляется с др.-инд. *tamáyati*, каузатив от *támyati*, *támati*, 'становиться неподвижным, затвердеть', лат. *tēmētum* 'пьянящий напиток, вино', ср.-ирл. *tām* (< **tōmu-*) 'болезнь, недуг, слабость, бессилие, смерть' и т.д. < и.-е. **tem-* 'жать, давить, притеснять'², далее предположительно включается в гнездо др.-инд. *támah*, авест. *tamah-* 'темный', лат. *temere* < и.-е. **temH-* 'темный'³.

Известны попытки отойти от устоявшегося истолкования слав. **tomiti* исключительно в контексте и.-е. связей. По одной из версий глагол *tomiti* с восстанавливаемым для него значением 'бить, толочь' сложился на базе слав. **tęti*, *tъnъ* < **temH-* 'резать'⁴. Высказывалось предположение об исходном значении и.-е. основы 'темный'⁵ (и на этом основании глагол **tomiti* соотносился с **tъma*, **tъmiti* и далее с **tęmiti* 'знать, понимать', передающими идею колебания света⁶.

Следует отметить, что семантика значительной части продолжений слав. **tomiti* (*se*) относится к сфере чувственного восприятия окружающего мира. Возвратный глагол служит обозначением особого душевного состояния человека, которое выражается в подавленности, угнетенности, вызванного давлением внешних или внутренних обстоятельств (голод, тоска, неизвестность, любовь, недостаток воздуха и т. п.): ср. рус. *томиться* 'испытывать душевную тревогу, уныние', диал. *затомиться* 'испытать стеснение в дыхании от недостатка воздуха', 'задохнуться'⁷, отсюда *истомиться* 'измучить, устать', *истома* 'притеснение, мучение', 'усталость, утомление', 'забота, беспокойство'⁸ и болг. диал. (Разлог) *тѹме* 'вызывать желание, хотение, манить, привлекать'⁹. В качестве каузатива глагол выступает в значении 'причинять муки,

² J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I, Bern 1949, с. 1063.

³ M. Mayrhofer, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Lief. 7, Heidelberg 1956, с. 495, 478; *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, hlavní redaktor A. Erhart, seš. 16, Praha 2012, с. 942.

⁴ F. Bezlaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, Knj. IV, с. 152.

⁵ *Etymologický slovník jazyka staroslověnského...*, с. 972.

⁶ Ср. еще В.А. Меркулова, *К истории славянской народной терминологии*, [в:] *Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen Und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzen*, Leipzig 11–13.10.1972, Bautzen 1975.

⁷ *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)*, под ред. И.А. Осовецкого, Москва 1969, с. 194.

⁸ *Псковский областной словарь с историческими данными*, вып. 13, с. 342, 343.

⁹ R. Bernard, *Étude de quelques mots du dialecte de Razlog d'après le t. XVIII du Сб. за народни умотворения и народопис*, [в:] *Езиковедско-етнографски изследования в памет на ак. Ст. Романски*, София 1960, с. 369.

страдания' и 'притеснять, т. е. ограничивать свободу действий': ср. ст.-слав. **ТОМИТИ** 'мучить, притеснять, угнетать' – **ТОМИТЕЛЬ** 'тиран, притеснитель, угнетатель'¹⁰. Можно отметить примеры, в которых этим глаголом обозначается конкретное действие – прижать, оказаться под тяжестью какого-то объекта: ср. рус. волог. *затомить* 'придавить тяжестью, налечь, прижать', ср. Иду я через Низянку, и вдруг будто насел на меня кто. Ну, думаю, черти меня *затомят*¹¹. Глагол включается в сферу кулинарии, обработки теплом дерева, кости и т.п. В диалектах глагол и его производные обрастают новыми значениями, основанными на идее вяло протекающего, нечетко выраженного действия или состояния: ср. с.-хорв. вост.-герц. *томити* в значении 'тайно забрать, присвоить', *затомити* 'присвоить, скрыть, спрятать'¹², 'скрыть; закопать (в землю)' (Вук), *potòmiti* 'прижать, придавить' и 'скрыть' (Черногория, Риека)¹³, рус. диал. *затомити* 'присвоить, скрыть, спрятать, отобрать', в приложении к человеку – 'скрывающий свои намерения, проявляющий свои намерения в неявной форме': ср. производные рус. *истòмница* 'притворщица'¹⁴, *потомённый* в значении 'хитрый, ехидный'¹⁵ и *натòмный* 'о человек, который настаивает на своем, упрямый'¹⁶. В системе русского языка в XVIII в. глагол *томить* получает широкое распространение, расширяются лексические связи производного от него прилагательное *томный*, появляются новые словоупотребления, в которых дифференцируются оттенки основного значения 'испытывающий или причиняющий страдания: ср. *томная смерть* 'смерть от усталости, изнурения', *томная рыба* 'сонная', *томный взор* 'лишенный силы, ясности', *томное, слабое дыхание* и т.п.¹⁷.

Как показывает материал, в семантической структуре глагола присутствуют значения, которые, как правило, не учитываются этимологами. Привлекает внимание употребление глагола в значении, передающем неопределенное, суетливое, торопливое движение: ср. рус. диал. *томить* безл. в значении 'кружить, шатать (о головокружении)'¹⁸ и словен. *tomljáti* 'шататься, слоняться'¹⁹, *temljati*²⁰ < **tamljati*²¹. Неопределенность, неустойчивость

¹⁰ *Slovník jazyka staroslověnského*, т. IV, с. 476–477: Supr.

¹¹ *Словарь вологодских говоров*, Д-З; с. 155.

¹² Љ. Ђоковић, *Говорни Драгуљи Никшићког краја. Речник мање познатих ријечи и други прилози*, Београд 2005, с. 206, 72.

¹³ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, т. XI, с. 168.

¹⁴ Селигер, *Материалы по русской диалектологии. Словарь*, вып. 2, с. 183.

¹⁵ *Ярославский областной словарь: Питок-Ряшка*, с. 76.

¹⁶ *Псковский областной словарь*, вып. 20, с. 355.

¹⁷ Н.Н. Куканова, *Семантические изменения прилагательного томный в русском языке XVIII–XIX в., [в:] Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка*, Москва 1991, с. 156.

¹⁸ Е.Е. Королева, *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский р-н Псковской области)*, ч. 1, 2; Даугавпилс 2000, с. 98.

¹⁹ М. Pleteršnik, *Slovensk-nemški slovar*, т. II, Ljubljana 2006, с. 669.

²⁰ F. Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien 1886, с. 358.

²¹ F. Bezlaj, *Etimološki slovar...*, knj. IV, с. 152, 196.

в поведении вызвана особым состоянием, когда человек теряет способность передвигаться, адекватно реагировать на внешний мир. В диалектах находим тот же глагол с наращением *-oš-*: рус. диал. *томошиться, томашиться* 'суетиться, метаться, возиться', *томашá* 'суета, тревога, суматоха; свалка, драка'²², которое ошибочно объясняется из *тормошить* и трактуется А.А. Шахматовым как результат преобразования сочетания с плавным²³. Следует отметить, что с глаголом **tomiti* соотносятся образования с корневым вокализмом *a*: словен. *tamízati* 'слегка ударять', производное с суф. *-iz* от **tamati*²⁴, а также, возможно, в.-луж. *tamaś* 'уничтожать, вредить', н.-луж. *tamaś* 'проклинать', определяемые в словаре Шустер-Шевца как итеративы от **tomiti*²⁵, однако для них не исключается заимствование нем. *dammen*²⁶.

Многообразии семантики слав. **tomiti* строится вокруг значений 'то, что вызывает или причиняет душевную боль, страдание' ~ 'давить, мучить', 'беспорядочное, суетное, торопливое движение' ~ 'слоняться, шататься', 'действие или состояние без явно выраженных внешних признаков' > 'тайно присваивать, скрывать' и т. п. Значение 'давить, подавлять', принимаемое за исходное словарями, вероятно, является результатом преобразования более общего – 'неопределенное действие, движение, не имеющее определенной направленности' и вызванное этим состояние тревоги, страдания и т.д. Следует признать, что семантика остается зыбкой материей языка, и при оценке возможных семантических связей в составе предполагаемого распавшегося этимологического гнезда присутствует элемент субъективности. И это неизбежно. Если существуют формальные основания для сближения образований с разной семантикой, возникает необходимость хотя бы в предположительной форме определить возможный признак, объединяющий семантически разрозненный материал. На наш взгляд, в семантической структуре весьма удаленных образований, родственных или непосредственно продолжающих слав. **tomiti*, доминирует идея медленного, слабо, нечетко выраженного действия или состояния. Конкретная реализация этой идеи в разных значениях определяется условиями употребления лексемы.

Продвинуться в понимании семантики и этимологических связей глагола **tomiti* позволяет предположение В. Борысы²⁷ о возможном родстве этого глагола с ю.-слав. с корневым вокализмом *-e-*: словен. *raztêmati se* 'расплываться, растекаться, растворяться' (ср. *sneg, led, maslo, svinec raztema*) ~ *raztêti se, raztámem se* 'растаять, расплавиться' и с противоположным значением

²² В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV, с. 414.

²³ А.А. Шахматов, *К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговых и третья полногласие*, „Известия ОРЯС”, т. VII, кн. 2, Санктпетербург 1902, с. 345.

²⁴ F. Bezlaj, *Etimološki slovar...*, knj. IV, с. 152.

²⁵ H. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen*, Bd. I–IV (Lfg. 1–24), Bautzen 1497–1498.

²⁶ H.H. Bielfeldt, *Arnošt Muka als Etymologe*, „Archiv für Slavistik” 1982, Bd. 27, Nr. 1, с.106.

²⁷ W. Boryś, *Na tropach słowiańskich reliktyw leksykalnych*, [w:] W. Boryś, *Etymologie słowiańskie i polskie*, Warszawa 2007, с. 237–245.

stěti, stámem se ‘застыть, затвердеть, стугнуться (о жидкости)’²⁸, с.-хорв. диал. *utémati, ùtēmām* ‘убить, умертвить’²⁹ (< итератив **-tēmati* ‘давить, сжимать, сдерживать доступ воздуха’ > ‘кончить, умертвить’³⁰). Для этих образований не засвидетельствован простой глагол. Следует отметить, что ю.-слав. образования с преф. *s-* и *raz-*, передающие процесс, который приводит к сжатию, затвердению или, наоборот, к процессу таяния, утрате твердого состояния, имеют ту же семантическую основу, что и глагол **tomiti* при обозначении скрытого, незаметного, нечетко выраженного действия или состояния. Заметим, что Ф. Безлай, сближая словен. *stěti se* с лит. *tenėti* ‘студенеть, сгущаться’, *tumėti* ‘густеть, сгущаться’, признает наиболее вероятной реконструкцию исходного **ten-* ‘резать’, но при этом он не исключает возможности иных истоков для литовских слов³¹. И версия Ф. Безлая как будто бы поддерживается типологически сходными примерами: ср. болг. *пресечено мляко* ‘свернувшееся молоко’³². Труднее объяснить *m* в исходе основы наст. вр. в ю.-слав. образованиях, поскольку оно может быть отражением разных явлений и.-е. уровня: 1) развитием слав. **tęti, *tъnq* из и.-е. **temH₁-* ‘резать, рубить’, 2) вторичным изменением *mn > n* (ср. греч. τέμνω ‘резать, рубить’), 3) контаминацией синонимичных корней **tem-* ‘резать’ и **ten-* ‘тянуть, натягивать’, 4) существованием параллельных синонимичных основ **temā-* и **tenā-* со значением ‘резать’³³. С учетом возможного развития **tīn- < *tīm-* ю.-слав. образования относятся к гнезду и.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать’, ‘плести’³⁴. Однако трудности фонетического порядка отпадают с признанием самостоятельного статуса глагола **tęti, *tъmq* с основой наст. вр. на *-m* в отличие от **tęti, *tъnq* ‘резать, рубить’ и открывается важная ступень в семантическом развитии глагола, что, на наш взгляд, позволяет с новых позиций подойти к пониманию истоков слав. **tomiti* и всего гнезда связанных с ним слов.

Приведенными ю.-слав. образованиями не ограничивается материал с отражением основы **tem-*. В дополнение можно привести польск. *ciemiężyć* с XVI в. ‘угнетать, притеснять, подавлять’ от *ciemiega* ‘недотепа, увальень’ с XVII в., диал. также ‘тяжелая, тягостная работа’, кашуб. *semağa* ‘недотепа, неповоротливый человек’, которые В. Борысь³⁵ производит от несохранившегося глагола **ciemaci* или **ciemić* (ср. с.-хорв. *utémati, ùtēmām* ‘умертвить, кончить’, словен. *raztemati* ~ **tomiti*). Та же ступень корневого вокализма, вероятно,

²⁸ M. Pleteršnik, *Slovensk-nemški...*, т. II, с. 402, 569.

²⁹ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, sv. XX, с. 95: u Šaptinovci u Slavoniji.

³⁰ W. Boryś, *Na tropach słowiańskich...*, с. 244

³¹ F. Bezlay, *Eseji o slovenskem jeziku*, Ljubljana 1967, с. 130; F. Bezlay, *Etimološki slovar...*, knj. III, с. 317.

³² Т.В. Горячева, *К этимологии русского диалектного стень ‘ледяное сало’*, „Этимология 1973”, Москва 1975, с. 97.

³³ *Etymologický slovník jazyka staroslověnského...*, seš. 16, с. 972 с обзором литературы.

³⁴ В.А. Меркулова, *И.-е. *ten-* ‘тянуть, натягивать’, ‘плести’ в славянских языках, „Этимология 1975”, Москва 1977, с. 62.

³⁵ W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005, с. 80.

в рус. новг. *potéma* 'хлопоты, беспокойство, возня'³⁶. Вполне возможно, хотя остаются неясные моменты, что к этому же гнезду принадлежат и чеш. *temiti se* 'вздвигаться, вздуваться, бить' (ср. *voda se temí*), словц. *temešit' sa*: ср. *Temeší sa ako medved'*)³⁷, *temeniti se* 'бурлить, клокотать' (ср. *Pod javorem na louce voda se temení*), т.е. 'вздвигаться, прыскать под каким-то сильным давлением'.

С учетом семантики и морфонологических возможностей исходной основы следующий шаг в продвижении вглубь позволяют сделать образования с корневым вокализмом *-i-*: *тíмиться*, приведенное В.И. Далем со знаком вопроса к слову и к каждому из значений – 'биться у чего, колотиться, маяться' (олон.), 'нравиться (твер.)', 'плакать', *тимиться* 'издеваться, насмеяться' (новг.), ср. *Что тимишься над ним?*, 'мерещиться, чудиться', *Тимись* калуж. 'ешь, кушай, насыщайся'. Сомнения В. И. Даля безосновательны, поскольку этот глагол со сходным кругом значений, как показывают диалектные словари, довольно широко представлен на русской территории: ср. новг. *тíмиться* в значении 'шалить, баловаться', 'волноваться', 'заниматься чем-л. несущественным; трудиться понапрасну; возиться с кем-л.', 'издавать какие-л. звуки' (Вот когда какой-то дух в лесу или в доме шумит, издает какие-н. звуки, то *тимится*) и производные *тíмик* 'тот, кто любит смешить, потешать', 'тот, кто любит притворяться', *тимтюк* 'замкнутый, необщительный человек'³⁸, карел. *тíмиться* 'не слушаться кого-н., шалить, баловаться', 'резвись, развлекаться, играть', 'вести себя неискренне, притворяться', *тíмиться* 'заниматься делом, требующим много сил; возиться', 'пытаться сделать что-н.', *тимляться* 'издеваться, глумиться над кем-н.', отсюда производные *тíмленик* 'тот, кто притворяется', *тíмланный* 'веселый, забавный, несерьезный'³⁹, олон. *тíмиться* 'бесполезно стараться или трудиться'⁴⁰ и т.п.

В связи с диал. *тимиться* М. Фасмер⁴¹ дает отсылку к приставочному образованию – волг. *утíмить* 'устремить, уставить, вперить, направить', *-ся* 'устремить внимание и волю, хотение'⁴². В литературе оставлены без внимания приставочные образования, в частности группа образований с приставкой *по-*: *потимиться* 'пошалить, подурачиться, порезвиться' (новг.), *потимиться* 'начать бороться' (ленингр. 1970 г.), *потимиться* безл. 'показаться, почудиться; привидеться кому-л.' (новг.), 'по суеверным представлениям – причинить вред, напустить порчу на кого-л. (о нечистой силе)' (новг.)⁴³, безл. *потимиться* 'захотеться кому-л.', ср. *Потимицца* ему опять квасу (свердл)⁴⁴, орл. *потимиться* 'провести некоторое время, следя за кем-л., чем-л., пона-

³⁶ *Словарь русских народных говоров*, вып. 30, с. 272.

³⁷ F. Kott, *Česko-německý slovník*, d. VII, Dodatky O–Ž, с. 896.

³⁸ *Новгородский областной словарь*, вып. 11, с. 37.

³⁹ *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, вып. 6, с. 460.

⁴⁰ *Опыт областного великорусского словаря*, Санктпетербург 1852, с. 226.

⁴¹ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, перевод и дополнения О.Н.Трубачева, т. IV, с. 58–59, 174 с литературой.

⁴² В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. IV, с. 519; *Опыт...*, с. 241.

⁴³ *Словарь русских народных...*, вып. 30, с. 281.

⁴⁴ *Словарь русских говоров Среднего Урала*, т. IV, с. 111.

блюдать, последить' (ср. *Пътимись, куды вон пашол*)⁴⁵ и производные от него – *потима* м. и ж. 'тот, кто забавляет, потешает кого-л.' (ленингр.), *потимник* 'притворщик' (новг.), 'насмешник' (новг.), *потимница* ж. р. и *потимничать* 'притворяться', 'насмехаться, издеваться над кем-н.' (новг.)⁴⁶. К этому же семантическому ряду 'притворяться' > 'притаиться' примыкает рус. диал. *притимиться* 'притихнуть, выжидая' (волог. 1896)⁴⁷, *притимиться* 'пристать, привязаться к кому-л.' (ср. *Что притимился, всё равно бесполезно просишь*)⁴⁸. Можно отметить еще *стимить* безл. в значении 'очень захотеть, приспичить' (ср. *стимило* ей поехать к своему парню...) ⁴⁹, глагола на -*ати* в рус. диал. *тима-мать* 'баловаться' (ср. Андрюша, перестань *тимать*)⁵⁰. В структуру русских диалектизмов с корневым -*и*- входит экспрессивный формант -*š*- / -*s*-: рус. калуж. *стимшить* 'унести что-л.'⁵¹, пск. *темеситься* 'суетиться, вертеться', орл. *темешить* 'идти'⁵², ср. рус. диал. *томошиться*, *томашиться*, с другим формантом *затимериться* 'неожиданно забояться чего-л., испугаться'⁵³ и т.п.

Как видим, наблюдается широкий разброс значений, соотносимость с разными действиями и состоянием субъекта. В многообразии значений, представляемых русскими диалектами (ср. 'биться, колотиться', 'чудиться, мерещиться', 'дурачиться, забавляться', 'притворяться', 'забавляться' и 'насмехаться', 'плакать'), присутствует признак, объединяющий внешне слабо связанные между собой значения, – 'делать что-то несущественное; трудиться понапрасну' > 'суетиться'. Результатом актуализации этого общего значения в разных конкретных условиях является переход к производным значениям 'возиться; забавляться' и 'насмехаться' (ср. слав. *děti ~ **jzďěvati*⁵⁴; рус. диал. *дэкать(ся)* 'шалить, проказничать', 'маяться', 'долго возиться, производя какие-л. действия', 'насмехаться'⁵⁵), 'возиться' > 'биться, колотиться' и 'казаться, мерещиться', 'скрываться, притворяться' и т.п.

Исходя из такого понимания семантических взаимосвязей на материале русского языка, трудно признать убедительными те немногочисленные опыты осмысления глагола *тимиться*, которые приведены в словаре М. Фасмера, а именно сближение с рус. *тимамень* 'болото'⁵⁶ или с др.-ирл. *tib*- 'смеяться'

⁴⁵ *Словарь орловских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии*, н. ред. Т.В. Бахвалова, вып. 10, с. 213.

⁴⁶ *Словарь русских народных...*, вып. 30, с. 281.

⁴⁷ Там же, вып. 32, с. 14–15.

⁴⁸ *Ярославский областной словарь (Питок-Ряшка)*, с. 93.

⁴⁹ *Словарь русских говоров Карелии...*, вып. 6, с. 333.

⁵⁰ Там же, с. 459.

⁵¹ *Словарь русских народных...*, вып. 41, с. 158.

⁵² *Опыт...*, с. 227.

⁵³ *Ярославский областной словарь (Дикарится-Иштык)*, с. 107.

⁵⁴ *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 9, с. 24–25.

⁵⁵ Там же, вып. 4, с. 230–231.

⁵⁶ J. Zubatý, *Ueber gewisse mit st- anlautende Wurzeln im Baltisch-Slavischen*, Sitzungsber. Böhm. Ges., 1895, Nr 16, с. 26.

< и.-е. **teib-* с субституцией губных *b/m*⁵⁷. Эти кратко намеченные возможные родственные связи не продвигают нас в понимании внутренней формы слова. Значение 'насмехаться' не может быть основным, мотивирующим весь спектр семантики глагола. По этой причине отпадает версия В. Махека о первонач. значении 'издеваться, насмехаться' и соотношении с др.-ирл. *teib-* 'смеяться'. Эта версия вызывает возражения и по формальным основаниям, так как необходимы доказательства регулярности мены *b/m* в и.-е. языках⁵⁸.

Русский диалектизм, утратив родственные связи, приобрел самостоятельный статус со своим развитием семантики и мотивационных отношений, что не могло не затемнить исходное состояние. Ориентиром в дальнейших поисках родственных образований в славянских языках может стать знание возможных морфонологических отношений и типологии семантических взаимосвязей. В связи с рус. *тимиться* отмечены некоторые лексические архаизмы, также занимающие изолированное положение в словаре⁵⁹. Мы имеем в виду ст.-слвц. *tmolit'* 'мотаться, вертеться'⁶⁰, слвц. диал. *tmolit' sa* 'шататься, нетвердо ступать, плохо держаться, блуждать; бродить, шататься, бездельничать; плестись, тащиться, волочиться'⁶¹, *tmolit' sa* 'путаться, мешаться, толкаться, копошиться', ср. с преф. *pre-* *Pretmolí se calí d'en po dvore*⁶². В словаре В. Махека *tmolit' sa* приводится со знаком вопроса к значению и рассматривается как фонетически измененный вариант к *motoliti se, smolit' se, batoliti se*, соотносимых с лит. *tabalúoti* 'болтаться, качаться'⁶³. В этом объяснении вызывает сомнения допускаемая В. Махеком свобода фонетического варьирования. Мы исходим из того, что в структуре слвц. *tmolit'* поддается выделению корневая морфема с гласным в ступени редукции **tm-* > *tm-*, расширенная формантом *-ol*. Наблюдается определенная формальная и семантическая общность словацкого диалектизма и рус. диал. *тимиться*, в котором корневой вокализм в ступени удлинения, что характерно для глаголов на *-iti* отыменного происхождения.

По причине вторичных и более поздних изменений и обобщений исходные отношения затемнены. Некоторая размытость семантики и формальная близость привели к смешению и этимологическому неразличению образований с исходными основами *teti, *tno*, *teti, *tmq* и **ten-*. Продолжения слав. *teti, *tmq втягиваются в сферу действия более активных этимологических гнезд, что приводит к распаду связей между морфонологическими вариантами исходной основы. Этим можно объяснить поиски истоков словен. *stéti se, státem se* 'застыть, затвердеть, сгуститься (о жидкости)' в гнезде слав.

⁵⁷ V. Machek, *Keltische Wortgleichungen*, [в:] V. Machek, *Sebrané spisy*. 2, Brno 2007, с. 1289, 1415.

⁵⁸ В.А. Меркулова, *К истории славянской народной терминологии...*, с. 139.

⁵⁹ Там же, с. 141.

⁶⁰ *Historický slovník slovenského jazyka*, гл. ред. М. Majtan, т. VI, с. 65.

⁶¹ F. Kott, *Česko-německý...*, d. IV, с. 108: sloven.

⁶² J. Orlovský, *Gemerský nářečový slovník*, Vydavatel'stvo Osveta 1982, с. 353.

⁶³ V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1997, с. 48, 375.

*teneto, *ton'a < и.-е. *ten- 'тянуть'⁶⁴ или в гнезде *tęti, *тъно 'резать'⁶⁵. С признанием факта существования в праславянском словаре глагола *tęti, тъно является возможность иного истолкования для некоторых диалектизмов, ср. др.-рус. сътатиса 'сгуститься, сплотиться', укр. стяти зуби 'сжать зубы', рус. диал. стятиха 'простокваша' и т. п.⁶⁶. В попытке сближения с глаголом *tomiti этимологически трудных рус. диал. тямить 'знать, понимать, уметь', укр. тямити, блр. цяміць 'соображать'⁶⁷, для которых в работе В. А. Меркуловой восстанавливается основа *tēm-, остаются неясными условия появления ё в принятом ряду морфонологических отношений. Вост.-слав. тямить требует отдельного рассмотрения с учетом разных подходов к объяснению слова⁶⁸.

Поставленные в один ряд русские диалектизмы с отражением чередования е : о : ь : і служат подтверждением реконструкции для праславянского языка особого глагола *tęti, тъно, отличного от *tęti, тъно. Более того, славянский материал углубляет понимание исходной семантики и.-е. основы, позволяет выделить в качестве основного признак нечетко, неопределенно проявляющегося действия или состояния, на базе которого развивается все многообразие значений на славянской почве. Лишь в славянском ареале и особенно в русских диалектах во всей полноте реализуются словообразовательные и морфонологические возможности исходной основы *tem-. И процесс образования слав. *tomiti на основе реликтового *tęti, тъно и формирование семантики происходил параллельно и независимо от др.-инд. tamyāti⁶⁹.

(Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00221 „Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: теория и практика”).

Литература

- Bernard R., *Étude de quelques mots du dialecte de Razlog d'après le t. XVIII du Сб. за народни умотворения и народопис*, [в:] *Езиковедско-етнографски изследвания в памет на ак. Ст. Романски*, София 1960.
- Bezljaj F., *Eseji o slovenskem jeziku*, Ljubljana 1967.
- Bezljaj F., *Etimološki slovar slovenskega jezika*, knj. I–V, Ljubljana 1976– 2007.
- Bielfeldt H.H., *Arnošt Muka als Etymologe*, „Archiv für Slavistik” 1982, Bd.27, Nr. 1.
- Boryś W., *Na tropach słowiańskich reliktyw leksykalnych*, [в:] W. Boryś, *Etymologie słowiańskie i polskie*, Warszawa 2007.
- Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005.

⁶⁴ В.А. Меркулова, *И.-е *ten-* 'тянуть...', с. 56.

⁶⁵ Т.В. Горячева, *К этимологии...*, с. 97.

⁶⁶ Там же, с. 95–97.

⁶⁷ См. М. Фасмер, *Этимологический словарь...*, т. IV, с. 140–141.

⁶⁸ Ср. В. Čop, *Indouralica IV*, „Linguistica” XIII, Ljubljana 1973, с. 142–143 (рус. тямить-урал. *tunte- *знать, чувствовать*); А. Šivic-Dular, *Ostslavisch *tjamiti*, „Linguistica” XIII, Ljubljana 1973, с. 191–197 (на основе метатезы из *męty<и.-е. *men- 'думать').

⁶⁹ W. Boryś, *Na tropach...*, с. 243.

- Čop B., *Indouralica IV*, „Linguistica XIII” (рус. *тмямуть* ~ урал. **tunte-* ‘знать, чувствовать’), Ljubljana 1973.
- Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, hlavní redaktor A. Erhart, seš. 1–16–, Praha 1989–2012.
- Historický slovník slovenského jazyka*, гл. ред. M. Majtan, т. I–V–, Bratislava 1991–2000.
- Kott F., *Česko-německý slovník*, D. I–VII, Praha 1878–1893.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1997.
- Machek V., *Keltische Wortgleichungen*, [в:] V. Machek, *Sebrané spisy*. 2, Brno 2007.
- Mayrhofer M., *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Lief. 7, Heidelberg 1956.
- Miklosich F., *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien 1886.
- Orlovský J., *Gemerský nářečový slovník*, Vydavatel'stvo Osveta 1982.
- Pleteršnik M., *Slovensk-nemški slovar*, Ljubljana 2006.
- Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I–II, Bern 1949–1959.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, sv. I–XXXIII, Zagreb 1880–1976.
- Schuster-Šewc H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbi-schen Sprachen*, Bd. I–IV (Lfg. 1–24), Bautzen 1978–1989.
- Šivic-Dular A., *Ostslavisch *tjamiti*, „Linguistica XIII” (на основе метатезы.из *męť < и.-е. **men-* ‘думать’), Ljubljana 1973.
- Slovník jazyka staroslověnského*, т. I–IV, Praha 2006.
- Zubaty J., *Ueber gewisse mit st- anlautende Wurzeln im Baltisch-Slavischen*, = Sitzungsber. Böhm. Ges., 1895, № 16.
- Горячева Т.В., *К этимологии русск. диал. стень ‘ледяное сало’*, „Этимология” 1973, Москва 1975.
- Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV, набрано и напечатано со второго издания „1880–1882 гг. Москва 1955.
- Дополнение к Опыту областного великорусского словаря*, Санктпетербург 1885.
- Боковић Љ., *Говорни Драгуљи Никшићког краја. Речник мање познатих ријечи и други прилози*, Београд 2005.
- Королева Е.Е., *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский р-н Псковской области)*, ч. 1, 2, Даугавпилс 2000.
- Куканова Н.Н., *Семантические изменения прилагательного томный в русском языке XVIII–XIX в.*, [в:] *Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка*, Москва 1991.
- Меркулова В.А., *И.-е. *ten-* ‘тянуть, натягивать’, ‘плести’ в славянских языках, „Этимология 1975”, Москва 1977.
- Меркулова В.А., *К истории славянской народной терминологии*, [в:] *Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzen. Leipzig, 11–13.10.1972*, Bautzen 1975.
- Новгородский областной словарь*, вып. 1–13, Новгород–Великий Новгород 1992–2000.
- Опыт областного великорусского словаря*, Санктпетербург 1852.
- Псковский областной словарь с историческими данными*, вып. 1–23–, Ленинград–Санктпетербург 1967–2012–.

СЕЛИГЕР. Материалы по русской диалектологии. Словарь, вып. 1: А–Г, вып. 2: Д–И, вып. 3: К–М, Санктпетербург 2003–2007–.

Словарь вологодских говоров, ред. Т.Г. Паникаровская, вып. 1–12, Вологда 1983–2007–.

Словарь орловских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии, н. ред. Т.В. Бахвалова, вып. 1–12–, Ярославль–Орел 1989–2001.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, вып. 1–6, Санктпетербург 1994–2005.

Словарь русских говоров Среднего Урала, под ред. А.К. Матвеева, т. I–VII, Свердловск 1964–1988.

Словарь русских народных говоров, вып. 1–45–, Ленинград–Санктпетербург 1966–2013.

Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области), под ред. И.А. Осовецкого, Москва 1969.

Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области), под ред. И.А. Осовецкого, Москва 1969.

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, перевод и дополнения О.Н. Трубачева, с. I–IV, Москва 1964–1973.

Шахматов А.А., *К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговых и третье полногласие*, „Известия ОРЯС”, т. VII, кн. 2, Санктпетербург 1902.

Этимологический словарь славянских языков, отв. ред. акад. О.Н. Трубачев, вып. 1–36–, Москва 1974–2010.

Ярославский областной словарь, вып. 1–10, Ярославль 1981–1991.

Rekonstrukcja etymologiczna słowiańskiej rodziny **tomiti* Streszczenie

Słowiańskie **tomiti* należy do słów o niejasnej etymologii. Wyrazy zawierające ten rdzeń bywają rozpatrywane w szerszym kontekście przy okazji interpretacji czasownika **tęti, tьmъ, non *tęti, tьnъ* zdaniem W. Borysia opisującego działanie lub stan. Głównym założeniem jest tu uzasadnienie odmiennych znaczeń słownikowych w różnych okresach i na różnych obszarach Słowiańszczyzny ('spowodować cierpienie', 'naciskać, dręczyć', 'przenieść, popędzać', 'do ściany, wędrować' itd.). Elementy oryginału są zaledwie jednym ogniwem w łańcuchu transformacji semantycznych. Na podstawie analizy semantyki istnieje jednak możliwość uzasadnienia morfologicznych związków słowiańskich pojedynczych form **tomiti*, z odległą semantycznie samogłoską *-e-* (serbo-chorwackie *utemati* 'zabić, zakończyć', słowiańskie *raztemati* 'stopić'), *-i-* (ros. dial. *тумиться* 'niegrzeczny', 'zrobić coś nieznaczącego'), *-ь-* (słowiańskie *tmolit'* 'dyndać, kalamury' i inne).

Słowa kluczowe: etymologia, gniazdo etymologiczne, rekonstrukcja, związki morfonologiczne

The reconstruction of the etymological family Slav. **tomiti* Abstract

Slav. **tomiti* refers to the number of etymologically obscure words. With the involvement of dialectal data in a new, broader context of the study the opportunity after W. Boryś interpret the verb as a continuation of the Slav. **tęti, tьmъ, non *tęti, tьnъ* with the original semantics of vague, uncertain manifested by action or state. This main feature is motivated by the

diversity of values fixed by the dictionaries at different times and in different Slavic areas ('to cause suffering', 'to press, to torment', 'randomly move, hustling', 'to wall, to wander' etc.). The value of the pressue taken after the original is one of the links in the chain of semantic transformations. Attempted on the basis of analysis of semantics and opportunities there are morphological relations substantiate the relationship with the Slav. **tomiti* isolated, semantically remote entities with root vowel *-e-* (Serb-Croat. *utemati* 'to kill, to finish', Sloven. *raztemati* 'to melt'), *-i-* (Russ. dial. *тумитъся* 'naughty', 'warry', 'to do something insignificant'), *-ь-* (Slovak. *tmolit'* 'dangle, punning' and others).

Key words: etymology, reconstruction, semantic, morphological relations.

Любовь Куркина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

доктор филологических наук

e-mail: ljukurkina@rambler.ru

Наталья Кузнецова

Новое в русской речи:

отадъективное наречие *тупо* в роли частицы¹

В разговорном стиле современной молодежной русской речи (как в устной, так и в письменной форме) широкое распространение получило слово *тупо* в особом значении, не отмеченном словарями. В качестве примера приведем начало одной записи в блоге на сайте «Живой журнал», названном «Мой ЖЖ» (здесь и далее в примерах из Интернета сохранены орфография и пунктуация источника):

(1) Я сюда вообще сейчас не пишу. Трындю без умолку часами, служебки пишу десятками листов, мыслей много, а писать в жж не могу. Точнее **тупо** некогда. У меня стройка и семья. (<http://val1909.livejournal.com>).

Перед нами, на первый взгляд, обычное русское отадъективное наречие *тупо*, образованное от качественного прилагательного *тупой* и аналогичное другим подобным наречиям, ср.: *громкий – громко, глухой – глухо* и мн. др. Однако в приведенном фрагменте слово *тупо* сочетается с отрицательным местоименным наречием *некогда*, выступающим в роли сказуемого, и этот пример не уникален: на точный (заключенный в кавычки) запрос сочетания *тупо некогда* поисковая система «Яндекс» выдает 3 тысячи результатов. Для отадъективных наречий такое «поведение» в целом нехарактерно; они сочетаются с глаголами: *тупо смотреть, громко чихнуть, глухо звучать* и т.д. Исключение составляют лишь наречия, выражающие степень проявления признака, типа *абсолютно, совершенно*; они сочетаются не с глаголами, а с прилагательными и наречиями, в том числе отрицательными местоименными: *абсолютно негде, совершенно некогда*. Но некоторые другие контексты употребления слова *тупо* не позволяют причислить его к наречиям степени, как, в частности, контекст обсуждения под названием «Подборка „ляпов“ из Гарри Поттера»:

(2) Это не ляпы переводчиков, а **тупо** приколы над Поттером. Переводили его официально (после первых двух книг) просто прекрасно, я прочел все книги в бумажном варианте. Все это какой-то бред, но смешной (<http://www.my-engels.org/eek-mo/ooka-%27o%27-a-ottea/>).

---

¹ Автор выражает благодарность О.В. Трофимовой за многие ценные замечания, высказанные при обсуждении данной статьи.

Сочетания наречий степени с существительным в русском языке невозможны. Национальный корпус русского языка на запрос «абсолютно (совершенно) + существительное» выдает сочетания типа *абсолютно права* (второй элемент – прилагательное в форме, омонимичной существительному) либо последовательности словоформ типа *в новой совершенно тональности* (наречие линейно расположено перед существительным, но синтаксически с ним не связано, а относится к предшествующему прилагательному, т.е. имеет место инверсия). То же с существительными из приведенного фрагмента: **абсолютно приколы*, **совершенно ляпы*. Таким образом, сочетаемость слова *тупо* распространилась за пределы круга глаголов, что является следствием формирования нового значения и новой функции. Впрочем, в новом употреблении оно сочетается и с глаголами, ср.:

(3) как починить спидометр? **тупо** перестал скорость показывать и километраж (<http://otvet.mail.ru/question/61589444>).

Обычный круг сочетаемости отадъективного наречия *тупо*, по данным Национального корпуса русского языка, составляют глаголы, обозначающие человеческое поведение, особенно речевое (*тупо спросить*, *тупо повторять*, *тупо молчать*), и характеризующие человеческий взгляд (*тупо смотреть*, *тупо уставиться*). В этих случаях слово *тупо* является отадъективным наречием, которое соотносится с разными значениями прилагательного *тупой*, приведенными в последнем по времени издания толковом словаре русского языка – *Современном толковом словаре* под ред. С.А. Кузнецова:

5. Малоосмысленный, выражающий умственную ограниченность. [...] 6. С притупленным восприятием окружающего (о состоянии человека). [...] 7. Лишенный разумности, осмысленности, осмысленного понимания происходящего (о чувствах, переживаниях и т.п.). [...] 8. Безропотный, лишенный какой-л. попытки протеста, противодействия².

Если в примере (3) также считать слово *тупо* отадъективным наречием, то должно существовать значение прилагательного *тупой*, с которым оно соотносится. Но к нашему примеру не подходит ни одно из десяти значений этого прилагательного. В самом деле, едва ли можно назвать синонимичными высказывания: *спидометр тупо перестал показывать скорость* и **спидометр малоосмысленно перестал показывать скорость*; **спидометр безропотно перестал показывать скорость*. То же касается и примеров (1) и (2): слово *тупо* в них не соотносится ни с одним из значений прилагательного *тупой*, приведенных в толковом словаре русского языка.

Подобный сдвиг в функционировании слова *тупо* и его широкое распространение в новом качестве нашли отражение в метаязыковых замечаниях носителей русского языка – замечаниях, как это часто бывает, оценочных. Так, на сайте «Любовь и Ненависть» (<http://lovehate.ru>) есть страничка «Про слово „тупо“», на которой, в соответствии с общей структурой сайта, реплики

² *Современный толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2002, с. 848.

собраны в две колонки: «Люди, которые любят слово „тупо“» и «Люди, которые ненавидят слово „тупо“». В первой колонке шесть сообщений, во второй – три, например:

Нормальное русское слово, правда его сейчас употребляют где надо и не надо, но я что-то не припомню, чтобы оно так уж сильно не к месту было.	Этого слова слишком много сейчас. А когда к нему привыкаешь оно и тебя отупляет. Особенно когда, например, надо подчинённому объяснять: „тупо делай то-то...“ – это оскорбляет квалификацию. А к слову привык и говоришь... тупо говоришь его.
---	--

На этом и некоторых других сайтах носители русского языка пытаются объяснить значение слова *тупо*, подбирая синонимы: *просто*, *запросто*, *элементарно* и *по-глупому*, *бездумно*; *глупо*, *ни о чем*, *бред*, *не задумываясь*, *банально*³. Если в примере (1) заменить *тупо* на приведенные носителями русского языка синонимы, то получим как недопустимые, так и допустимые сочетания. К первой группе принадлежат **запросто некогда*; **по-глупому некогда*; **бездумно некогда*; **не задумываясь некогда*; **глупо некогда*; **ни о чем некогда*; **бред некогда*. Вторую группу образуют *банально некогда*, *элементарно некогда* и *просто некогда*. Таким образом, на роль настоящих синонимов слова *тупо* в интересующем нас значении претендуют три единицы: *просто*, *элементарно* и *банально*. По нашим наблюдениям, все они действительно могут играть эту роль. Так, «Яндекс» выдает две тысячи ответов на точный запрос сочетания *банально некогда*, например:

(4) Не секрет, что в современном мире интернет-шопинг занимает всё большую часть. Многим покупателям зачастую **банально некогда** ездить по «оффлайновым» розничным магазинам и складам, «вживую» знакомясь с предполагаемым приобретением (<http://www.mirdverey.ru>).

На запрос сочетания *элементарно некогда* выдано три тысячи результатов, например:

(5) Настоящие профессионалы редко берутся за перо (то бишь за клавиатуру), чтобы поделиться опытом. Во-первых, профессионалам **элементарно некогда** писать – они работают, и работают много (<http://www.rabotavinternet.info/book-for-all.html>).

Наконец, для сочетания *просто некогда* получено 109 тысяч результатов, например:

(6) не жалею, не зову, не плачу... **просто некогда**... ишачу)))) (<http://www.inpearls.ru/comments/287423>).

Слова *банально*, *элементарно*, *просто* и *тупо* в подобных примерах выступают в одной и той же функции – частицы. Функция частицы для слов

³ *Пролого «тупо» // Любовь и Ненависть*, <http://www.lovehate.ru/opinions/22358>; *Откуда взялось повсеместное «тупо»? // Психоделик транс сообщество*, <http://psytribe.ru/index.php?topic=11061.0>.

банально и *элементарно*, так же как и для *тупо*, не зафиксирована в словарях: здесь эти единицы охарактеризованы исключительно как наречия (отадъективные) в словарных статьях соответствующих прилагательных. В качестве частицы (наряду с функциями обычного наречия и наречия в функции сказуемого) в словарях представлено только слово *просто*:

Просто [...] III. Частица. Разг. 1. Совершенно, прямо. *П. невероятно! Дом п. разваливается на глазах.* 2. Всего лишь, всего-навсего; не иначе как. *Вы п. смеетесь над нами. Он п. неумен. Зовите меня п. Ваней*⁴.

Фиксация в словаре, а также тот факт, что частотность слова *просто* намного опережает аналогичный показатель других элементов синонимического ряда (см. выше показатели для *тупо некогда*, *банально некогда*, *элементарно некогда* и *просто некогда*), заставляет считать эту частицу доминантой синонимического ряда. Правда, говоря о синонимии частиц *тупо*, *банально* и *элементарно*, с одной стороны, и *просто* – с другой, следует признать, что первое из зафиксированных словарем значений частицы *просто* нужно рассматривать особо (ср.: **Банально невероятно!*; **Элементарно невероятно!*) и ограничиться только вторым. Очевидно, смысл, выражаемый частицей *просто* в этом втором значении, настолько важен для носителей современного русского языка, что они пытаются выразить его с помощью других лексем: подчеркнуть «простоту» ситуации им недостаточно, они стремятся указать еще и на ее «элементарность», «банальность» и даже «тупость».

Примечательно, что в относительно недавнем прошлом корень *-прост-* мог использоваться в русском языке для описания умственных способностей человека – так же, как сегодня используется корень *-туп-*. В «Словаре церковно-славянского и русского языка», вышедшем в 1847 г., приведено следующее значение прилагательного *просты́й*: «7. Имеющий ограниченный ум, недוגадливый»⁵. Нельзя не заметить его сходства с одним из современных значений прилагательного *тупой*: «4. Умственно ограниченный»⁶.

Известно, что семантика частиц связана с пресуппозициями, поэтому обычного толкового словаря для выяснения этой семантики недостаточно и нужны специальные исследования. Так, значению частицы *просто* посвящена статья А. Богуславского «Просто *просто*», в которой он указывает, что с помощью этой частицы говорящий апеллирует к общему с адресатом фонду знаний:

При помощи частицы *просто* вербализуемая ситуация изображается говорящим как «навязываемая» его знанием; и это знание проявляется, во-первых, в выборе того или иного выражения из ряда возможных выражений, находящихся в некоторого рода взаимной конкуренции по отношению к теме, во-вторых, в эффективном осуществлении этого выбора в виде конкретной реализации одного опре-

⁴ Современный толковый словарь русского языка..., с. 644.

⁵ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук (1847). Репринтное издание: в 2 кн., кн. II, т. III, Санкт-Петербург 2001, с. 558.

⁶ Современный толковый словарь русского языка..., с. 848.

деленного выражения. [...] Отношение 'знает, что' есть прямо-таки абсолютное воплощение простоты; потому что знание, в отличие от суждения, не допускает *разных несовместимых* (курсив автора. – Н.К.) возможностей, как прямая линия не допускает отклонений⁷.

Частица возникает в речи, по словам А. Богуславского, в тот момент, когда у говорящего появляется возможность триумфально продемонстрировать свою удачу в виде рематической находки, контрастирующей с *чем-то другим* (курсив автора. – Н.К.), находки, насчет которой он уверен, что она гарантируется надежным фоном (и фондом) его знаний⁸.

Уточним, что надежность фона и фонда знаний говорящего в данном случае состоит в том, что он общий у него и у адресата. В приведенной цитате выглядит странным слово *триумфально*. Как представляется, *триумфально*⁹ *демонстрируют* не «простое знание», а сложные доказательства, хитроумные объяснения и т.п. Частица *просто* сигнализирует об обратном: с ее помощью говорящий предупреждает адресата о том, чтобы тот не искал сложных объяснений (ср. пример из статьи А. Богуславского: *Почему ты не поехал в Москву? – Я просто опоздал на поезд*), не подбирал сложных выражений (ср. пример из словаря: *зовите меня просто Ваней*) и т.п. Если соотнести этот смысл с классификацией типов «скрытой семантики» Т.М. Николаевой (эта классификация приведена в ее книге «Функции частиц в высказывании»), то окажется, что частица *просто* относится к средствам выражения оценочного несоответствия, строящегося на альтернативном фундаменте и предполагающего смысл 'а могло быть иначе'. Причем в данном случае возможное *иначе* – более сложное, чем то, что сообщается говорящим о некоей ситуации. В presupпозиции частицы *просто* заключено представление о том, что «жизнь – сложная штука» и что если чье-то объяснение (развитие событий и т.д.) не соответствует этому представлению, то автор вынужден дать сигнал об этом адресату. Причем, судя по наличию у частицы *просто* ряда синонимов (*элементарно, банально, тупо*), необходимость в подаче и «нюансировке» такого сигнала современные носители русского языка чувствуют остро. Употребляя эти частицы, и в частности частицу *тупо*, говорящий «защищает» и адресата, и себя самого от современных информационных перегрузок, от излишней мыслительной деятельности. Так, в примере (1) автор предупреждает читателей своего дневника, чтобы они не строили сложных гипотез о том, почему он «не может» делать записи (серьезные жизненные проблемы? запреты?). В примере (2) пишущий эксплицитно, с помощью противительного союза *не... а*, пресекает разговоры собеседников о переводческих «ляпах» в литературном произведении, объявляя эти факты «приколами», ср.: «Прикол – жарг.

⁷ А. Богуславский, *Просто просто*, [в:] *Язык как материя смысла*, Москва 2007, с. 91–92.

⁸ Там же, с. 95.

⁹ Ср.: «Триумф – 1. Выдающийся, блестящий успех, победа, торжество» (*Современный толковый словарь русского языка...*, с. 843).

Шутка, розыгрыш»¹⁰. В примере (3) автор как бы упреждает возможные просьбы собеседников о подробном описании поломки спидометра его машины, сигнализируя о том, что такого описания не требуется.

В современном толковом словаре значение частицы *просто* дается через частицы *всего-навсего*, *всего лишь*¹¹. В некоторых высказываниях они взаимозаменяемы с *тупо*, как в примере (2), ср.: *Это не ляпы переводчиков, а всего-навсего (всего лишь) приколы над Поттером*. Однако в примерах (1) и (3) замена невозможна, ср.: **...писать в жж не могу. Точнее всего-навсего (всего лишь) некогда; *как починить спидометр? всего-навсего (всего лишь) перестал скорость показывать и километраж*. Дело, вероятно, в том, что частицы *всего-навсего* и *всего лишь* являются средствами умаления значимости чего-либо, своеобразными сигналами адресату, что нечто (о чем говорится) не нужно принимать всерьез, – иначе говоря, средствами выражения тимиологической оценки (термин А.Б. Пеньковского). Кроме того, компонент *всего* указывает на градуированную шкалу этой оценки, чего не наблюдается в случае употребления частиц ряда *просто – элементарно – банально – тупо*. Говоря о примерах (1), (2) и (3), можно констатировать, что для носителя русского языка вполне нормально оценить высказывания, которые он называет «приколами», как неважные, не достойные серьезного обсуждения. Однако вряд ли он может объявить неважной поломку спидометра своего автомобиля, если он тут же спрашивает совета о решении этой проблемы у сообщества на сайте. Не менее странно выглядит и потенциальное сочетание *мне всего-навсего (всего лишь) некогда*, если контекст (в примере (1)) содержит довольно подробную конкретизацию этого «некогда». Альтернативы, заключенные в presupпозиции частиц *просто*, *банально*, *элементарно*, *тупо*, могут в некоторых случаях оцениваться по степени важности в конкретной ситуации, но в целом семантика частиц *всего-навсего* и *всего лишь* лежит в иной плоскости, нежели семантика частиц ряда *просто – элементарно – банально – тупо*.

Вместе с тем частица *тупо* отличается от других частиц указанного ряда. Она, во-первых, обладает яркой сниженной стилистической окраской, во-вторых – обычно несет в себе отрицательную оценку ситуации говорящим, в отличие от частицы *просто*, которая, хотя и имеет в словарях помету *разг.*, вряд ли может быть названа сниженной и не выражает безусловно отрицательной оценки, ср.:

Зовите меня просто Ваней (пример из «Современного толкового словаря русского языка») – ?Зовите меня тупо Ваней;

Как понять нравишься молодому человеку или он просто вежливый и галантный? (<http://otvet.mail.ru/question/19912831>) – ?...он тупо вежливый и галантный.

Таким образом, в семантике частицы *тупо*, в отличие от частицы *просто*, можно усмотреть компонент 'и это плохо'. Более того, в русской речи распространено (151 тыс. ответов на точный запрос в «Яндексе») сочетание частиц

¹⁰ Там же, с. 612.

¹¹ Там же, с. 644.

просто тупо, где вторая частица усиливает первую, как в примере с противопоставлением (которое не выражено, правда, союзом):

Иванов Иван Иванович никогда не заполняет никакие бланки. Он **просто тупо** крадет образец (<http://humorman.ru>).

Интересно, что в словарной статье прилагательного *тупой* ни одно из значений не сопровождается пометами типа *неодобр.* Но, исходя из опыта носителя русского языка, автор с уверенностью утверждает, что применительно к человеку, а также к результатам его деятельности и поведению (взгляду, шуткам, упрямству, терпению и т.д.) это слово выражает неодобрительную оценку. Впрочем, некоторые факты говорят о том, что автор может сочетать *тупо* и со словами, называющими явления, к которым он относится положительно, ср. пример, где вначале используется *тупо*, затем, в порядке градации, – *просто тупо*:

Бросаю (курить – Н.К.) с помощью способа который объединяет в себе практики тибетских йогов и вологодских гопников – **Тупо** не курю. Причем не борюсь, не испытываю силу воли а **просто тупо** не курю (<http://ne-kurim.ru/forum/threads/tupo-ne-kurit.8027>).

Ср. также название лирической музыкальной композиции:

Тупо рэп – тупо про любовь... **тупо** для тебя (<http://muz-color.ru>)¹².

Учитывая это, примеры *Зовите меня тупо Ваней* и *тупо вежливый и галантный* мы поместили лишь как сомнительные, а не как абсолютно недопустимые. С уверенностью можно утверждать лишь то, что конструкции с частицей *тупо* выразительнее, чем конструкции с частицей *просто*.

В рассматриваемый ряд частиц необходимо включить еще одну, которую носители русского языка не вспомнили при подборе синонимов к *тупо* и которая отсутствует в «Современном толковом словаре», однако содержится в Малом академическом словаре (МАС) с толкованием ‘то же, что *просто* (во 2 и 3 знач.), но с большей долей выразительности’¹³. Речь идет об образованной с помощью корневого повтора частице (правда, в МАС она помечена как наречие) *просто-напросто*. Тест на сочетаемость с *некогда* дает положительный результат: на точный запрос сочетания *просто-напросто некогда* в «Яндексе» нашлось 464 ответа. Этот показатель частотности на порядок ниже, чем у *тупо некогда*, *банально некогда* и *элементарно некогда* с их тысячами контекстов (данные приводились выше), но он значителен для того, чтобы не говорить о единичных употреблениях. Вот типичный контекст сочетания *просто-напросто некогда*:

...я никому не говорю, что у меня много работы, потому что мне **просто-напросто некогда** разговаривать (<http://beskontaktno.livejournal.com>).

¹² Вероятно, здесь *тупо* – сигнал того, чтобы адресат не искал скрытых смыслов в произведении.

¹³ *Словарь русского языка*, ред. А.П. Евгеньева, т. 3, Москва 1984, с. 526.

Судя по всему, частица *тупо* сейчас вытесняет частицу *просто-напросто* в ряду средств, которые обозначают, по приведенной выше формулировке МАС, «то же, что *просто* [...], но с большей долей выразительности». Косвенно подтверждают эту версию данные Национального корпуса русского языка: график распределения по годам языковых единиц *просто-напросто* и *тупо* показывает скачкообразный рост частотности *тупо* с начала 2000-х гг. (с 10 до 20 употреблений на миллион словоформ) и устойчивое снижение частотности *просто-напросто* с конца 1980-х гг. (с 10 до 4 употреблений на миллион словоформ).

Некоторыми носителями русского языка частица *тупо* ощущается как сомнительная языковая новация. Об этом свидетельствуют не только приведенные выше метаязыковые замечания, но и ситуации, когда в диалоге функция слова *тупо* разворачивается против автора, который неосторожно его употребил. Адресат намеренно не замечает, что автор использует это слово в качестве частицы, и в ответном комментарии обыгрывает его наречное значение. Разумеется, подобное возможно только тогда, когда *тупо* сочетается с глаголами. Так, на заданный на сайте «Мейл.ру» вопрос *Вам не жалко тупо проспять пол жизни?* (<http://otvet.mail.ru/question/4921247>) последовали не только ответы по существу, но и ироничные реплики: *пол не жалко! жалко только стены и потолок!* (высмеивание неправильного написания *полжизни*) и *Спать остроумно, увы, не получается!* (нарочитое восприятие слова *тупо* как наречия со значением 'малоосмысленно', ср.: *тупо шутить*).

Итак, как мы попытались показать, слово *тупо* широко распространилось в современной молодежной русской речи в новой функции – в функции частицы. Эта частица имеет ту же пресуппозицию, что и частица *просто*, – представление о том, что все жизненные явления и ситуации являются сложными, требующими от человека значительных мыслительных усилий, и что если какое-то явление или ситуация не соответствуют такому представлению, то говорящий должен дать сигнал об этом адресату. Собственно, этим сигналом и является частица *тупо*, наряду с частицами *просто*, *просто-напросто*, *банально* и *элементарно* – с их помощью автор апеллирует к общему с адресатом фонду знаний, призывая его не выходить за пределы этого фонда. В приведенном синонимическом ряду частиц доминантой является *просто*. Частица *тупо* отличается от нее большей выразительностью, а также – во многих случаях – тем, что несет в себе отрицательную оценку сообщаемого говорящим.

Литература

- Богуславский А., *Просто просто*, [в:] *Язык как материя смысла*, Москва 2007, с. 87–98.
- Николаева Т.М., *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*, Москва 2005.
- Пеньковский А.Б., *Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости*, [в:] *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке*, Москва 1995, с. 36–40.
- Словарь русского языка в 4-х томах*, ред. А.П. Евгеньева, т. 3, Москва 1984.
- Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук (1847)*. Репринтное издание: в 2 кн., кн. II, т. III, Санкт-Петербург 2001.

Современный толковый словарь русского языка, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2002.

Новое в русской речи:

отадъективное наречие *тупо* в роли частицы

Резюме

Рассматривается новое явление в русском языке: отадъективное наречие *тупо* сегодня широко употребляется в функции частицы. Эта частица стала экспрессивным разговорным синонимом частиц *просто*, *просто-напросто*, *банально*, *элементарно*. Автор описывает пресуппозиции высказываний с частицами названного синонимического ряда.

Ключевые слова: современный русский язык, русская разговорная речь, частицы, пресуппозиции, скрытая семантика, оценка, альтернатива

A recent phenomenon in modern Russian: the adjective-based adverb „тупо” as a particle

Abstract

Is presented a recent phenomenon in modern Russian: the adjective-based adverb *тупо* is frequently used as a particle nowadays. This particle have become an evocative colloquial synonym for particles *просто*, *просто-напросто*, *банально*, *элементарно*. The author describes a background knowledge enclosed in utterances with particles constituting a part of this synonymic row.

Keywords: modern Russian, colloquial Russian, particles, background knowledge, implicit semantics, evaluation, alternative

Наталья Кузнецова
Тюменский государственный университет
кандидат филологических наук
e-mail: nvkouznets@yandex.ru
+7 345 2 595288

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica VII (2014)

Tadeusz Szczerbowski

Kultura a przekład literacki według Ludwika Zamenhofa (*Rewizor Gogola*)¹

Wstęp

Według nośnej metafory język jest duszą kultury (*language is the soul of culture*)². Parafrazując, można powiedzieć, że język to nieodłączna część kultury. Wymieranie języka pociąga za sobą wymieranie kultury, gdy idzie w zapomnienie przestrzeń intertekstualna danego języka. Z kolei powstaniu nowej kultury towarzyszy powstanie nowego kodu.

Przestrzeń intertekstualną danego języka tworzą wszystkie teksty: wypowiedziane oraz w nim napisane, zarówno rodzime, jak i przełożone z innych języków. Często przywoływane fragmenty mają status skrzydlatych słów³. Owe teksty powiązane są ze sobą siecią relacji, które pozostają w kręgu zainteresowań badaczy różnych dyscyplin.

Istotną częścią przestrzeni intertekstualnej są tłumaczenia. W wielu kulturach przekład stał się początkiem historii literatury⁴. Niekiedy w danym języku istnieje kilka wersji obcojęzycznego dzieła. Tworzą one serię przekładową, której przyczyny powstania bywają rozmaite, jednym z głównych czynników jest odmienne odczytanie oryginału.

Pożyteczne wydaje się rozróżnienie przez Umberta Eco⁵ trzech typów intencji: autora, dzieła i czytelnika. *Intentio operis*, czyli intencja dzieła, dotyczy jego stylu i gatunku. Z przekładoznawczej perspektywy konieczne jest uzupełnienie owej

---

¹ Tekst ten w skróconej wersji został wygłoszony na III Międzynarodowym Sympozjum Interlingwistycznym poświęconym problemom komunikacji międzynarodowej i zorganizowanym przez Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu (25–26 września 2014). Owa skrócona wersja ukazała się w przekładzie na język esperanto. Zob. T. Szczerbowski, *Kulturo kaj literatura tradukado je la ekzemplo de Ludoviko Zamenhof (La Revizoro de Gogol)*, tłum. H. Gorecka, „La Ondo de Esperanto” 2014, 11, s. 12–15.

² Zob. L. Kame‘eleihiwa, *Native Land and Foreign Desires: Pehea Lā E Pono Ai? How Shall We Live in Harmony?*, Honolulu 2003, s. 321.

³ Zob. R. Harry, *Vortoj kun flugiloj: citaĵoj el la tuta mondo*, Canberra 1984; B. Golden, *Kelkaj esperantaj fontoj de flugilaj vortoj*, „The Australian Esperantist” 1985, Decembro, s. 362–363.

⁴ Zob. T. Szczerbowski, *Przekład jako początek historii literatury*, [w:] *Przekład w historii literatury*, red. P. Fast, K. Żemła, Katowice 2002, s. 9–18.

⁵ Zob. U. Eco, R. Rorty, J. Culler, Ch. Brooke-Rose, *Interpretacja i nadinterpretacja*, Kraków 1996.

typologii o intencję tłumacza. Decyduje on bowiem, co z oryginalnego dzieła bezwzględnie powinno być ocalone w przekładzie, a co, gdy nie uznaje za dominantę dzieła, może być pominięte. Odmiennymi intencjami tłumaczy można objaśnić różnice w polskiej i esperanckiej wersji komedii Gogola *Rewizor*.

Sztuka ta bywa określana jako *satiro pri la korupteco de la rusa burokrataro* "satyra na korupcję rosyjskich biurokratów"⁶. Komedia Gogola ma jednak wymiar uniwersalny jako swoiste studium zgubnego utożsamienia się z urzędem. Trafnie pisze o tym Krystyna Pisarkowa⁷:

Na przykład utożsamienie się z urzędem albo z tytułem ma w sobie wręcz coś uwodzielskiego! Dzięki temu – pisze Jung – tak wielu mężczyzn nie jest absolutnie niczym poza przypisaną im przez społeczeństwo godnością. Są to substytuty zasług, kompensacje nieudolności. Bezcelowe byłoby szukać pod tą skorupką (strukturą) osobowości. Kryje się pod nią politowania godny mały człowieczek (*Między*, 28–29). Ktoś, kto „tonie zanurzony w swej roli społecznej” [...].

1. Formy adresatywne

Porównując korpus tekstowy, na który składają się trzy wersje językowe *Rewizora* (oryginalna Mikołaja Gogola, esperancka Ludwika Zamenhofa⁸ i polska Juliana Tuwima), można zaobserwować ślady osobowości nietuzinkowych tłumaczy.

mia kara

Jedną z najbardziej uderzających cech przekładu *La Revizoro*⁹ jest forma adresatywna *mia kara*, która występuje aż dziesięćkrotnie. Jednak w polskiej wersji Juliana Tuwima jako jej odpowiednik ani razu nie pojawia się *moja droga/mój drogi*. Taka odpowiedniość występuje wprawdzie w znanym podręczniku Andrzeja Pettyna, ale zawsze w sytuacji rozbieżności zdań, najczęściej w wymianie zdań małżonków. Zgodnie bowiem z definicją słownikową *moja droga* i *mój drogi* to w polszczyźnie poufały lub protekcyjny zwrot adresatywny¹⁰.

GOGOL	ZAMENHOF	TUWIM
матушка голубчик братец любезный брат малый	mia kara	mamuchno braciszku przyjacielu przyjacielu bracie mały

⁶ Zob. I. Širjaev et al., *Enciklopedio de Esperanto*, Budapeszt 1933, s. 555. *Rewizora* uznaje się za „ponadczasową arcykomedię o skorumpowanej władzy i cynizmie młodych, zob. J. Stuhr, J. Ciosek, *Gogol się sprawdza. Wywiad*, „Dziennik Polski”, 18.09.2014, s. A10.

⁷ Zob. K. Pisarkowa, *Język według Junga. O czytaniu intencji*, Kraków 1994, s. 29.

⁸ We wszystkich cytatach rosyjskiej i esperanckiej wersji *Rewizora* korzystam z paralelnego zestawienia obu wersji, dostępnego na stronie internetowej: <http://www.esperanto.by/ll/revizoro/index.html>.

⁹ *Rewizor* w przekładzie Zamenhofa ukazywał się w roku 1906 na łamach czasopisma *La Revuo. Internacia monata literatura gazeto*, volumono I, Septembro 1906 – Agosto 1907, <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno-plus?aid=e0c&datum=1906&size=45&page=6>.

¹⁰ Zob. *Współczesny słownik języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa 2007, s. 867 i 878.

Znamienne, że w *Rewizorze* forma *mia kara* odnosi się do osoby o niższej od nadawcy pozycji społecznej lub młodszej wiekiem: 1) Horodniczy do żony (*матушка/mamuchno*), 2) Chlestakow do kelnera (*братецу/przyjacielu; любезный/przyjacielu*), 3) przełożony do Chlestakowa (*братецу/przyjacielu*), 4) starszy wiekiem służący Osip do młodego służącego o imieniu Miszka (*малый/mały*), 5) żona Horodniczego do Osipa, służącego Chlestakowa, którego brano za rewizora (*любезный/przyjacielu*). We wszystkich tych kontekstach Ludwik Zamenhof używa tego samego odpowiednika: *mia kara*. Być może wybór tego właśnie ekwiwalentu był podyktowany humanitarną intencją tłumacza, zwłaszcza zasadą drugą dotyczącą równego traktowania ludzi bez względu na narodowość, język, wyznawaną religię i pochodzenie społeczne.

onkleta

Godne uwagi jest pojawienie się w esperanckim przekładzie formy *onkleta* odpowiednika rosyjskiej formy adresatywnej *дядюшка* będącej zdrobnieniem od *дядя*. Wyraz ten prymarnie oznacza brata ojca (*stryjek*) lub matki (*wujek*). Może jednak sekundarnie odnosić się do osoby niespokrewnionej.

Осип. Куда тут?	Osip. Kien mi devas porti?	OSIP. Dokąd to?
Мишка. Сюда, <u>дядюшка</u> , сюда.	Miška. Ĉi tien, <u>onkleta</u> , ĉi tien.	MISZKA. Tutaj, <u>dobrodziejku</u> , tutaj...
Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.	Osip. Atendu, lasu min antaŭe iom ripozi. Ho ve, malfacila vivo! Kiam la ventro estas malplena, tiam ĉia portaĵo ŝajnas peza.	OSIP. Czekaj, niech odsapnę. Och, życie, życie! Na pusty żołądek każda nosza ciężka...
Мишка. Что, <u>дядюшка</u> , скажите: скоро будет генерал?	Miška. Kio, <u>onkleta</u> , diru: ĉu la generalo baldaŭ venos?	MISZKA. I co, <u>panoczku</u> , prędko przyjdzie generał?

Formy zwracania się do niespokrewnionych mężczyzn w zależności od ich wieku można przedstawić w tabeli.

Wiek adresata	Forma adresatywna
Mężczyzna w średnim wieku	<i>дядя</i> (dosł. <i>wujku</i>)
Mężczyzna w podeszłym wieku	<i>дедушка</i> (dosł. <i>dziadku</i>)
Młody mężczyzna	<i>брат, сын</i> (dosł. <i>bracie, synu</i>)

Julian Tuwim oddaje *дядюшка* jako *dobrodziejku* i *panoczku*. Obie formy są już dziś przestarzałe (SJPD). Z kolei Ludwik Zamenhof użył zdrobniałej formy *onkleta* utworzonej od *onklo*. Wyraz *onkleta* odnotował Antoni Grabowski: „**wujaszek, wujek, kara onklo, onkleta**”¹¹. Jednak sposobu użycia formy *onklo* czy *onkleta* do osoby niespokrewnionej nie odnotowują słowniki esperanta. Wendy Heller¹²

¹¹ A. Grabowski, *Słownik języka esperanto. Część I polsko-esperancka (wydanie większe)*, Warszawa 1910, s. 480. Por. *Daj mi, Stryjaszku, tylko twe błogosławieństwo, // Wszystko przygotowałem, jadę zaraz w Księstwo*. W przekładzie Antoniego Grabowskiego ten fragment *Pana Tadeusza* brzmi: *Donu al mi, Onkleta, sole benon vian: // Mi pretas tuj veturi landon Varsoviaan*.

¹² Zob. W. Heller, *Lidia: La vivo de Lidia Zamenhof, filino de Esperanto*, tradukis el la angla B. Westerhoff, Antverpeno 2007, s. 57.

w książce o Lidii Zamenhof pisze: „Stefano [Zamenhof] memoris ke la infanoj nomis lin «Wujaszek Ludwik» – «Onkletono Ludwik»”.

Wyraz *onkletono* pojawia się w esperanckim przekładzie *Fatalnych jaj* Michała Bułhakowa jako odpowiednik rosyjskiej formy adresatywnej *nanaua* odnoszącej się tu do mężczyzny w podeszłym wieku, który nie jest krewnym osoby mówiącej (prymarnie *nanaua* to zdrobniała forma utworzona od *nana*):

Булгаков <i>Роковые яйца</i> ¹³	Bulgakov <i>Fatalaj ovoj</i>	Buĥakow <i>Fatalne jaja</i> ¹⁴
– Эх, папаша! – крикнула она низким сиповатым голосом. – Что ж ты другую-то калашу пропилил! – Видно, в Альказаре набрался старичок, – завыл левый пьяненький, правый высунулс из автомобиля и прокричал: – Отец , что, ночная на Волхонке открыта? Мы туда!	– Hej, onkletono! – kriis shi per malalta sibleta vocho, – chu vi fordrinkis la duan galosheton? – Vershajne, en „Alkazar” satighis la olduleto, – ekridachis la maldekstra ebria ulo, la dekstra elshovis sin el la automobilo kaj kriis: – Onklo , chu la noktdrinkejo en la Volhlonka-strato estas malfermita? Ni veturas tien!	– Ech, ojczulku! – zawołała niskim, ochryplym głosem. – Gdzieżeś przepił drugi kalosz? – W „Alcazarze” widocznie stary się zaprawił – zawył lewy pijak, prawy wychylił się z automobilu i krzyknął: – Dziadku , otwarta nocna na Wołchonce? My tam jedziemy!

2. Amplifikacje

Przez amplifikację w przekładoznawstwie pojmuje się jedną ze strategii translatorskich, która polega na uzupełnieniu tekstu „o elementy nowe, najczęściej domyślne, utajone w elipsie”. Może być oceniana pozytywnie jako środek tłumacza umożliwiający zrozumienie tekstu w przekładzie. Z kolei za zjawisko negatywne należy uznać słowa wypełniacze (ang. *word fillers*, ros. *слова-паразиты*), które są tu przedmiotem uwagi. W dziele literackim bywają one wykorzystywane jako satyryczny środek artystyczny służący charakterystyce postaci i jeden z częstych sposobów osiągnięcia komizmu. „Niepotrzebnymi powtórzeniami, wtrąceniami nic nie znaczących słówek”¹⁵ posługują się osoby zwykle ograniczone, które chcą „uchodzić za coś więcej, niż są w istocie”¹⁶. Amplifikacje są cechą wypowiedzi Chlestakowa oraz żony horodniczego. Nie sprawiają jednak trudności tłumaczom.

por tiel diri

Хлестаков (<i>раскланиваясь</i>)	Ĥlestakov (<i>salutante</i>)	Chlestakow (<i>w lansadach</i>)
Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.	Kiel feliĉa mi estas, sinjorino, ke mi havas, por tiel diri , plezuron vidi vin.	Jakże jestem szczęśliwy, o pani, że mam niejako przyjemność poznać panią...

¹³ Zarówno rosyjski oryginał, jak i esperancki przekład można przeczytać na stronie: http://www.marquez-art.ru/biblioteko/fatalaj_ovojo/02.htm.

¹⁴ Polski tekst w tłumaczeniu E. Jezierskiego ukazał się w roku 1928, dostępny jest na stronie: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/bulhakow-fatalne-jaja.pdf>.

¹⁵ Zob. E. Balcerzan, *Literatura z literatury (Strategie tłumaczy)*, Katowice 1998.

¹⁶ Zob. A. Walicki, *Wstęp*, [w:] M. Gogol, *Rewizor. Komedia w pięciu aktach*, przełożył J. Tuwim, wstępem i objaśnieniami opatrzył A. Walicki, Wrocław–Warszawa–Kraków 1966, s. LVII.

en certa grado

Анна Андреевна	Anna Andrejevna	Anna
Но позвольте заметить: я в нектором роде ... я замужем.	Sed permesu rimarkigi: mi estas en certa grado ... mi estas edzinigita.	Ależ niech pan pozwoli zaznaczyć, że jestem w pewnym sensie ... mężatką!

iel tiel ĉio iras

Хлестаков	Ĥlestakov	Chlestakow
С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: „Ну что, брат Пушкин?” – „Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то все ...” Большой оригинал.	Puŝkin estas mia bona amiko. Ofte mi diradis al li: „Nu kio, mia amiko Puŝkin?” – „Nenio, mia amiko, – li respondadis, – iel tiel ĉio iras ...” Granda originalulo li estas.	Z Puszkinem za pan brat! Często przy spotkaniu mówię mu: „Puszkin, bracie, no jak tam?” – „Ano tak, bracie – odpowiada – jakoś tego w ogóle ”. Wielki oryginał!

3. Frazeologizmy*Figó kun butero*

Spośród frazeologizmów występujących w analizowanej sztuce Gogola kilka może budzić szczególne zainteresowanie antropologii, przekładoznawstwa i esperantologii. Jeden z nich pojawia się w replice Horodniczego, który jest rozgoryczony tym, że nie rozpoznał fałszywego rewizora i obiecał mu rękę swojej córki.

Городничий (<i>в сердцах</i>). Обручился! Кукиш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обрученьем!..	Urbestro (<i>kolere</i>). Fianĉiĝis! Figó kun butero , jen estos al vi fianĉiĝo! Ŝovas sin al mi en la okulojn kun fianĉiĝo!..	HORODNICZY Zaręczył się! Guzik z pętelką – i masz zaręczyni! Z zaręczynami będzie mi tu wylązić!
---	--	--

Choć w polszczyźnie istnieje frazeologizm *figa z makiem*, Julian Tuwim wybrał inny wariant: *guzik z pętelką*. Sam wyraz *guzik* jest tu eufemizmem wulgaryzmu *gó...*, a wyrażenie *z pętelką* pełni funkcję maskującą ów wyraz obsceniczny.

Ludwik Zamenhof przetłumaczył *кукиш с маслом* dosłownie jako *figo kun butero*. Odpowiednik ten może sprawiać kłopot ze zrozumieniem, albowiem *Nova Plena Ilustrita Vortaro* odnotowuje jedynie *figo* jako owoc figowca. Rosyjski wyraz *кукиш* to *figa* w znaczeniu obraźliwego odmownego gestu, którego semantykę można wyrazić za pomocą esperanckiego słowa *neniom*¹⁷.

Warto podkreślić, że nie we wszystkich kręgach kulturowych gest ten ma nacechowanie negatywne, albowiem w Brazylii postrzegany jest pozytywnie, uważa się, że przynosi szczęście. Dlatego wyrażenie *figo kun butero* powinno znaleźć się w słowniku esperanckim.

Jes, nebona afero enpotiĝis!

Interesującym przykładem jest fraza, którą w *Rewizorze* wypowiada sędzia. W oryginalnie brzmi ona: *Да, нехорошее дело заварилось!* (I, 2). Znany jest rosyjski frazeologizm *каша заварилась*, który dosłownie oznacza, że kasza się zagotowała. W istocie

¹⁷ Zob. M. Gutterman, *Słownik polsko-esperancki*, Warszawa 1957, s. 56 s.v. *figa*.

jednak chodzi tu o znaczenie 'zakotłowało się'¹⁸. W polszczyźnie można powiedzieć *zakotłowało się gdzieś (w tłumie, na placu, w jakimś środowisku)*, mając na myśli, że „powstało zamieszanie, podniosła się wrzawa, doszły do głosu emocje”¹⁹. Julian Tuwim wyraził to znaczenie za pomocą frazy: *Tak, niedobrze to wszystko wygląda...*

NPIV nie odnotowuje formy *enpotiĝi*, jest tylko *enpotigi* 'włożyć do garnka'²⁰. Znaczenie to nie pomaga w zrozumieniu przekładu Zamenhofa. Pisał o tym trzy lata temu bloger Petro Desmet²¹, a właściwie Pierre de Smedt, leksykograf belgijski (flandryjski). Na podstawie niekompletnego hasła słownikowego NPIV, doszedł on do błędnego wniosku, że w analizowanej frazie chodzi o *meti en keston de forgeso* („włożenie do skrzyni zapomnienia”), a właściwie ukrycie. Błąd ten dowodzi, jak pilne jest opracowanie słownika języka esperanto, który odnotowałby wszystkie wyrazy, których użył Zamenhof, zarówno we własnych oryginalnych tekstach, jak i przekładach.

Mia vivo estas sur hareto

Pewne jednak idiomy z *La Revizoro* zawiera jednojęzyczny słownik esperancki. Być może kryterium decydującym o włączeniu lub wyłączeniu materiału leksykograficznego jest frekwencja. Przykładem są słowa *Chlestakowa Mia vivo estas sur hareto*²². Frazeologizm ten nie sprawia trudności. Por. ros. *Жизнь моя на волоске* i pol. *Życie moje wisi na włosku!* Odnotowuje go NPIV 2005: „*hareto*. Tre maldika haro: (f) *lia vivo estas sur hareto*², *pendas de hareto*² (estas en ekstrema danĝero)”. W angielskim tłumaczeniu analizowane zdanie brzmi: *My life hangs by a thread* (Thomas Seltzer)²³ lub *My life hangs on a thread* (Arthur A. Sykes)²⁴.

4. Inwektywy

W komedii Gogola wyzwaniem dla tłumaczy są inwektywy ze względu na występujące w nich nazwy zwierząt, których konotacje kulturowe w różnych językach bywają bardzo odmienne.

malsaĝa kiel maljuna ĉevalo

Domniemany rewizor w liście do Triapiczkina niewybrednie wyraża się o Horodniczym: *глуп, как сивый мерин*. Określenie to adekwatnie tłumaczy Julian Tuwim: *jest*

¹⁸ Zob. S. Karolak, *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*, t. 1, Warszawa 1998, s. 460 s.v. K-55.

¹⁹ *Uniwersalny słownik języka polskiego PWN*, Wersja 2.0, red. S. Dubisz, Warszawa 2006.

²⁰ Por. „*enpotigi*. Meti en poton: *enpotigi geranon; enpotigi la viandon*”. Zob. *La Nova Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto*, red. Duc-Goninaz M., Roux Klaŭdo kaj multaj aliaj, Paris 2005, <http://vortaro.net> (dostęp bezpłatny po poprzedniej bezpłatnej rejestracji).

²¹ Zob. http://www.ipernity.com/blog/petro_desmet/364769.

²² Wyszukiwarka Google po wpisaniu „sur hareto” podaje 346 wyników, a w przypadku „enpotiĝis” – zaledwie pięć.

²³ Zob. N.V. Gogol, *The inspector-general: a comedy in five acts*, transl. T. Seltzer, New York 1916.

²⁴ Zob. N. Gogol N., *The Government Inspector (or The Inspector General)*, transl. A.A. Sykes, Oxford 1892, http://www.oxfordtheatreguild.com/pages/productions/TGI_2012/tgi_script.pdf.

głupi jak siwy wałach. Natomiast Ludwik Zamenhof dokonuje przekładu hiperoniomicznego: *la urbestro – malsaĝa kiel maljuna ĉevalo* „horodniczy jest głupi jak stary koń”. Pomija więc informacje, które można w języku esperanto oddać przymiotnikami *griza* ‘siwy’ oraz *castrita* ‘wykastrowany’. Choć nie można wykluczyć względów autocenzuralnych, to najbardziej decydujące wydają się przesłanki stylistyczne. W języku esperanto odpowiednikiem rosyjskiego *мерун* i polskiego *wałach* jest nazwa dwuczłonowa *castrita ĉevalo*. Tak angielskie słowo *gelding* oddaje w swoim słowniku John Wells²⁵ (1985: 262). Oznaką złego stylu byłoby nagromadzenie przymiotników w esperanckim przekładzie: **malsaĝa kiel maljuna griza castrita ĉevalo*. Ucierpiałaby na tym dynamika słowa, a zatem i sceniczny charakter przekładu. Dlatego wariant Zamenhofs wydaje się w pełni uzasadniony. Dodatkowego argumentu dostarcza polski i esperancki poeta Jan Stanisław Skorupski, który napisał 28 listopada 2003 roku *Sonet o uskrzydłonym siwku* i *Soneto kun griza ĉevalo*²⁶. W obu wierszach tytułowy bohater poetycki nie jest ani stary, ani nie wydaje się być kastratem, skoro wierzga kopytami i jest uskrzydłony, czyli *griza ĉevalo* ma odmienne konotacje semantyczne od epitetu *siwy wałach*.

malsaĝa ŝafo

Sam Horodniczy, nie mogąc darować sobie, że dał się oszukać fałszywemu rewizorowi, obiecał mu nawet rękę własnej córki, mówi:

<p>Городничий (<i>бьет себя по лбу</i>). Как я – нет, как я, <u>старый дурак</u>? Выжил, <u>глупый баран</u>, из ума!..</p>	<p>Urbestro (<i>batas sin en la frunton</i>). Kiamaniere mi... ne, kiamaniere mi, <u>maljuna malsaĝulo</u>..? Mi perdis, <u>malsaĝa ŝafo</u>, mian tutan saĝon!..</p>	<p>HORODNICZY <i>(bije się pięścią w czoło)</i> Jak ja? – nie... Jak ja, <u>stary</u> <u>bałwan!</u>... ja, <u>głupi baran</u>, jak straciłem głowę?</p>
--	--	--

Tłumacze bez trudu oddają ten fragment dzięki temu, że powszechnie znana jest w Europie symbolika barana mająca rodowód judeo-chrześcijański. Baran to ofiara losu i zwierzę ofiarne. Pejoratywny jest również amerykańizm *mutton-head* ‘barania głowa’. Z kolei w staroegipskiej ikonografii w postaci barana lub człowieka z głową barana przedstawiano wielkich bogów: twórcę pierwszych ludzi o imieniu Chnum oraz boga słońca zwanego Amon. Pozytywną rolę przypisuje baranowi i sztuka religijna Orientu.

Znak chiński 讞 *shàn*, który oznacza dobroć (‘dobry, prawy, dobroczynny, pełen dobroci’), składa się z trzech znaków: 羊 *yáng* ‘baran (owca, koza)’, znajdującego się pośrodku, a po jego prawej i lewej stronie jest znak 言 *yán* oznaczający słowa, mówienie.

Beczenie barana w przekonaniu Chińczyków to dobry znak. Nie dziwi zatem, że niektórzy ludy z czasów dynastii Yin wywodziły swoje korzenie od barana²⁷.

²⁵ J. Wells, *Concise Esperanto and English Dictionary*, Bristol 1988, s. 262.

²⁶ <http://www.skorupski.com/sonets/sonet.php?year=2003&month=11&day=28&id=1&lang=eo>.

²⁷ Zob. I. Stria, *Zwierzęta w chińskim: wartościowania i tabu*, „Investigationes Linguisticae” 2012, Vol. XXVI, s. 108–123.

tute kiel porko en la noktoĉapo

Godnym uwagi przykładem inwektywy jest następujący fragment listu Chlestakowa do Triapiczkina:

Надзиратель над богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке.	„La kuratoro de kadukulejoj Zemlanika – tute kiel porko en la noktoĉapo.	Kurator zakładów filantropijnych Zjemlanika: zupełna świnia w jarmułce...
---	---	--

Sformułowania *tute kiel porko en la noktoĉapo* ‘zupełnie jak świnia w szlafmycy’ jest widocznym śladem tłumacza, albowiem w oryginale Gogol użył określenia *совершенная свинья в ермолке*, co trafnie bez zahamowania oddał w polszczyźnie Julian Tuwim jako *zupełna świnia w jarmułce* (akt V scena 7).

Jak podkreśla Dan Rabinowitz²⁸, „spośród wszystkich symboli tożsamości żydowskiej jarmułka jest chyba najłatwiej rozpoznawana”. Jest to mała, okrągła czapeczka bez daszka, nakrywająca tylko wierzch głowy, noszona przez Żydów²⁹.

Jarmułka jest przykładem realiów kulturowych³⁰. W języku esperanto znane są takie określenia jak *vertoĉapo* (por. *verto* ‘ciemie, wierzch’), które może się odnosić i do piuski, czyli małej, okrągłej czapeczki noszonej przez dostojników katolickich, zwłaszcza przez papieża, kardynałów, biskupów³¹. Wikipedio³² odnotowuje wyraz *kipao*, który nie ma jednak statusu oficjalnego. Wbrew temu, co sugerują niektóre słowniki, nie można uznać za odpowiednik jarmułki *bireto* ze względu na kształt (zwykle kwadratowy) i przeznaczenie. Oczywiście możliwy byłby przekład opisowy, np. *juda vertoĉapo*³³. *Takiego jednak rozwiązania nie wybrał Ludwik Zamenhof z kilku powodów. Wyraz juda wprowadziłby eksplicytnie znaczenie, które w oryginale Rewizora jest wyrażone nie wprost. Ponadto Ludwik Zamenhof był przeciwnikiem dyskryminacji:*

W człowieku widzę tylko człowieka, którego oceniam wyłącznie na podstawie jego osobistych cech i działań. Wszelkie szykany i ucisk z tego powodu, że człowiek należy do jakiejś grupy etnicznej, mówi innym językiem, wyznaje inną religię lub należy do innej klasy społecznej uważam za barbarzyństwo³⁴ (Zamenhof 1917: 268).

Siła ewentualnych zarzutów kierowanych pod adresem Zamenhofa jako tłumacza, że dostosowuje oryginał w przekładzie do takiej, a nie innej koncepcji świata,

²⁸ Zob. D. Rabinowitz, *Yarmulke: A Historic Cover-up?*, „Hakirah, the Flatbush Journal of Jewish Law and Thought” 2007, Vol. 4, s. 221–238.

²⁹ Zob. *Współczesny słownik języka polskiego...*, s. 554.

³⁰ O esperanckich realiach kulturowych pisała Alicja Sakaguchi Zob. A. Sakaguchi, *Realienbezeichnungen im Esperanto: ein Beitrag für die Übersetzer*, [w:]: *Linguistik International. Festschrift für Heinrich Weber*, red. W. Kürschner, R. Rapp, Lengerich, Berlin, Bremen, Miami etc. 2006, s. 543–559.

³¹ *Uniwersalny słownik języka polskiego PWN...*

³² <http://eo.wikipedia.org/wiki/Kipao>.

³³ <http://www.majstro.com/Web/Majstro/showEntryInfo.php?k=129680&t=dut&i=eng>.

³⁴ Zob. L. Zamenhof, *Humanitaryzm*, [w:] W. Żelazny, *Ludwik Zamenhof. Recepcje i reminiscencje. Wybór pism i listów*, Kraków 2012, s. 268.

znacznie słabnie w porównaniu z dwoma angielskim tłumaczeniami *Rewizora* i najnowszym niemieckim przekładem.

Arthur A. Sykes (Gogol 1892)	Thomas Seltzer (Gogol 1916)	Sabine Hahn (Gogol 2011) ³⁵
The Charity Commissioner, Zemlyanika, is a regular pig in a skull-cap.	The Superintendent of Charities, Zemlianika, is a regular pig in a cap.	Der Kurator der Fürsorgeanstalten ist ein Verbrecher!
„jest zwyczajną świnią w jarmulce”	„jest zwyczajną świnią w czapce”	„jest przestępcą”

Przytoczony tu fragment niemieckiego tekstu trudno uznać za przekład sztuki Gogola, w istocie jest to bardzo odbiegająca od oryginału adaptacja teatralna podporządkowana zasadzie poprawności politycznej określanej w Niemczech terminem *Politische Korrektheit*.

Zakończenie

W dobie współczesnej tłumacz ma przyzwolenie na działania, które Umberto Eco sformułował w postaci rady dla adeptów sztuki przekładu literackiego: „Znajdź to, co dla ciebie jest dominantą danego tekstu i na niej opieraj każdy swój wybór i wszystkie wyjątki”³⁶.

Przedstawione tu fragmenty tłumaczeń rosyjskiego *Rewizora* na esperanto i język polski skłaniają do refleksji nad rolą przekładu literackiego w kulturze, w jej tworzeniu. Owa rola jest wypadkową wielu czynników, spośród których bodaj na pierwszym miejscu trzeba wymienić intencję tłumacza. W tym kontekście rozważań na uwagę zasługują słowa, które wypowiedział w 2008 roku Tomasz Chmielik³⁷, znany tłumacz literatury pięknej na język esperanto.

Kiedy pracuję nad „Lalką” Prusa, muszę mieć świadomość, że będzie ją czytał i Japończyk, i Afrykanin, i mieszkaniec Ameryki Południowej. To trudne, ale właśnie przez to tworzymy kulturę ponadnarodową. A to właśnie jest spełnieniem ideałów Zamenhofs, twórcy języka.

Literatura

Balcerzan E., *Literatura z literatury (Strategie tłumaczy)*, Katowice 1998.

Chmielik T., *Zwycięża zawsze sztuka – Ĉiam venkas la arto. Rozmawiała Magdalena Kowalska*, 2008, <http://www.historia.swidnik.net/osoba-1003>.

Eco U., R. Rorty, J. Culler, Ch. Brooke-Rose, *Interpretacja i nadinterpretacja*, Kraków 1996.

³⁵ Zob. N. Gogol, *Der Revisor. Komödie in fünf Akte*, Nach der Übersetzung von Bernd Poßner für das Ensemble „ebenDIE”, Köln bearbeitet von Sabine Hahn, Comedia Theater Köln, Köln 2011, http://www.ebendie.de/downloads/Revisor_C.pdf.

³⁶ Zob. У. Эко, *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*, перевод А. Коваля, Санкт-Петербург 2006, с. 62.

³⁷ Zob. T. Chmielik, *Zwycięża zawsze sztuka – Ĉiam venkas la arto. Rozmawiała Magdalena Kowalska*, 2008, <http://www.historia.swidnik.net/osoba-1003>.

- Gogol N., *Der Revisor. Komödie in fünf Akte*, Nach der Übersetzung von Bernd Poßner für das Ensemble „ebenDIE“, Köln bearbeitet von Sabine Hahn, Comedia Theater Köln, Köln 2011, http://www.ebendie.de/downloads/Revisor_C.pdf.
- Gogol N., *The Government Inspector (or The Inspector General)*, translated by A.A. Sykes, Oxford 1892, http://www.oxfordtheatreguild.com/pages/productions/TGI_2012/tgi_script.pdf.
- Gogol N.V., *The inspector-general: a comedy in five acts*, trans. T. Seltzer, New York 1916.
- Golden B., *Kelkaj esperantaj fontoj de flugilaj vortoj*, „The Australian Esperantist” 1985, December, s. 362–363.
- Grabowski A., *Słownik języka esperanto. Część I polsko-esperancka (wydanie większe)*, Warszawa 1910.
- Guterman M., *Słownik polsko-esperancki*, Warszawa 1957.
- Harry R., *Vortoj kun flugiloj: citaĵoj el la tuta mondo*, Canberra 1984.
- Heller W., *Lidia: La vivo de Lidia Zamenhof, flino de Esperanto*, Tradukis el la angla B. Westerhoff, Antverpeno 2007.
- Kame’eleihiwa L., *Native Land and Foreign Desires: Pehea Lā E Pono Ai? How Shall We Live in Harmony?*, Honolulu 2003.
- Karolak S., *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*, t. 1, Warszawa 1998.
- La Nova Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto*, red. Duc-Goninaz M., Roux Klaŭdo kaj multaj aliaj, Paris 2005, <http://vortaro.net> (dostęp bezpłatny po uprzedniej bezpłatnej rejestracji).
- Pisarkowa K., *Język według Junga. O czytaniu intencji*, Kraków 1994.
- Rabinowitz D., *Yarmulke: A Historic Cover-up?*, „Hakirah, the Flatbush Journal of Jewish Law and Thought” 2007, Vol. 4, s. 221–238.
- Sakaguchi A., *Realienbezeichnungen im Esperanto: ein Beitrag für die Übersetzer*, [w:] *Linguistik International. Festschrift für Heinrich Weber*, red. W. Kürschner, R. Rapp, Lengerich, Berlin, Bremen, Miami etc. 2006, s. 543–559.
- Ŝirjaev I. et al., *Enciklopedio de Esperanto*, Budapest 1933.
- Stria I., *Zwierzęta w chińskim: wartościowania i tabu*, „Investigationes Linguisticae” 2012, Vol. XXVI, s. 108–123.
- Stuhr J., J. Ciosek, *Gogol się sprawdza. Wywiad*, „Dziennik Polski”, 18.09.2014, s. A10.
- Szczerbowski T., *Przekład jako początek historii literatury*, [w:] *Przekład w historii literatury*, red. P. Fast i K. Żemła, Katowice 2002, s. 9–18.
- Uniwersalny słownik języka polskiego PWN*, Wersja 2.0, red. S. Dubisz, Warszawa 2006.
- Walicki A., *Wstęp*, [w:] M. Gogol, *Rewizor. Komedia w pięciu aktach*, przeł. J. Tuwim, wstępem i objaśnieniami opatrzył A. Walicki, Wrocław–Warszawa–Kraków 1966, s. V–LXXXI.
- Wells J., *Concise Esperanto and English Dictionary*, Bristol 1988.
- Współczesny słownik języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa 2007.
- Zamenhof L., *Humanitaryzm*, [w:] W. Żelazny, *Ludwik Zamenhof. Życie i dzieło. Recepcje i reminiscencje. Wybór pism i listów*, Kraków 2012, s. 268–271.
- Эко У., *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе*, перевод А. Ковалея, Санкт-Петербург 2006.

Культура и художественный перевод по Людвигу Заменгофу (*Ревизор* Гоголя)

Резюме

В статье применяется теория интенций Умберто Эко (*intentio auctoris* „интенция автора”, *intentio operis* „интенция произведения” и *intentio lectoris* „интенция читателя”). Целесообразно выделить и интенцию переводчика. Предметом анализа являются три версии русской комедии: подлинник Гоголя, перевод на эсперанто Людвиг Заменгофа и польский перевод Юлиана Тувима. Оба перевода пользуются признанием своих читателей, хотя они значительно отличаются друг от друга. Расхождения касаются интенций переводчиков.

Ключевые слова: художественный перевод, Людвиг Заменгоф, Николай Гоголь, Юлиан Тувим, интенция переводчика, Ревизор

Culture and literary translation according to Ludwik Zamenhof (*Gogol's The inspector general*)

Abstract

This paper is an attempt to apply Umberto Eco's theory of intention (with the addition of one essential term, which is the intention of the translator) to an analysis of three versions of one Russian comedy. They are the Russian original by Nikolai Gogol, the translation of Ludwik Zamenhof into Esperanto and the Polish translation of Julian Tuwim. Thanks to the research approach taken it is possible to analyze three basic problems of international linguistic communication. The translations into Esperanto and Polish have both earned the esteem of readers despite differences being observable in many places, principally due to the different intentions of the translators.

Key words: literary translation, Ludwik Zamenhof, Nikolai Gogol, Julian Tuwim, the intention of the translator

Tadeusz Szczerbowski
Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)
profesor zwyczajny
e-mail: tszczerb@up.krakow.pl
48 126626742

Ольга Трофимова

Русский документ XVIII века: пунктуация рукописного оригинала и транслитерированной его публикации

По мнению исследователей, современная русская пунктуация в главных своих чертах сложилась к XVIII столетию, но на протяжении всего XVIII века в России сосуществовали два феномена: во-первых, редкое в рукописных (написанных скорописью) текстах употребление знаков препинания из небольшого их набора, во-вторых, «многознаковая» складывающаяся система пунктуационных правил печатного текста. А.Б. Шапиро писал в 1955 г. о влиянии печатного (преимущественного художественного) текста на рукописный русский текст:

[...] пунктуация печатных текстов оказывала определенное влияние на пишущих, которые постепенно усваивали пунктуационную систему печатных произведений и в той или иной мере придерживались её при письме. Однако постановка знаков препинания в печатающихся произведениях была делом типографских мастеров, которые могли в данной области не считаться, и действительно не считались, с тем, что представлял собою в пунктуационном отношении авторский рукописный текст. Это не значит однако, что авторы, и в особенности поэты и писатели, не оказывали с своей стороны никакого влияния на формирование системы русской пунктуации. Наоборот, как увидим далее, их роль в этом отношении все более и более усиливалась, и современная русская пунктуация должна поэтому рассматриваться как результат длительного и сложного взаимодействия той пунктуационной системы, которая была установлена в ряде европейских языков (в том числе и в русском) после введения книгопечатания, и тех приемов употребления знаков препинания, которые вырабатывались лучшими мастерами русской литературной речи в течение длительного периода, начиная с XVIII столетия по настоящее время¹.

По сравнению с небольшим числом русских поэтов и писателей XVIII века, число писцов, ежедневно составлявших, писавших и переписывавших деловые бумаги в столичных и провинциальных канцеляриях и формировавших своей профессиональной деятельностью средний стиль русского литературного языка, было огромным. По выражению В.В. Колесова, на протяжении всего XVIII века «под воздействием сложившейся книжной нормы

---

¹ А.Б. Шапиро, *Основы русской пунктуации*, Москва 1955, с. 13, 14.

заметно устремление к сущности *нормы* на основе явленности среднего *стиля*². И сила влияния печатного документа на письменную практику региональных писцов была такова, что постепенно приводила к единообразию формальных признаков графического оформления текста, имеющих, по выражению А.А. Бурькина, «статус некодифицированной нормы»³, на всей территории государства. В свое время, будучи абсолютно уверенным в том, что в первую очередь через систему административного государственного подчинения возможно исправить русскую орфографию и вообще русский язык, В.Н. Татищев писал В.К. Тредиаковскому 18 февраля 1736 г.⁴:

И сіе мнитса мнѣ хотя не вскорѣ но исправить удобно в канцелярїя^х указо^м а во употребленїи народно^м общимъ пре^дставленїемъ и пристойными сатиры или сложе^нными комедїами и вымышленными разговоры подобїемъ спектактора⁵.

Эта цитата напоминает о дискуссии о русском языке и его грамматике, проходившей за четверть века до написания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова (1755 г.) между российскими учеными (энциклопедистами по своей сути и в то же время государственными деятелями и поэтами) В.Е. Адогуровым, В.Н. Татищевым и В.К. Тредиаковским⁶. Предметом их размышлений были преимущественно вопросы графики и орфографии, но в грамматике В.Е. Адогурова есть и параграфы, посвященные «строчным препинаниям» и некоторым обычаям их употребления:

§ 115./ Какъ всѣ въ члѣвческой рѣчи случающїеся слова, когда они писмо^м и³ображены бывають, для бо^лшой ясности въ читанїи, ѳнѣ между собою расставляются, такъ и самую рѣ^ч на ра^зныя части ра^здѣляютъ, которыя о^т гра^мматико^в означиваются особливы^{ми} на то и^збранны^{ми} знака^{ми} іные знаки называются у насъ имене^м строчны^х препинанїи [...]⁷

Далее автор говорит о «несказанной пользе» пунктуации, потому что она «подает способ к отращению» многих неясностей или сомнения, и ссылается на случаи «оставления» («неупотребления») точек и запятых в тех местах,

² В.В. Колесов, *История русского языка*, Санкт-Петербург 2005, с. 609.

³ А.А. Бурькин, *Азбука и правописание*, [в:] *Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия*, Санкт-Петербург–Москва 2003, с. 21.

⁴ Б.А. Успенский, *Первая русская грамматика на родном языке*, Москва 1975, с. 77.

⁵ Б.А. Успенский отмечает, что имеется в виду английский сатирический журнал «Spectator» (там же).

⁶ Василий Евдокимович Адогуров (15.03.1709, Новгород – 05.11.1780, Санкт-Петербург), филолог, переводчик, математик, первый русский адъютант Академии наук, автор первой русской грамматики на родном языке (1738 г.); предполагается, что он был автором первых *Орфографических правил*, которые предназначались для академической типографии. Василий Никитич Татищев (19.04.1686, около Пскова – 15.07.1750, с. Болдино), государственный деятель, историк, экономист и географ. Василий Кириллович Тредиаковский (22.02.1703, Астрахань – 06.08.1768, Санкт-Петербург), поэт и филолог.

⁷ Б.А. Успенский, *указ. соч.*, с. 125.

«где их ясно изображать надлежало»; это приводило к возникновению непонимания, иначе говоря, непреодолимых трудностей, «которые как при толковании догматов веры и Священного писания, так и при изъяснении гражданских законов и прочих в житии полезных и важных письменных сочинений случаются».

Следующий тезис автора чрезвычайно актуален для понимания письменной речевой практики XVIII века (и значим для нашей статьи):

Однако* писатели еще и понынѣ въ томъ ме*ду собою согласи*ся не могутъ; что до употребленія разны*х знаковъ препинанія касает*ся. Почти всякъ и³ нихъ опредѣляетъ себѣ на то особливья правила, которы*м другой послѣдова*т уже не хоче*т. А многіе и весьма никаки*х прави*л или порятка въ то*м себѣ не претставляютъ⁸.

От писателей возвратимся к писцам, дьякам и подьячим начала XVIII века. Эти профессиональные «пишущие» работали одновременно во множестве разных пунктуационных традиций, представленных во входящих и исходящих документах. Как свидетельствуют архивные фонды, документы, приходившие из столиц – Москвы и Санкт-Петербурга – сначала в губернские (наместнические), а затем в воеводские и провинциальные канцелярии, были в большинстве своем рукописные, и только в исключительных случаях – печатные. С них делали рукописные копии для нижестоящих канцелярий, и знакомство с копиями показывает, что переписанный документ далеко не всегда совпадает с оригиналом в графическом и грамматическом отношении⁹: копия сохраняет традиции не только местной канцелярской школы, но и каждого писца в отдельности – о чем можно судить по собраниям документов, написанных одним и тем же почерком.

В нашем распоряжении оказался корпус документов первой четверти XVIII века, имеющих отношение к деятельности уральских заводчиков Демидовых. Документы отобраны в столичных и региональных архивах директором Демидовского института в Екатеринбурге А.С. Черкасовой для публикации в очередном томе серии «Памятники истории и языка: наследие

---

⁸ Там же, с. 126.

⁹ Ср. любопытное и верное замечание В.В. Колесова «о типично русском отношении к порядку и равнодушию к формальным деталям письма» в контексте рассуждений о письменной ситуации русского Средневековья, возникшей в результате «второго южнославянского влияния». Русский язык этого времени иногда называют «церковнославянским языком эпохи Средневековья» («совершенно условное, искусно выстроенное по канонам письмо»): «Известным ответом на новое внешнее „влияние“ стало развитие „быстрого письма“ – полуустава с переходом в скоропись: здесь меньше возможностей следовать истовым (уставным) правилам письма, поскольку и в графике скоропись утрачивает достоинство образца. [...] Даже церковные деятели середины XVI в. резко осуждают такое искусственное письмо „ино сербски, а ино болгарски“». Новая установка на „образ и подобие“ не получила развитие и на практике, во многом благодаря типично русскому отношению порядку и равнодушию к формальным деталям письма. Скоропись отменяла все ухищрения искусственного изображения слов на письме». В.В. Колесов, *указ. соч.*, с. 203, 204.

Демидовых»¹⁰. В корпусе документов можно выделить по крайней мере шесть почерков. Как показало исследование их пунктуационной составляющей, по наличию в текстах знаков препинания принципиально различаются документы, входящие в демидовские горнозаводские канцелярии (четыре почерка), и исходящие из них документы (два почерка). Входящие документы – это копии (царских грамот, памятей, указов и др.), выполненные в центральных канцеляриях; исходящие – это оригиналы (челобитные, прошения, отписки и др.), составленные от имени Никиты Демидова¹¹ или его сына Акинфия¹². Но прежде чем перейти к представлению результатов исследования этих двух групп документов, обратимся к уникальной находке, которая позволяет продемонстрировать особенности отражения пунктуации (а также графики и орфографии) печатного оригинала, во-первых, в скорописной копии (синхронный аспект исследования), во-вторых, в транслитерированной современной публикации (диахронный аспект).

Это именно императорский указ от 19 апреля 1722 г., опубликованный в *Полном собрании законов Российской Империи* под № 3974¹³, представленный в таблице ниже как печатный текст (А)¹⁴. Его копия¹⁵ (Б; знаком // отмечен конец строки в архивном источнике) содержит все характерные для скорописи начала XVIII века надстрочные буквы и такие знаки, как паерок¹⁶,

¹⁰ См., например: *Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735–1786*, ред. А.С. Черкасова, Екатеринбург 2010.

¹¹ Никита Демидов сын Антуфьев (26.03.1656, Тула – 17.11.1725, там же). В 1702 г. ему были отписаны громадные земли на Урале вместе с казенными Невьянскими заводами и с правом покупать крепостных для работы на них. За это Никита обязался выплачивать в казну стоимость заводов железом в течение 5 лет. Во время Северной войны он поставлял оружие армии за меньшую, по сравнению с другими, цену. Много денег и железа пожертвовал на строительство Санкт-Петербурга, а в 1715 г. был настолько богат, что поднес государыне на рождение наследника 100 тысяч рублей. В 1720 г. получил дворянство с фамилией Демидов, что было подтверждено для его сыновей грамотой 1726 г. См.: Е.И. Краснова, *Демидовы, [в:] Три века Санкт-Петербурга...*, с. 305.

¹² Акинфий Никитьевич Демидов (1678, Тула – 05.08.1745, с. Яицкое Устье на Каме). По приказу отца осваивал уральские земли, открыл новые железные, медные и свинцовые рудники, разработки асбеста и малахита. Основал 17 железных и медноплавильных заводов. В конце жизни на его 25 заводах выплавлялось около половины всего чугуна России. Привезенный им из Западной Европы минералогический кабинет, пополненный сибирскими минералами, его наследники подарили в 1759 г. Московскому университету См.: Е.И. Краснова, *указ. соч.*, с. 305, 306.

¹³ *Полное собрание законовъ Россійской Имперіи, съ 1649 года*. Томъ VI. 1720–1722. Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1830, с. 685 [http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=27&regim=3]. Конечно, следует иметь в виду очень важный вопрос о том, насколько публикация 1830 г. аутентична типографскому тексту 1722 г.

¹⁴ Документ был обнаружен уже после того, как была транслитерирована его копия. В табличной его публикации выделяем шрифтом скрепы (союзы и союзные слова) предикативных частей.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 594. Л. 97.

¹⁶ См. у В.В. Колесова: «Употребление паерков на месте <ъ, ь> (*сот;никъ* вместо *сътъникъ*) и особенно правила употребления выносных букв только в закрытом слове

знак придыхания над начальной гласной, точка над гласной последнего открытого слога; а также варианты написания букв (в /Ѣ; у /Ѹ) и слитное со знаменательным словом написание союзов, предлогов и частиц. Текст В, транслитерированный в соответствии с принципами публикации документов XVIII века¹⁷, предлагается для современного так называемого «широкого» читателя¹⁸. Для удобства сопоставления текстов разобьем их на отдельные предикативные части.

	А	Б	В
	3974. – Апрѣля 19. (*) Именный. – <i>О дѣланіи Бергъ-Коллегіи розысковъ по доносамъ о помѣшательствахъ, чинимыхъ въ сыскиваніи рудъ.</i>	Указъ бергъ ко ^л легіи	Указъ Бергъ коллегии
1	Понеже вѣдомо Намъ учинилось,	Понеже` вѣдомо намъ ѳчинилось,	Понеже вѣдомо Намъ учинилось,
2	что въ пріискѣ всякихъ рудъ и минераловъ, помѣшки, также прикащики и старосты ихъ, доносителямъ и пріискателямъ рудъ великія чинятъ обиды,	что в;прииске в;сякихъ // ру ^л иминераловъ, помещики`, также` прикащики` и`ста`// росты ихъ доносителемъ иприиска`телемъ ру ^л великіе // чинятъ о`биды`	что в'прииске всякихъ руд и'минераловъ помещики, также прикащики и'старосты ихъ доносителемъ и'приискателемъ руд великие чинятъ обиды
3	и не только что ихъ не допускають въ угодыяхъ своихъ рудъ сыскивать,	инетолко что ихъ недопускають // въѳгодьяхъ сѢоихъ ру ^л сыскиШать,	и'не'толко что ихъ не'допускають въ'угодыяхъ своихъ руд сыскивать,
4	но еще бьють	ноеще бьють //	но'еще бьють
5	и мучатъ:	имучатъ	и'мучатъ,
6	того для противъ такихъ доношеніевъ о рудахъ доносителей,	того для` протиѢъ таки <sup>х</sup> доношеніе <sup>в</sup> // ѳруда <sup>х</sup> доносителей`,	того для противъ такихъ доношеніевъ о'рудахъ доносителей,

(например, в конце слова *то(м)*, *тъ(м)*), согласный перед согласным в середине слова, особенно перед <j> (типа *brate*, *Jure*, т.е. *братъе*, *Юрье*, или типа *сбра(л)с* и др.) позволяют выделить фонетические сочетания, создававшие закрытый слог непосредственно после падения редуцированных и вплоть до конца XIV в. Средневековые грамматики требовали неукоснительного использования паерков, которые сигнализировали о перераспределении звучности в фонетическом слове (возникло после утраты <ъ, ь>). Сам термин «паерок» («речник», «ертица», «воос» – из греч. *βοας* – ‘звучащий’) указывает на фонетический характер явления, обозначаемого им на письме». В.В. Колесов, *указ. соч.*, с. 141.

¹⁷ Прокофий Акинфиевич Демидов. *Письма и документы...*, с. 211, 212.

¹⁸ Знаки препинания в нем проставлены автором настоящей статьи, без предварительной сверки с публикацией в ПСЗ. В настоящей статье сохранена неотредактированная современная пунктуация.

7	которые на прикащиковъ и старость или на самих помѣщиковъ и властей,	которые` наприкащиковъ -// истарость или` на`самихъ помещико <sup>в</sup> и властей` //	которые на`прикащиковъ, и`старость, или на`самихъ помещиков и`властей,
8	чи тѣ земли,	чи` те земли`	чи те земли,
7	будутъ бить челомъ	буду ^т би ^т челомъ	будут бит[ь]`челомъ
9	и доносить,	идоносить,	и`доносить,
10	что ихъ рудъ искать не допускають,	что // и ^х ру ^д искать недопускають,	что их руд искать не`допускають,
11	и выбивають,	ивывиваю ^т ,	и`выбивают,
12	или въ заводахъ рудныхъ чинят какое препятіе:	или` // в'за ^д ода ^х ру ^д ны ^х чиня ^т какое препятіе,	или в'заводах рудныхъ чинят какое препятіе,
13	и о такихъ розыскивать въ Бергъ-Коллегіи,	ио ^т аки ^х // розыскивать вбергъ ко ^л легіи`	ио ^т акихъ розыскивать в'Бергъ коллегии.
14	а въ города къ Воеводамъ указовъ о томъ не посылать.	авгороды` квоеода ^м // ъказо ^д ъ о ^т омъ не ^п осылать	Ав'города к'воеводам указовъ о'томъ не`посылать,
15	И для того не только тѣхъ прикащиковъ или старость, но и самихъ помѣщиковъ,	идля` того нетолко // техъ прикащиковъ или` старость ноисамихъ // помещико ^в ,	и`для того не`толко техъ прикащиковъ или старость, но`и`самихъ помещиков,
16	которые въ приискѣ рудъ или въ рудныхъ заводахъ какое препятіе будутъ чинить,	которые` въприиске ру <sup>д</sup> или вру <sup>д</sup> ны <sup>х</sup> // за <sup>д</sup> ода <sup>х</sup> како препятіе` буду ^т чинить,	которые въ`прииске руд или в'рудныхъ заводахъ како препятіе будутъ чинить,
15	братъ	братъ //	братъ
17	и розыскивать о томъ въ Бергъ-Коллегіи.	и ^р озыски ^д ать о ^т омъ в;бергъ ко ^л легіи`.	и`розыскивать о'томъ в'Бергъ коллегии.
18	На подлинномъ Его Величества указѣ, собственной Его Величества рукою приписано тако:	напо ^д линномъ его вели`чества` указе` собстве <sup>н</sup> ною // его величества` рукою приписано тако:	На`подлинномъ Его Величества указе Собственной Его Величества рукою приписано тако:
19	а не указами посылать въ города.	анеѣказами` посылать вгорода`	а`не`указами посылать в'города.
20		петръ	Петръ.
21		впреображенско`мъ апреля` въ 19. день 1722 году`	В'Преображенскомъ апреля` въ 19 день 1722 году.
22	(* ¹⁹) Печатанъ въ Москвѣ Ноября 13.	печатано вмосковскои` типографіи 1722 году // ноябрѣ 13 дня. <i>ли^{вн} 20</i>	Печатано в'Московской типографии 1722 году ноября 13 дня.

¹⁹ Отмеченное звездочкой напечатано на нижнем поле страницы, за границами текста документа.

²⁰ Часть удостоверяющей подписи канцеляриста, чья фамилия заканчивается на -лин.

Мы видим, что в тексте А (части 1–20) содержится 20 знаков препинания (четырнадцать запятых, три двоеточия, три точки), в тексте Б – знаков препинания в два раза меньше (девять запятых и одна точка), в тексте В – 18 знаков (четырнадцать запятых, одно двоеточие, три точки). Сравнение пунктуационного оформления показывает близость текстов А и В. Разница же касается,

- 1) «лишних», с позиций современной пунктуации, запятых в части 2 (А);
- 2) использования двоеточия (А) или запятой (В) на границе частей 5–6 и 12–13;
- 3) оформления частей 13–14–15: в тексте А точка стоит между частями 14–15, в тексте В – между частями 13–14.

Рукописный текст Б оказывается противопоставленным двум текстам: и типографскому своего времени, и экспериментальному транслитерированному тексту, расстановка знаков препинания в котором была подчинена преимущественно грамматическому принципу современной русской пунктуации. Руководствоваться интонационным принципом в ситуации восприятия письменного текста не приходится. Обращение же к смысловому принципу, как показывает таблица, подвело современного интерпретатора: прощительное для него далеко не полное знание особенностей административно-иерархических отношений в России начала XVIII века выразилось в оказавшемся некорректным наполнении местоимения *о том* в части 14. С точки зрения интерпретатора, местоимение *о том* вбирает в себя содержание предыдущих частей 6–13, в том числе местоимения *таких* в части 13. Для публикатора текста А принципиально важно подчеркнуть противопоставление двух уровней администрирования – потенциальных участников ситуации в реальной действительности: высшего, представленного Берг-коллегией (часть 13), и подчиненного, представленного воеводами (14). Блок частей (13–14) в тексте А отделяется от левого контекста двоеточием, а от правого – точкой. Следовательно, местоимения *таких* (13) и *том* (14) в тексте А являются семантически и позиционно эквивалентными в структуре сложносочиненной предикативной единицы.

Представление анализируемого текста с позиций грамматического принципа пунктуации может быть следующим. Реквизит «текст» документов (предикативные части 1–17) состоит из двух сложных синтаксических конструкций (ССК): **I {1–14}. И для того II {15–17}**. Иначе: **I {понеже (1–5) того для (6–12)} и [[13] а [14]] И для того II {[15 (16)] и [17]}**

С учетом деревьев зависимостей этих ССК схема текста получает такой вид²¹:

I того для [6 понеже / (1•) что / (2) и не только (3) но (4) и (5)	•] и [[13] а [14]] \ которые (7•) и (9) чьи что (8) (10) и (11) или (12)	И для того II [15•] и [17] которые (16)
---	---	---

²¹ Квадратными скобками представляем главную часть сложноподчиненного предложения, круглыми – придаточную. В квадратных скобках указан номер главной части, в круглых – придаточной, точкой в скобках обозначено опорное слово при словной связи частей в сложноподчиненном предложении.

Обратим внимание: границы формулярного (композиционного) членения документа и формально-грамматического членения текста не совпадают: в казусный блок (*narratio*) входят предикативные части 1–5, в прагматический (*dispositio*)²² – части 6–17; иначе говоря, казусный блок – это «половина» ССК I, в то время как прагматический – вторая «половина» ССК I + ССК II. Обратим внимание и на то, что блок *narratio* вводится в текст документа причинным союзом *понеже* (с его перспективной проекцией на правый контекст, то есть на содержание частей 1–5) и отделяется от блока *dispositio* синонимичной союзной скрепой *того для*, как бы «закольцовывающей» казусный блок, в ретроспективной проекции того же контекста, но теперь уже левого. Таким образом, формулярная отдельность блока *narratio* могла бы быть подчеркнута (с точки зрения современного интерпретатора) в пунктуационном отношении: для отделения его от блока *dispositio* перед текстовой скрепой *того для* можно было бы быть поставить точку. Но ни в одном тексте этой точки в этом месте нет²³.

Итак, своеобразный пунктуационный эксперимент продемонстрировал определенную пунктуационную близость текстов А и В, свидетельствующую о том, что в начале XVIII века фундаментальная база современной пунктуации хотя бы «идеально», но уже существовала. Другое дело, что не все пишущие начала XVIII века считали необходимым ставить знаки препинания или ставили их «не по общему правилу». Одну из причин этого можно найти в следующем замечании А.Б. Шапиро:

Пока тот или иной документ [...] или сочинение [...] переписывалось от руки профессионалами-писцами и читалось немногими грамотными людьми, большей частью – специалистами-чтецами, не было особой нужды в тщательном обозначении всех сторон письменного текста: достаточно было того, что на письме передавалась при помощи определенных знаков лишь звуковая или (в идеографическом письме) непосредственно смысловая сторона высказывания. [...] Чтец, в силу профессиональной опытности, справлялся более или менее удовлетворительно с любым текстом – тем более, что как жанровые, так и стилистические разновидности произведений письменности были в то время не так уж многочисленны и разнообразны²⁴.

Правила же употребления знаков препинания (ориентированные у В.Е. Адодурова на художественный, а именно поэтический, текст) были сформулированы в середине XVIII века таким образом:

²² Наррация, изложение обстоятельств дела; диспозиция, распоряжение по существу дела – в условном формуляре документа. См.: И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*, Москва 1998, с. 257.

²³ Если принять во внимание концепцию Л.П. Якубинского (1931 г.), анализируемый текст находится на стадии гипотаксиса: «На стадии гипотаксиса акт мысли подается расчленено, но отдельные элементы его крепко увязаны в единое сложное целое». Л.П. Якубинский, *Проблемы синтаксиса в свете нового учения о языке*, Москва 1986, с. 83.

²⁴ А.Б. Шапиро, *указ. соч.*, с. 6.

Грамматика В.Е. Адодунова (1738) ²⁵	«Российская грамматика» М.В. Ломоносова (1755) ²⁶
[...] въ рассужденіи безчисленнаго различія въ томъ порядкѣ которы ^м слова расположены ^{ми} бывають также и для различны ^х понятій, которыя себѣ всякъ при се ^м случаѣ представляе ^т обыкновенно принимаю ^т ся слѣдующія правила:	Строчные знаки ставятся по силѣ разума и по его расположенію и союзамъ.
, Запятая употребляется для раздѣленія имѣ ^т , глаголь, наречій, и таки ^х частей въ стихѣ, которыя ме ^{жду} собою по нуждѣ не соединяются.	Запятая употребляется между реченіями одинакими, или и съ приложеніями и глаголами, къ одному принадлежащими.
. Точка показываетъ полный стиха совершенный смыслъ въ себѣ соде ^р жащаго.	Точка заключаетъ цѣлой періодъ, и ей обыкновенно слѣдуетъ прописная буква, которую также имена почтенныя и собственныя начинаются.
: Двѣ точки, или двоеточіе и ^з являе ^т часто средину стиха гдѣ смыслъ не такъ сове ^р шенно оканчивае ^т ся, какъ въ цело ^м стихѣ.	Двѣ точки примѣры, причины и рѣчи вносныя напередѣ показываютъ.
; Запятая съ точкою, значи ^т смыслъ бо ^{ль} ше совершенный нежели одна запятая, а не такъ полной, какой и ^з является чрез двоеточіе.	Точка съ запятою различаетъ члены періодовъ.

При этом В.Е. Адодунов достаточно критически писал о том, что в современных концепциях принято называть смысловым принципом пунктуации:

§ 118./ Но какое понятіе въ строчны^х препинаніяхъ. получаемъ мы о^т си^х правилъ, которыя намъ обыкновенно таки^м образо^м пре^длагаются? Ибо что значатъ оныя знаки въ стихѣ, которыя ме^{жду} собою *не по нуждѣ соединяются*. Что такое значи^т полный сти^х и *смыслъ сове^ршенный* и что на послѣдокъ разумѣется чрезъ смыслъ *болше сове^ршенный* или чрезъ смыслъ *не такъ полный*. Сіе претставляетъ такія затруднѣнія которыя съ надлежащею ясностію едва исто^чкованы быть могутъ [...]

Обратимся вновь к четырем почеркам копий и двум почеркам оригиналов анализируемого корпуса архивных документов. Условным первым почерком (тем же, что и текст Б) записаны еще 10 документов: копии памятей, грамоты, прошения и указов (1705, 1706, 1710, 1718 1719 и 1726 гг. – на протяжении 21 года). На 20 архивных листах всего 27 знаков препинания:

1) семь двоеточий, все в семантической ситуации пояснения: из них один раз после причастия **написано**; предваряющего пересказ входящего («внесенного») документа и шесть раз в удостоверяющей скрепе, как в тексте Б (18): **тако**; в том числе **[тако]**;

2) семь запятых: при перечислении подписавших в удостоверяющей скрепе, перед сочинительным союзом **а**, после обращения;

²⁵ Б.А. Успенский, указ. соч., с. 126.

²⁶ *Российская грамматика Михаила Ломоносова*. Печатана въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи Наукъ 1755 года, с. 60, 61, <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/60/mode/1up>.

3) 13 знаков, средних между точкой и запятой, которые занимают место преимущественно в абсолютном конце текста, а также перед скрепой, в конце блока *dispositio* или в конце блока *inscriptio*²⁷.

Условным вторым почерком записано девять копий документов 1705, 1709, 1720, 1721 и 1722 гг. (на протяжении 17 лет): грамоты, листа, копии с приговора и указа. На 13 архивных листах всего 13 знаков препинания²⁸:

1) пять двоеточий, из них одно – в функции знака пояснения (**такое**:) и четыре – в функции финального знака в конце скопированной части документа перед удостоверяющей скрепой;

2) находящихся в абсолютном конце текста семь знаков, состоящих из двоеточия и косой черты²⁹ :/.

Условным третьим почерком записаны три копии указов 1724 и 1725 гг. На девять архивных листах всего восемь знаков препинания³⁰:

1) пять :/, из них два употребления в функции финального знака в конце скопированной части документа перед удостоверяющей скрепой, три – в абсолютном конце текста;

2) три запятые: одна с композиционно-формулярной функцией (перед блоком *dispositio*), вторая – с грамматической (в сложной синтаксической конструкции перед стыком союзов **и ежели**), третья кажется случайной.

Простая арифметика показывает, что в среднем на один документ приходился один знак, который, вероятно, вовсе не стоило бы называть знаком препинания. На этом фоне чрезвычайно развитой можно назвать пунктуационную систему (знакам соответствуют значения и функции), представленную в памяти 1703 г. и грамоте 1704 г., записанных условным четвертым почерком. Количество запятых, точек с запятыми, двоеточий таково, что в среднем их приходится по полтора знака на строку (всего же на девяти листах двух документов в среднем по 39 строк на листе, а на последнем листе и его обороте – по 52 строки. В абсолютном конце документа стоит :/):

1) запятые употребляются между однородными членами предложения с союзной (союзы **и, а, да**) и бессоюзной связью: между дополнениями, выраженными существительными; объектными инфинитивами;

2) точка с запятой – в формулярной функции в конце блока *inscriptio* и в конце документа перед скрепой; в формально-грамматической функции: в конце сложной синтаксической конструкции (эквивалент современной точки), в однородном ряду – перед последним компонентом с обобщающим значением;

3) двоеточие – перед пояснением, а также перед присоединительными конструкциями, которые вводятся союзом **а**.

²⁷ Обозначение адресата.

²⁸ Плюс надстрочный знак двойной «кавыка» для указания вставки на левом поле в копии приговора 1722 г.

²⁹ Или, как её теперь называют благодаря использованию компьютерной клавиатуры, слэш. См.: С. Друговойко-Должанская, *Знаки «препинания»*, <http://www.gramma.ru/RUS/?id=1.8>.

³⁰ Плюс в двух документах по фигурной скобке, объединяющей переписанные в копии подписи оригинала.

Составить представление о пунктуации документа можно по начальному его фрагменту (наше вмешательство в текст выразилось в использовании прописных букв):

Лета 1703го феПряля въ 25= день, поуказу великаго // г^дря царя ꙗШеликаго князя Петра АлеѳеШича всея // Шеликия ꙗмалыя ꙗбелыя Россіѣ самодержца; память // наШерхотурье нажелезные неШьянские заводы оружейны^х // железныхъ припасоШъ мастеру, туленину Никите – // Демидову; впрошло^м 1702^м году по'его великаго г^дря – // указу, велено тебе наШерхотурски^х железны^х заводехъ // ꙗз;сибирского железа лить пушкѣ ꙗмортиры, ꙗделать // фузей, шпагѣ, саблѣ, тесакаѣ, палаши, копѣ, латы – // шишакѣ, проволоку, ꙗ'сталь; ꙗиныя статьи; ꙗтого'жь // 1702 году, декабря въ 1^м числе вскаске твоеѣ написано: // в'близостиде кШерхотурскимъ заводамъ есть крестья^н//ские слободы Шерхотурского уезду Аѣцкая, Красно//польская, аедаеть де ꙗхъ одинъ прикащикъ – / даНеШ'янская слобода, даманастырское село Покровъ//ское, даТоболскаго уезду Мурзинская слобода [...]³¹

Документы, представляющие собой оригиналы, относятся преимущественно к жанру челобитных (прошений) и жанру доношений. В первой группе текстов (документы 1702–1710 г.) знаков препинания практически нет. В документах 1708 и 1710 гг. наблюдается членение текста на сложные синтаксические конструкции (равные смысловым блокам, граница между которыми совпадает с формулярным членением документа), располагающиеся через строку. Например, из 11 «абзацев» состоит реквизит «текст» прошения от 21 декабря 1708 г. к «державнѣйшему царю государю милостивѣйшему», которое подписано так:

Ксему прошению вмѣста батюшка своего Никиты Демидовича сынъ ево Акинфей руку прилажилъ³².

В почерке, которым написаны документы второй группы (доношения 1722 и 1723 гг.), количественно преобладают знаки :/и;/ (используются даже между однородными объектными инфинитивами, например: *приказать пробовать;/ и посланного от нас ученика поучить*)³³. Есть также единичные точки, запятые, двоеточия и квадратные скобки (в среднем один знак на четыре строки), например:

[...] неШолею высылать не смѣю. [кромѣ те^х // которые сами сШоею волею пожелаютъ: ꙗ те^х на прежние ихъ жилища // повышеписанномъ ꙗказу о'тпускать бѣдѣ]. ꙗежели повелѣно бѣде^т // и'зсибири пришлы^х людей икр'тъянъ неволею высылать то [...]³⁴;

³¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 127. Л. 21.

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1348. Л. 4.

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 668.

³⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 627. Л. 111.

[...] тое рѣдѣ двѣхъ ямахъ копаю токмо // тая ме^лная рѣда во^н:оны^х ямахъ нечи^ттая: нобо^лшая // часть в не^н желѣсны^х рѣды [о чем ѡная г^рдст^тенная // коллегия и^н вестна] также [...]³⁵

Как показывает анализ документов, в подавляющем случаев пунктуационный знак стоит в том месте, где бы мы поставили его сегодня, т.е. он является «синтаксическим». Правда, часто мы выбрали бы другой знак препинания, наполнив его смыслом, воспринятым из текста. В середине XX в. А.Б. Шапиро привел в своей монографии мнение В. Классовского, занимавшегося во второй половине XIX века историей пунктуации:

Знаки препинания, в синтаксическом их смысле, можно ввести только с появлением книгопечатания, хотя они, по всему вероятно, возникли еще в первую эпоху усилившегося распространения рукописей [...]. Как бы то ни было, в инкунабулах и в книгах первой половины XVI столетия, без однообразия впрочем и без надлежащей последовательности, есть уже запятая, скобки, знак вопросительный и точка³⁶.

Сравним этот набор с теми, что представлены в пунктуационных системах XVII, XVIII и XX веков (в сводной таблице на стр. 69).

Сводная таблица позволяет увидеть, что общими для всех пунктуационных перечней являются два основных знака: запятая и двоеточие. В XVIII веке к ним добавляется третий – точка с запятой, который становится, судя по документам демидовского корпуса, «любимым» для рукописных документов первой четверти XVIII века. Этот же знак, присоединив к нему черту (; / и его вариант : /), употребляют и как знак формуляра для обозначения формулярного блока, и как знак исчерпанности документа. Перемещаясь внутрь реквизита «текст», знак (в свободных от жестких формулярных традиций текстах) располагается и на границах смысловых частей, а также сложных синтаксических целых. Уже позднее именно из конструкций его употребления, вероятно, выделяются конструкции с закрепляющимися скорописными запятыми и точками. Но необходимо исследование больших корпусов текстов, чтобы понять закономерности их употребления. Поэтому транслитерированные публикации скорописных документов, адресованные непрофессиональному читателю, неизбежно будут наполняться несколько иными смыслами, чем это было в XVIII веке. Пока же мы можем как к формулировке перспективы дальнейших исследований присоединиться к словам В.Е. Адодурова, закончившего свою грамматику словами:

[...] однако^ж по^тщ^ии^я мы послѣдѣя рассужденію нѣкоторого писателя наши^х время^н чре^з исчисленіе ра^зныхъ до того касающ^ихся случаевъ показать каки^м образ^омъ строчныя препинанія при всякой рѣчи употреблять до^лжно, что прежде еще весьма недо^лжно рассмо^трено было³⁷.

³⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 627. Л. 143 об.

³⁶ В. Классовский, *Знаки препинания в пяти важнейших языках*, Санкт-Петербург 1882, с. 3. Цит. по: А.Б. Шапиро, *указ. соч.*, с. 8.

³⁷ Б.А. Успенский, *указ. соч.*, с. 127.

Современные знаки препинания ³⁸ (1956)	«Точки» Лаврентия Зизания ³⁹ (1596)	Церковно-славянские знаки препинания ⁴⁰ (сер. XVII в.)	«Препинания строчные» Мелетия Смотрицкого ⁴¹ (1619)	«Строчные препинания» В.Е. Адодурова ⁴² (1738)	«Строчные знаки» М.В. Ломоносова ⁴³ (1755) ⁴⁴	Наличие знака в корпусе демидовских документов (1702-1726)	
						оригиналы	копии
точка.	то́чка.	. точка	то́чка.	точка.	точка.	.	
точка с запятой ;	по ^о сто́лїа ;	. малая точка или : двоеточие		запятая точка ;	точка съ запятою ;	;	;
запятая,	запата́а,	, запятая	запата́а,	запятая,	запятая,	,	,
двоеточие :	двосрѣ́іе :	: двоеточие	двоетѣ́іе :	двоетѣ́іе :	двѣ точки :	:	:
тире -							
знак вопросительный ?		; точка съ запятой - вопросительнаа	вопрѣснаа ;	вопросныя ?	вопросительный знак ?		
знак восклицательный !		! восклицательный знакъ	оудивнаа !	удивите ^е ныя или удивнаа !	удивительной знакъ !		
многоточие...		: двоеточие					
скобки ()			ѿло ^о наа ()		вмѣстительной знакъ ()		
кавычки «»							
	срокà.					:/ :/	:/
	сѣдините ^е наа -				единительный знакъ -		
			черта /				
			ра ^а 'тнаа .				
			единитнаа "				
			вмѣстнаа []			[]	[] {
10 знаков	6 знаков	6 знаков	10 знаков	6 знаков	8 знаков	7 знаков	6 зн.

³⁸ *Правила русской пунктуации* (1956), [в:] *Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации»*, Москва 2006, с. 216–252. Этим набором свод русских знаков препинания не исчерпывается. См., в частности, исследования А.Б. Шапиро о «сложном знаке препинания – запятой и тире», А.Б. Пенъевского, Б.С. Шварцкофа, анализирующих 12 знаков препинания (к десяти указанным добавляются двойные запятые и двойные тире), статью Б.З. Букчиной о висячем дефисе в сборнике *Современная русская пунктуация*, Москва 1979), мнение Н.С. Валгиной о причислении к знакам препинания абзаца («точнее абзацного отступа перед красной строкой») в пособии для учителей *Русская пунктуация: принципы и назначение* (Москва 1979), а также учебник для студентов высших учебных заведений Н.Л. Шубиной *Пунктуация современного русского языка* (Москва 2006), в который включены разделы о широком наборе знаков исторической и современной метаграфемике письменного (печатного) текста.

³⁹ *Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого* / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой и М.Л. Ремнёвой, Москва 2000, с. 42.

⁴⁰ Иеромонах Алипий (Гаманович), *Грамматика церковно-славянского языка*, Москва 1991, с. 22.

⁴¹ *Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого...*, указ. соч., с. 152.

⁴² Б.А. Успенский, указ. соч., с. 125.

Литература

- Валгина Н.С., *Русская пунктуация: принципы и назначение*, Москва 1979.
- Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*, сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой и М.Л. Ремнёвой, Москва 2000.
- Данилевский Н.И. и др., *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*, Москва 1998.
- Друговейко-Должанская С., *Знаки «препинания»*, <http://www.gramma.ru/RUS/?id=1.8>.
- Иеромонах Алипий (Гаманович), *Грамматика церковно-славянского языка*, Москва 1991.
- Классовский В., *Знаки препинания в пяти важнейших языках*, Санкт-Петербург 1882.
- Колесов В.В., *История русского языка*, Санкт-Петербург–Москва 2005.
- Полное собрание законовъ Россійской Имперіи, съ 1649 года*, т. VI. 1720–1722. Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830.
- Прокофій Акинфиевич Демидов. *Письма и документы. 1735–1786*, ред. А.С. Черкасова, Екатеринбург 2010.
- Россійская грамматика Михайла Ломоносова*. Печатана въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи Наукъ 1755 года, <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/60/mode/1up>.
- Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации»*, ред. В.В. Лопатин, Москва 2006.
- Современная русская пунктуация*, Москва 1979.
- Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия*, отв. ред. П.Е. Бухаркин, т. I: *Осьмнадцатое столетие*: кн. 1–2, Санкт-Петербург–Москва 2003.
- Успенский Б.А., *Первая русская грамматика на родном языке*, Москва 1975.
- Шапиро А.Б., *Основы русской пунктуации*, Москва 1955.
- Шубина Н.Л., *Пунктуация современного русского языка*, 2006.
- Якубинский Л.П., *Проблемы синтаксиса в свете нового учения о языке*, Москва 1986

---

⁴³ *Россійская грамматика Михайла Ломоносова*. Печатана въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи Наукъ 1755 года, с. 60, 61.

⁴⁴ Правила постановки знаков препинания из грамматики М.В. Ломоносова в дополнение к приведенным в таблице ранее: «§ 130. Вопросительный знакъ по вопрошеніи, удивительной по удивленіи поставляются. § 131. Вмѣстительной слово или цѣлой разумъ въ рѣчь вмѣщаетъ, безъ союза и порядочнаго сочиненія. § 132. Единительный знакъ раздѣленное въ двѣ строки одно реченіе показываетъ. Здѣсь наблюдать должно, что бы не разлучать буквъ, до одного склада надлежащихъ». *Россійская грамматика Михайла Ломоносова*, с. 61.

**Русский документ XVIII века:
пунктуация рукописного оригинала
и транслитерированной его публикации**

Резюме

В статье на материале корпуса архивных документов первой четверти XVIII века, связанных с деятельностью уральских заводчиков Демидовых (документы предоставлены директором Демидовского института А.С. Черкасовой), рассматривается история и условия знаков препинания в оригинальных текстах и в их транслитерированном варианте. Скорописный документ сопоставляется с печатным текстом, опубликованным в Полном собрании законов Российской Империи. Привлекаются сведения о русской пунктуации из грамматик XVII и XVIII века.

Ключевые слова: пунктуация, история русского языка, грамматика, язык документа, скоропись.

**Russian document of the XVIII century:
punctuation is the original manuscript
and transliterated publication**

Abstract

Research material is the body of archival documents the beginning of the XVIII century. The article is devoted punctuation handwriting. The paper analyzes the information about Russian grammar punctuation of the XVII and XVIII centuries. The article deals with the problem of punctuation transliterated text.

Key words: punctuation, History of the Russian language, grammar, document language, cursive.

Ольга Трофимова
Тюменский государственный университет
доктор филологических наук
e-mail: otrofim@rambler.ru
+7 345 2 253551

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica VII (2014)

Karina Zajęc-Haduch

Баба і мужик jako słowa klucze do obrazu kobiety i mężczyzny w rosyjskiej prozie wiejskiej

Na fakt, iż każda kultura obok pojęć uniwersalnych oraz pojęć pośrednich, (reprezentujących wspólne elementy ludzkiego doświadczenia albo charakterystycznych dla pewnego obszaru geograficznego) posiada niepowtarzalną, swoistą strukturę pojęciową, na którą składają się słowa klucze, odzwierciedlające funkcjonującą w kręgu danej wspólnoty językowej hierarchię wartości, wskazuje A. Wierzbicka¹.

Według Wierzbickiej celem szczegółowej analizy pewnych wybranych słów danej kultury nie jest udowodnienie, że dane słowo jest bądź nie jest jednym ze słów kluczy, lecz możliwość powiedzenia o tej kulturze czegoś naprawdę ważnego i odkrywczego².

Podobne stanowisko zajmują językoznawcy rosyjscy. Zdaniem A. D. Szmielowa leksykalną jednostkę danego języka można uważać za „kluczową”, jeżeli może ona służyć jako swego rodzaju klucz do zrozumienia jakichś ważnych właściwości kultury narodu, posługującego się danym językiem³. Jednocześnie, podkreślają badacze, należy zwrócić uwagę na specyfikę tego typu słów w systemie danego języka, ponieważ zawierają one w swoim znaczeniu konfiguracje pojęciowe, które nie występują w innych językach⁴.

Za słowa specyficzne, z zarazem stanowiące nieocenione źródło informacji na temat utrwalonego w rosyjskiej prozie wiejskiej językowego obrazu kobiety i mężczyzny, należy uznać leksemy *баба* i *мужик*.

Баба w badanym materiale językowym to wyraz nacechowany stylistycznie, odnoszący się do tradycyjnych form chłopskiej mowy, z *prostoreczija* przeniesiony do tekstu literackiego i zastosowany w języku postaci – mieszkańców wsi północno-rosyjskiej (w utworach F. Abramowa i W. Biełowa) oraz syberyjskiej (w twórczości

---

¹ A. Wierzbicka, *Język – umysł – kultura*, Warszawa 1999; eadem, *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*, Warszawa 2007.

² A. Wierzbicka, *Słowa klucze...*, *op. cit.*, s. 43.

³ А.Д. Шмелев Шмелев, *Русский язык и внеязыковая действительность*, [в:] *Языки славянской культуры*, Москва 2002, s. 295.

⁴ А.А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, [в:] *Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура)*, Москва 2005, s. 307–335.

W. Rasputina i W. Szukszyna). Często występuje w połączeniu z przymiotnikiem *деревенская*, przy czym *деревенская баба* to nie tylko mieszkanka wsi, ale również kobieta pracująca w kołchozie, typowa chłopka⁵, która wyróżnia się określonymi cechami.

Od dziecka przyzwyczajona do wywiązywania się ze spoczywających na niej obowiązków domowych i wdrożona do ciężkiej pracy fizycznej w kołchozie wykonuje czynności uznawane tradycyjnie za typowo męskie: pracuje w polu, kosi: „Снова в деревне протопятся печи, бабы выгонят на траву скотину и, посадив о Мишкиных и своих делах, уйдут в поле косить на силос” (В, Р: 61), „...Бабы еще с вечера бросились топить печи, а ночью с фонарями кинулись на лесные покосы” (В, Р: 93), „– Хватит! [...] Привыкла барыней жить [...] Районная аристократия... Нет, ты вместе с бабами навоз поворочай...” (А, О: 214).

Kobietę wiejską cechuje chęć posiadania domu, głęboka potrzeba bycia gospodynią, posiadania własnego terytorium, o czym świadczą następujące konstrukcje: *готова была приковать себя к этой квартире* ‘gotowa była przykuć się do tego mieszkania’, *пушилась* ‘puszyła się’, *почиталась хозяйкой* ‘uważała się za gospodynię’/ ‘była uznawana za gospodynię’, *выступить хозяйкой* ‘wejść w rolę gospodyni’/ ‘wystąpić jako gospodyni’: „...она как вошла в дом – в квартиру теперь надо говорить, не в дом, ахнула [...] готова была, кажется, приковать себя к этой квартире. А ведь тоже *деревенская баба*, с князьями да дворянами не возжались, красивой жизни не нюхала, но вот поди ж ты! – *распушилась*, откуда что и взялось” (R, М: 125), „Тут она жила в своей избе, все кругом на десять рядов было своим, идущим от нее, и над всем почиталась хозяйкой.[...] там хозяйкой выступить Соня” (R, М: 193).

Деревенская баба w analizowanych tekstach stanowi część motywującej do działania, opiniotwórczo-oceniającej grupy kobiet⁶, dla której ważne są tradycyjne wartości: „...в магазине стоял шум, бабы говорили все сразу, жалели Ивана Африкановича и ругали Мишку” (В, Р: 19), „– Ну и дела председатель. Осатанел народ! Меня бабешки из постели выволокли” (А, О: 220).

W połączeniu z deprecjonującymi określeniami *деревенская баба* to kobieta krzykliwa, chamska, wywołująca skandale (*шумная*), nietrzeźwa, nadużywająca alkoholu (*пьяная*), zbyt swobodna, bezceremonialna w zachowaniu (*развязная*): „Она и до войны была *бабенкой шумной*, и не напрасно не ужилась со свекровью, которая невзлюбила ее за строптивый характер...” (R, Р: 289), „Наяривала гармошка в верхнем конце деревни [...], голосили *пьяные бабы* (*эти теперь ни в чем не уступят мужикам*)” (А, Р: 52), „Я так и эдак всматриваюсь в *пьяную, развязную бабенку*, незванно, нежданно ввалившуюся в избу и нет ничего не могу отыскать в ней от той черноглазой, смуглолицей девочки с гладкозачесанной головкой и пышной косой, которую мы звали Поля Открой Глаза” (А, G: 400).

⁵ Warto podkreślić, że w języku postaci opisywanych w twórczości pisarza nurtu wiejskiego nie przyjął się wyraz *колхозница*, dlatego w odniesieniu do współczesnej typowej chłopki używana jest nazwa *деревенская баба*.

⁶ O kanonicznym obrazie rosyjskiej chłopki w kontekście twórczości Rasputina pisze D. Gierczuńska: „Писателем необыкновенно верно схвачен тип, национальное своеобразие характера, проявленное в судьбе простой деревенской бабы. В сибирских деревнях автор постоянно встречал женщин с сильными характерами. Их знают односельчане, к ним идут советоваться, жаловаться, просить поддержки...” (Герчиньска 1988: 121).

Zmieniająca się tradycyjna obyczajowość podlega wartościowaniu poprzez porównanie zachowań kobiecych do męskich (*пьяные бабы (эти теперь ни в чем не уступят мужикам)*). Warto zaznaczyć, że pojawiający się w przytoczonych przykładach w zestawieniu z negatywnymi określeniami słowotwórczy wariant *бабенка* traci swoje pozytywne konotacje.

Oprócz wyrazu *бабенка* w analizowanych utworach spotkać można inne diminutiva nazwy podstawowej *баба*: *бабёшка*, *бабонька*, *бабочка*⁷, które w funkcji ekspresywnej mają najczęściej zabarwienie pozytywne: wyrażają sympatię do osoby nimi określanej (por. „*Она бабочка-то ничё, с карахтером, правда, но такая-то лучше, чем размазня как-нибудь*” (Sz, R: 235)), lub w przypadku ich użycia w formie apelatywów podejmowane są próby takowej sympatii zdobycia (por. „*Лиза легко повинилась. – Ой, не судите меня, бабоньки, я че-то не то сказала.*” (R, P: 294)).

Leksem *баба* pojawia się także w analizowanym materiale w znaczeniu *жена* i oznacza tym samym ‘kobietę związaną z mężczyzną’, na co wskazują zarówno epitetety w formie zaimków dzierżawczych *моя, твоя, своя*, zaimka nieokreślonego *чья-то*, jak i antonimiczne względem siebie określenia przymiotnikowe *родная – чужая*. Potwierdzają to następujące konteksty: „*Никон сказал полушепотом, зябко прикрывая рукой рот: – Барана смотри не заморозь. А то моя баба... Знаешь*” (A, T: 347), „*...думаешь, приятно, когда с твоей бабой, хоть и разведенной другой живет? Все равно, что кусок мяса от тебя от живого отдирают*” (R, D: 661), „*На бабу свою покрикувай. Я к тебе не нанималась*” (R, D: 630), „*...баба чья-то умерла в вашей деревне...*” (B, P: 101), „*...пофартилось с родной бабой полостелься*” (R, P: 249), „*В деревне [...] все на виду. Там если мужик на чужую бабу взглянул, в тот же миг вся деревня знает*” (R, D: 642).

W przytoczonych przykładach uwagę zwraca niezwykle obrazowe porównanie byłej żony, która znalazła sobie nowego partnera, do kawałka mięsa, odrywanego od ciała byłego męża: „*...думаешь, приятно, когда с твоей бабой, хоть и разведенной другой живет? Все равно, что кусок мяса от тебя от живого отдирают*” (R, D: 661). Wskazywać ono może na ogrom bólu doświadczanego przez mężczyznę po rozwodzie z kobietą, która na nowo układa sobie życie, a także na tradycyjne pojmowanie małżeństwa: mimo rozstania była żona dla mężczyzny jest wciąż „jego babą”.

Niewątpliwie postawa taka ściśle wiąże się z charakterystyczną dla całej prozy wiejskiej idylliczną wizją rodziny chłopskiej, o której wartości decydowały silne więzi uczuciowe współmałżonków. W wymiarze transcendentnym, mającym swe źródło w chrześcijańskich korzeniach kultury ludowej, miłość postrzegana była jako najwyższa wartość, zaś rodzinę uważano za idealną formę realizacji miłości w życiu i dowód łaski Boga („*Семья человеку нужна; это уж как ни крутись. Без семьи*

⁷ Rozpatrując kwestię statusu rzeczowników tworzących synonimy o tym samym rdzeniu przy pomocy sufiksów słowotwórczych, zdaniem J.D. Apresjana „warianty wyrazu należy widzieć tam, gdzie można sformułować dostatecznie prostą i ogólną regułę użycia tego czy innego wariantu”. W wypadkach, których nie można opisać za pomocą prostych i ogólnych reguł (co zdaje się nie dotyczyć przywołanych powyżej jednostek leksykalnych), zdaniem badacza należy widzieć nie warianty wyrazu, lecz różne – choć dokładnie wobec siebie synonimiczne – wyrazy (Apresjan 1980: 294).

ты пустой нуль” (Sz, R: 292)). Łączyła się z tym surowa obyczajowość ludzi wsi, czego wymownym przykładem jest następujący fragment utworu Biełowa:

„Бабы как взглянули, так и заплевались, заругались: картина изображала обнаженную женщину.

– Ой, ой, унеси лешой, чего и не нарисуют. Уж голых баб возить начали! Что дальше-то будет?” (B, P: 21).

Odchodzenie od obowiązujących od wieków norm obyczajowych wzbudza w mieszkańcach wsi niepokój (*Что дальше-то будет?*). Choć nie negują istnienia sfery seksualnej w życiu rodzinnym, z dezaprobatą odnoszą się oni do stosunków pozamałżeńskich⁸, co potwierdza kolejny z przytoczonych powyżej cytatów:

„В деревне [...] все на виду. Там если мужик на чужую бабу взглянул, в тот же миг вся деревня знает. Там бояться.

– Не потому, – возражает Кузьма. – Там сходятся, чтобы вместе жить” (R, D: 642).

W rzeczywistości, jaka wyłania się z analizowanych utworów, nie każda osoba płci żeńskiej może być określana mianem *баба*. Nazwa ta nie obejmuje wkraczających w dorosłość dziewcząt i kobiet w podeszłym wieku, które życie mają już za sobą.

Świat młodziutkich, wkraczających w dorosłość dziewcząt przeciwstawiany jest światu bogatszych w doświadczenia kobiet dojrzałych, spełnionych w sferze seksualnej, macierzyńskiej, rodzinnej, przy czym punktem granicznym, oddzielającym od siebie oba światy, jest zamążpójście⁹. Wymownie wydaje się to potwierdzać pojawiająca się wielokrotnie opozycja **девки – бабы**: *„... Доколе будешь жить не бабой, не девкой”* (A, L: 115) *„Алёша за всю войну не коснулся ни одной бабы. Да и до войны-то тоже горе: на вечеринках только целовался с девками”* (Sz, R: 324), *„Шестнадцать лет мне было, когда я по своему Гордеюшку-то сохнуть стала. [...] он Гордя-то на участке за старшего. Смотрю, все грабят за него – и бабы и девки. А я чем хуже, думаю”* (A, F: 440).

Leksemy nazywające kobiety „w kwiecie wieku” oraz kobiety w wieku podeszłym tworzą ze sobą kolekcje: **старуха (старушонка) + баба** – zarówno *старухи*, jak i *бабы* przekroczyły magiczną granicę, którą wyznacza zamążpójście, łączą je zatem wspólne doznania, obowiązki, podobny system wartości, a jedynym czynnikiem różnicującym jest w tym wypadku upływający czas, wyznaczający ilość przeżytych lat: *„Это ты старухе, бабам сказки рассказывай, а не мне”* (R, P: 412), *„...лошади эти вызывали у меня чувство жалости [...] Редкая старушонка, редкая баба, оказавшись на лугу, проходила мимо них безучастно”* (A, C: 402).

Najpopularniejszą nazwą przedstawiciela płci męskiej w analizowanym materiale jest rzeczownik **мужик**, przybierający uwarunkowane kontekstowo różne odcienie znaczeniowe, a także odznaczający się zmiennym zabarwieniem stylistycznym oraz nacechowaniem emocjonalnym.

⁸ Por. A. Wawrzyńczak, *Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu „wiejskiego”*. Wasilij Biełow, Walentin Rasputin, Władimir Liczutin, Kraków 2005, s. 60–61.

⁹ Inna droga życiowa, w tradycyjnym widzeniu świata, jaki odnaleźć można w twórczości pisarzy nurtu wiejskiego, dla kobiety przewidziana nie jest, co kształtuje zasadniczo ubogi obraz młodej kobiety w opisywanym społeczeństwie.

Wyraz *мужик* w badanych tekstach stanowi potoczną nazwę reprezentanta płci męskiej w opozycji do płci żeńskiej, której językowy wykładnik stanowi leksem *баба*: „Если смолоду человек испортился, это уже гиблое дело. Хоть мужика возьми, хоть бабу – все равно. Она иной раз и сама не хочет, а делает” (Sz, R: 317), „На что только не способны эти бабы, особо когда в раж войдут, а ежели из-за мужика, так они и совсем ничего не замечают” (B, P: 76), „Впервые оттуда, с войны [...] пришел человек, чтобы остаться с ними, – пришел как посыльный, как вестник от всех мужиков: скоро, бабы скоро” (R, P: 290), „Дед Иван говорит: счас хорошо живется бабе, да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились” (Sz, R: 318).

Używany bywa w wyrażeniach, zawierających ocenę, na co wskazują leksemy łączące się z omawianym wyrazem. Należą do nich niosące pozytywny ładunek emocjonalny przymiotniki: *хороший* (wzmocniony w jednym z przykładów przez synonimiczny epitet *золотой* tworzący związek nominalny z rzeczownikiem *человек*), *справный*, *здоровый*, *спокойный*: „Иван Африканович еще тем летом перекладывал печи в конторе того, соседнего председателя, мужик он был хороший, заплатил тогда по два рубля на день” (B, P: 65), „...Разбойник он, разбойник и есть. Я про хороших мужиков говорю. Вон Иван Козлов... Был простой солдат, а стал командиром” (Sz, R: 301), „...хороший мужик был, золотой человек...” (A, T-M: 494), „На что был справный мужик, иной год и трех коров держал, а прикурил от уголька, спичку сберег” (B, R: 140), „А то ты мужик здоровый, чего доброго, вагон перевернешь” (R, D: 601), „Моя очень любил спокойных мужиков” (Sz, R: 343).

W przytoczonych przykładach uwagę zwracają potoczne konstrukcje *мужик он был хороший*, *хороший мужик был*, *золотой человек* występujące w znaczeniu ‘porządny, dobry człowiek’.

Związek nominalny z rzeczownikiem *мужики* w analizowanych tekstach tworzą również przymiotniki *земные* i *грешные* ‘zwyczajni i nie święci’, charakteryzujące właściwy męczyznom styl życia: „... были они, так мне казалось, не лучше и не хуже других мужиков. Такие же земные и грешные: работать так работать, гулять так гулять” (A, K: 365).

Ważną rolę w opisie zachowań uznawanych za męskie spełniają również czasowniki. Poza pracą, która jest nieodłącznym elementem życia (*работать так работать*), mężczyźni mają również swoje rozrywki i przyjemności (*гулять так гулять*), do których należy palenie tytoniu i picie alkoholu (*табак курит, на водку [его] тянет*). Należy zwrócić uwagę, że męska skłonność do palenia i do alkoholu, postrzegana jest przez kobiety – bohaterki analizowanych tekstów, w kategoriach właściwości niejako wrodzonych, oczywistych, typowych dla przedstawicieli płci męskiej, z którymi trudno walczyć, na które się nie ma wpływu: „Они знаешь какие! Перво-наперво, я бы желела знать и быть в надежде, что он приставать не станет. И чтоб не матерничал. Табак курит... Ну, тут уж... все курют, тут же укоротить” (Sz¹, B: 192), „Баба иной раз скажет: «Что уж, говорит, Егор, ученые люди до всего додумались, к звездам летет собираются, а такого не придумают, чтобы мужика на водку не тянуло»” (A, C: 300).

Stereotypowym sądom na temat męskich słabości towarzyszą uogólnione komentarze dotyczące zachowań męczyzn pod wpływem alkoholu. Świadczą o tym

frazy, które akcentują brak umiaru, nieracjonalność, niefrasobliwość, krótkowzroczność, brak troski o rodzinę: „...мужикам дай волю, они позаберутся, а расплачиваться потом придется не кому-нибудь – бабам” (R, D: 609), „Мужик [...] пьяный [...] гуляет, не думает о том, что семья сидит без копейки” (R, D: 609).

Z poddanych analizie tekstów wyodrębnić można także przykłady, które odzwierciedlają właściwą mężczyźnie, do którego odnosi się tu nazwa мужик, umiejętność oszczędzania w celu zrealizowania własnych marzeń: „...Ради того, чтобы скопить на мотоцикл, мужик будет ходить в последних штанах” (R, D: 627), „Копил, копил, елки зеленые!... После бани четвертинку жадничал выпить [...] Хотел хоть раз в жизни кожан купить за сто шестьдесят рублей” (Sz¹, M: 67).

Мужик w kontekście utworów reprezentujących nurt prozy wiejskiej w literaturze rosyjskiej to również nazwa mężczyzny mieszkającego na wsi¹⁰ (por. деревенская баба): „Еду, подъезжаю к деревне, в одной руке возжжа, в другой Иван при смерти, а на нас новая смерть – мужики с копьями. На самом въезде в деревню. «Убить, убить» – ревут” (A, Z: 458-460), „...мужики всплошились, схватили бичи и стали гонять коров по улицам. Беда пришла, стон стоял в деревне” (Sz, R: 124).

Należy zaznaczyć, że w analizowanej prozie często pojawia się obraz wsi pozabawionej mężczyzn z powodu wojny: „...на кого, спрашивается, тут заглядываться, когда на всю деревню один мужик, да и тот припадочный Нестор, которого и на войну-то из-за болезни этой не взяли” (R, P: 263), „...У нас в деревне всех мужиков на войну забрали, а кому командовать?” (A, T-M: 483).

W ostatnim przykładzie przy pomocy konstrukcji кому командовать podkreślona jest rola przywódcza mężczyzn. Krąg zajęć określanych jako godne mężczyzny, mieszkańca wsi jest w sumie niewielki. Wyznaczają go zwroty („Мужики знали только заготовить дров и припасти сена” (R, P: 243), „плотничать любит” (B, P: 43)), rzeczowniki („Ему лес да рыба с озером” (B, P: 43)), konstrukcje w formie trybu przypuszczającego („если бы крыша над головой упала, тоже подняли бы” (R, P: 243)). Na przeciwnym biegunie znajdują się czynności, określane mianem бабская работа, zatem неприличные для мужика ‘nieprzystoite dla mężczyzny’, ‘takie, których mężczyźni nie przystoi wykonywać’, зазорные ‘haniebne’. Rodzaj tych zajęć opisują zwroty: принести с Ангары воды, почистить в стайке (R, P: 243).

Mężczyzna, który narusza ten powszechnie uznawany podział obowiązków, parażony jest na krpinę otoczenia: „Ежели бы мужик... вот ежели бы и мужика... Только чего! Разве пойдет мужик на двор? Вся деревня захохочет, скажут, Иван Африканович скотником заделался. Нет, нечего этого и думать, не пойдет” (B, P: 43), „Борис, сын, с некоторых пор стал не то, что стыдиться, а как-то неловко ему было, что ли, – стал как-то переживать, что отец его скотник и пастух” (Sz, R: 330), „Сергея поругался с родней, что они не пришли в восторг от Клары, с друзьями... Бросил совсем выпивать, купил стиральную машину”

¹⁰ Z punktu widzenia etymologii wyraz мужик początkowo stanowił zdrobnienie leksemu муж, utworzone w celu określenia ludzi, znajdujących się na niższym szczeblu hierarchii społeczno-prawnej (ЭСРЯ II 671). W XVI wieku nazwa ta odnosiła się przede wszystkim do rolnika, mężczyzny mieszkającego na wsi (por. СРЯ XI-XVII вв). Według współczesnych słowników języka rosyjskiego ten aspekt znaczeniowy leksemu uznawany jest za przestarzały (СРЯ II 309).

и по субботам крутил белы в предбаннике, чтоб никто из зубоскалов не видел. Мать Сереги не могла понять: хорошо это или плохо. С одной стороны, вроде как-то не пристало мужику бабскую работу делать, с другой стороны... Шут ее знает!" (Sz, R: 311).

Мужик jako mieszkaniec wsi to również członek grupy mężczyzn, najczęściej mieszkających w jednej miejscowości lub niedaleko od siebie, którzy tworzą pewną społeczność (*односельчане*, tak jak *деревенские бабы* – zwykle znaczeniu 'baby z jednej, naszej wsi'). Na przynależność do określonej społeczności, wskazują epitety tworzące związki nominalne z leksemem *мужик*: „*Какая-то ненависть у нашего мужика к лесу. Живет, черт худой, на хлебе да на картошке, а чтобы под окном малину, другую ягоду займет...*” (A, T: 321), „*здешние мужички не брезговали одним тихим и прибыльным промыслом: проверяли идущих с Лены золотишников*” (R, P: 241), „*Всю землю, в газетах пишут, мужикам тамошним благословил и бумаги охранные выдал, каждому сам вручил*” (B, P: 53).

Członkowie danej społeczności często się spotykają, spędzają ze sobą czas, zwierzają się sobie, słuchają się nawzajem, kłóca, spierają, dyskutują na różne tematy, prowadzą ze sobą długie męskie rozmowy: „*В остальное односельчане никак не могли поверить. Санька нервничал, злился... Говорил мужикам про такие поганые подробности, каких со зла не выдумаешь*” (Sz, R: 348), „*О Кларе никогда ни с кем не говорит. Только один раз поругался с мужиками*” (Sz, R: 317), „*Серега промолчал на это. Ничего не сказал. Тогда мужики сами принялись рассуждать*” (Sz, R: 300).

Jak wynika z zaprezentowanego materiału wyrazy *баба* i *мужик* odzwierciedlają hierarchię wartości, normy społeczno-obyczajowe właściwe społeczności wiejskiej przedstawionej w analizowanych utworach, mogą być zatem uznawane za słowa kluczowe dla obrazu kobiety i mężczyzny zawartego w XX-wiecznej rosyjskiej prozie wiejskiej.

Literatura

- Apresjan J.D., *Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki językowe*, przeł. Z. Kozłowska, A. Markowski, Wrocław 1980.
- Wawrzyńczyk A., *Naród i państwo w twórczości pisarzy rosyjskich nurtu „wiejskiego”. Wasilij Biełow, Walentin Rasputin, Władimir Liczutin*, Kraków 2005.
- Wierzbicka A., *Język – umysł – kultura*, Warszawa 1999.
- Wierzbicka A., *Słowa kluczowe. Różne języki – różne kultury*, Warszawa 2007.
- Герчиньска Д., *Женские образы в повестях Валентина Распутина*, „Przegląd Rusycystyczny” 1988, nr 3–4 (43–44), s. 120–127.
- Зализняк А.А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, [w:] *Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура)*, Москва 2005.
- Шмелев А.Д., *Русский язык и внеязыковая действительность*, [w:] *Языки славянской культуры*, Москва 2002.

Słowniki

- СРЯ – *Словарь русского языка*, ред. А. П. Евгеньева, Москва 1983.
- ЭСРЯ – *Этимологический словарь русского языка*, ред. М. Фасмер, Москва 1987.
- СРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва 1982.

Źródła

A – Абрамов Ф., *Трава-мурава. Повести и рассказы*, Москва 1982:

Повести:

L – *Алька*

O – *Вокруг да около*

P – *Пелагея*

Рассказы:

C – *О чем плачут лошади*

F – *Бабилей*

G – *Поля открой глаза*

K – *Могила на крутояре*

T – *Сосновые дети*

T-M – *Трава-мурава*

B – Белов В., *Повести и рассказы*, Москва 1984:

P – *Привычное дело*

R – *Плотницкие рассказы*

R – Распутин В., *Повести*, Минск 1989:

D – *Деньги для Марии*

M – *Прощание с Матерой*

P – *Живи и помни*

Sz – Шукшин В., *Избранные произведения в двух томах*, т.1, *Рассказы, Калина красная – киноповесть*, Москва 1975:

R – *Рассказы*

Sz¹ – Шукшин В., *Рассказы*, Москва 1985:

B – *Бессовестные*

M – *Мой зять украл машину дров*

Баба и мужик как слова ключи к языковой картине женщины и мужчины в русской деревенской прозе Резюме

Предметом анализа в настоящей статье являются лексемы *баба* и *мужик*. Они отражают систему ценностей и нравственно-общественных норм, свойственных деревенскому обществу, указанному в произведениях Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина и В. Шукшина, следовательно, их можно считать ключевыми словами для языковой картины женщины и мужчины в творчестве писателей-деревенщиков.

Ключевые слова: слово ключ, баба, мужик, деревенская женщина, жена, мужское поведение, житель деревни

***Baba i mužyk* as the key words
to the linguistic picture of a woman and man
in the Russian rural prose**

Abstract

The words *baba* (a woman) and *muzhyk* (a man) are subject of analysis of this work. They reflect the system of values, moral and social norms typical for country community, represented in the works of F. Abramov, V. Belov, V. Rasputin and V. Shukshin. As important statistical and dynamic elements of the architectonic of epics works they can be considered as key words of the linguistic picture of a woman and man in the works of writers-villagers.

Key words: key word, woman, man, countrywoman, wife, male behavior, a resident of the country

Karina Zając-Haduch
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)
doktor nauk humanistycznych
e-mail: karina_zajac@o2.pl
+48 126626735

Anna Greb

O naturze geniuszu.

Piotr Nowikow wobec kantowskiej estetyki geniuszu

Genialność (Genie) jest talentem (darem przyrody), który ustanawia prawa dla sztuki. Ponieważ talent jako wrodzona zdolność twórcza artysty sam należy do przyrody, można by też tak się wyrazić: genialność jest wrodzoną dyspozycją umysłu (ingenium), za pomocą której przyroda ustanawia prawa dla sztuki¹.

Pojęcie genialność jest w kantowskim rozumieniu obrazem sztuki powstałej z natury, a tym samym sztuką piękną. W odróżnieniu od realistycznego podejścia do istoty sztuki, Kant nie postrzega jej w kategorii kanonu reguł, które tworzą sztywne ramy określające proces jej tworzenia oraz recepcji. Wręcz przeciwnie, dla Kanta genialność jest swobodną grą umysłu i wyobraźni, jest wolnością tworzącego podmiotu. Tym podmiotem jest twórca, który korzysta ze swych pokładów talentu, daru, którego siły jest najczęściej nieświadomy. Das unbewusste Produzieren² – nieświadoma twórczość³ jest tylko częścią artystycznej pasji, tym elementem nad którym artysta nie panuje i nie ma kontroli. Element ten jest obiektywną siłą wspierającą subiektywną konieczność tworzenia. Dla Kanta talent i pasja tworzenia łączą się w naturze dając wzorce, z których czerpie sztuka. Sztuka piękna musi być określona więc jako sztuka geniuszu powstająca przy współdziałaniu natury jako elementu poprzedzającego dzieło dokonane, spełnione przez artystę. Sztuki piękne są wolne od wszelkich prawideł, nie mogą być również ujęte w schematy naukowe, gdyż wtedy byłyby determinowane przez pojęcia i narzędzia, które się do nich nie odnoszą. Wspomina o tym Kant w § 46 *Krytyki władzy sądzienia* o tytule *Sztuka piękna jest sztuką genialności*:

Sztuka piękna nie może zatem sama sobie wymyślić prawideł, podług których realizować ma swe dzieło. A ponieważ bez poprzedzającego prawideł żaden wytwór nie może

---

¹ I. Kant, *Krytyka władzy sądzienia*, przełożył oraz opatrzył przedmową i przypisami J. Gałęcki, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2004, s. 231.

² *Handbuch Literatur und Philosophie*, Herausgegeben von H. Feger, Verlag J.B. Metzler Stuttgart, Weimar 2012, s. 51.

³ Tłumaczenie własne.

nigdy nazywać się sztuką, przeto musi przyroda w podmiocie [...] ustanawiać prawa dla sztuki, to zaś znaczy, że sztuka piękna możliwa jest tylko jako produkt geniuszu⁴.

Zgodnie z przytoczonym cytatem można dojść do wniosku, iż w odróżnieniu od twierdzeń, na przykład Arystotelesa, dzieło sztuki nie jest zwykłym naśladowaniem przyrody, ono jest oryginalnym tworem natury postrzeganym jako sztuka piękna, odtworzonym przez genialnego twórcę. Podkreślić należy, że prawdziwy artysta-geniusz nie jest w stanie powtórzyć procesu tworzenia, ani też nazwać etapów powstawania dzieła. Jest on bowiem nieświadomy implikacji idei płynącej z przyrody.

Dzieło sztuki tworzone bez żadnych prawideł, tworzone jest z talentu artysty i charakteryzuje się całkowitą oryginalnością formy i treści. Mimo braku wzorca pierwotnego samo ma za zadanie stać się wzorem nie do naśladowania lecz do kontynuacji idei płynących z przyrody.

Natura ściślej związana jest ze sztuką niż z nauką *sensu stricto*. Proces naukowy daje możliwość prześledzenia wszystkich etapów swego powstawania, jest też możliwe wyuczenie się go na pamięć i odtworzenie bez pomocy talentu, natury i jego odkrywcy. Tak więc nauka jest odtwórcza, choć nie pozbawiona samodzielności myślenia i odkrywczości. To jednak nie wystarcza, aby przypisać jej znamiona genialności.

Przyroda więc, daje się najczęściej i najłatwiej odzwierciedlić w sztuce, a w szczególności w sztuce poezji. Dyktuje jej swoje prawa, ale tylko wtedy, jeśli chce uczynić z niej sztukę piękną, czyli genialną, estetycznie pełną i doskonałą, posiadającą siły estetyczne zdolne wywołać przeżycie estetyczne.

Sąd o sztuce, sąd o pięknie natury to podstawa recepcji dzieła sztuki. Dzieło powstaje w wyniku syntezy świadomej i nieświadomej siły twórczej artysty-geniusza, a przez to staje się artefaktem estetyki geniuszu. Aby móc zrozumieć i zreflektować tak powstałą sztukę, potrzebny jest mimo wszystko system narzędzi i struktur, których dostarcza filozofia sztuki. Jeżeli w akcie twórczym dominującą siłą jest talent i siła wyobraźni, to do recepcji dzieła potrzebny jest światły i otwarty umysł oraz predyspozycje podmiotu łączące się z właściwościami obiektu.

Kwestią, której nie można pominąć mówiąc o sztuce pięknej i jej wytworach, jest kategoria smaku. Aby wydać sąd o przedmiotach pięknych potrzebny jest właśnie smak, czyli, zdaniem Kanta, zdolność wydawania sądów estetycznych. Taki sąd nie jest władzą twórczą, więc to co jest z nim zgodne, nie może być od razu nazwane sztuką piękną. Sąd smaku jest nierozzerwalnie związany z genialnością, rozumianą w tym kontekście jako talent, który jest konieczny do tworzenia sztuki pięknej i określenia różnic między pięknem przyrody a pięknem sztuki:

Piękno przyrody jest piękną rzeczą; piękno sztuki jest pięknym przedstawieniem pewnej rzeczy⁵.

Różnicą między dziełem przyrody a genialnym dziełem sztuk pięknych, którą Kant wskazuje w *Krytyce władzy sądzienia*, jest celowość dzieła oraz jego forma. Każdy wytwór sztuki może być nazwany pięknym tylko jeśli u jego podstaw odnaleźć można ideę i celowość twórczą. Połączenie tych dwóch aspektów pozwala

⁴ I. Kant, *op. cit.*, s. 232.

⁵ *Ibidem*, s. 237.

mówić o doskonałości dzieła. W związku z tym sąd smaku nie będzie już odnosił się do natury samej w sobie, lecz do natury, która stała się sztuką piękną.

Pamiętać jednak należy, że sąd smaku dotyczy również formy dzieła. A ta powstaje zgodnie z regułami i na drodze żmudnych prób. Artysta stara się dostosować formę dzieła do potrzeb idei dzieła. Stworzenie formy zadowalającej i będącej dostatecznie dobrą, aby stać się częścią genialności, jest niezmiernie trudno. Dlatego formy dzieła nie należy rozpatrywać w kategoriach swobodnego rozmachu twórczego ani też wiązać jej bezpośrednio z natchnieniem. Powstaje ona za sprawą umysłu, a nie talentu. Forma staje się zatem tylko środkiem wyrazu zawierającym w sobie sztukę piękną. Ale do sztuki pięknej samej w sobie zaliczyć jej nie można.

W obliczu powyższych wywodów rodzi się pytanie, co, zdaniem Kanta, odgrywa większą rolę w dziełach sztuki pięknej: genialność czy smak? Genialność można przyrównać do wyobraźni, sąd smaku zaś jest sztuką wydawania sądów estetycznych. Kant uważa, że sztuka jest pełna polotu i doskonałości tylko wtedy, jeśli dominuje w niej genialność i talent, miano sztuki pięknej zyskuje tylko wtedy, jeśli można wydać o jej wytworach sąd smaku.

Rozwijając swoje wcześniejsze rozważania Kant dochodzi do przekonania, iż oryginalność i wyobraźnia podlegają sile intelektu. Smak pełni zaś funkcję dyscyplinującą względem genialności i nadaje jej celowość, ład i bogactwo idei. Dzięki temu idee te stają się powszechne i godne kontynuowania, ale nie naśladowania. Ta myśl jest sprzeczna z wcześniejszymi rozważaniami, zgodnie z którymi dzieło sztuki genialnej nie podlega żadnym prawidłom.

Z powyższego wywodu wynika również, że dla sztuki pięknej – genialnej potrzebne są następujące elementy: wyobraźnia, talent, czyli genialność, intelekt oraz smak. Przy czym smak podlega własnym zasadom i podporządkować sobie może talent i wyobraźnię. Ceną za powstanie dzieła genialnego może zatem być ograniczenie swobody wyobraźni, ale nigdy intelektu.

Przy tak skomplikowanej tezie nie trudno jest o pomyłkę interpretacyjną, co nastroczało wielu problemów komentatorom i naśladowcom kantowskiej myśli. Także w XIX-wiecznej Rosji znalazło się wielu teoretyków zajmujących się kwestią osoby geniusza oraz wytworami sztuki pięknej. Jednym z bardziej wyrazistych w swych poglądach teoretykiem był Piotr Nowikow.

O autorze traktatu *О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство* – P. Nowikowie warto wspomnieć w kontekście choćby jego znajomości z Aleksiejem Mierzłakowem, jednym z ważniejszych teoretyków rosyjskich początku XIX wieku. Mierzłakow wykazał duże zainteresowanie, wspomnianą powyżej, pracą Nowikowa, poświęconą jednemu z podstawowych zagadnień estetyki romantyzmu, jakim była osoba geniusza. Uznanie Mierzłakowa wskazuje na merytorycznie dobry poziom traktatu, co zdaje się także potwierdzać jego pisemne zapewnienie z dnia 3 lipca 1817 roku, że utwór *О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство* zostanie wydany w kolejnym numerze periodyku „Труды Отдела древнерусской литературы” (wydanie z 1818 roku)⁶.

---

⁶ Пор.: „Труды Отдела древнерусской литературы”, *Примечания*, [w:] З.А. Каменский, *Русские эстетические трактаты первой трети XIX века в двух томах*,

Ważnym dla dalszych rozważań na temat istoty i estetyki geniuszu oraz samego artysty-geniusza jest fakt, że P. Nowikow starał się napisać pracę w duchu klasycystycznym, która miała poddać krytyce zagadnienia romantyzmu. Tekst młodego teoretyka pozbawiony jest jakiegokolwiek mistycyzmu i pierwiastków religijnych preferowanych przez twórców romantycznych. Nowikow, jak i współcześni mu przedstawiciele młodzieży literackiej początku XIX wieku, przejawia w swej pracy skłonność do poruszania problemu narodowego charakteru sztuki, podkreślając przy tym jej oryginalność i niepowtarzalność. W osobie artysty dostrzega teoretyk geniusza. Określenie utalentowanego twórcy wywodzi Nowikow od alegorycznego bóstwa, które stało się odpowiedzialnym za wszelkie osiągnięcia człowieka, kierujące nim w sposób celowy, choć niedostrzegalny. Geniusz to duch dobra lub zła towarzyszący człowiekowi od jego narodzin:

Кажется, что начало сего слова должно быть отнесено к тому аллегорическому божеству, которое в язычестве предполагали присутственным при всех деяниях человека, научающим и руководствующим его невидимо. Это гений, то есть дух добрый или злой⁷.

Autor skłania się do określenia geniuszem osoby z wrodzonymi zdolnościami oraz ze skłonnością do rzeczy wzniosłych i szlachetnych. Tym stwierdzeniem zbliża się Nowikow do kantowskiego pojęcia osoby geniusza i jego twórczej działalności. Rosyjski teoretyk jednoznacznie uważa, że geniusz to dar odróżniający twórcę od zwykłego człowieka, pozwalający stać się rzemieślnikowi artystą, tworzącym sztuki piękne i naśladującym przyrodę. Przy tym jest on świadomy wielkości swojego talentu. W tym miejscu widać wyraźny rozdzźwięk z teorią Kanta, u którego w pierwszej fazie rozważań artysta-geniusz nie jest świadomy twórczej siły swojego talentu, jak również nie naśladuje przyrody, lecz jest przez nią determinowany. Tę rozbieżność należy przypisać niezwykle różnorodnej koncepcji estetyki teoretyków rosyjskich początku XIX wieku. Dociekania teoretyczne Rosjan, w tym i P. Nowikowa, były przeniknięte wielością istniejących poglądów, które mieszały się w traktatach teoretycznych. Prowadziło to niejednokrotnie do różnych definicji i wywodów, nawet w obrębie jednego tekstu. W tym przypadku nie należy mówić o sprzeczności poglądów młodego teoretyka z teoriami Kanta, gdyż Nowikow w swym klasycystycznym podejściu do osoby artysty-geniusza posiłkował się, na tym etapie rozważań, teoriami starożytnych filozofów, w szczególności Arystotelesem. W wywodzie Nowikowa można również odnaleźć wpływy teorii Hegla, który klasycyzm sztuk pięknych i piękna samego w sobie definiował jako równowagę pomiędzy duchem i ciałem, pomiędzy skłonnością człowieka do odtwarzania rzeczywistości oraz stylizowania jej na wzór klasycznych reguł i zasad⁸. Klasycyzm ograniczał twórcę

составление, вступительная статья и примечания З.А. Каменского, Часть 1, Издательство „Искусство”, Москва 1974, s. 405.

⁷ П.А. Новиков, *О гених, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство*, [w:] *Русские эстетические трактаты...*, s. 351.

⁸ Por.: W. Tatarkiewicz, *Dzieje sześciu pojęć*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2006, s. 215.

zbiorem teoretycznych zasad, pozbawiał go wolności tworzenia, dyscyplinował go umiarem i harmonią, odmawiał mu swobody narzucając racjonalizm artystyczny.

P. Nowikow chciał poddać problematykę estetyki dzieł powstałych z ręki geniusza takim właśnie poglądom, dlatego starał się wybrać z wielu teorii estetycznych tylko te, które łatwo wpisywały się w zamysł jego pracy. Jednak silne wpływy romantyzmu, dopiero pojawiającego się w Rosji, spowodowały duży eklektyzm traktatu młodego teoretyka.

Uważał on, że człowiek przychodzi na świat z pewnym bagażem zdolności i tylko rozwijanie tych najbardziej wyrazistych jest gwarantem osiągnięcia sukcesu w danej dziedzinie. Kształtowanie się określonych skłonności następuje, zdaniem Nowikowa, pod wpływem silnego impulsu uczuciowego wpływającego na duszę i ciało. Wprawdzie zachowana jest klasyczna równowaga elementów, ale siłą sprawczą jest już uczucie a nie intelekt. Nie każdy potrafi jednak odpowiedzieć na ten impuls i dać się pokierować naturze we właściwym dla siebie kierunku. Człowiek często działa wbrew własnym zdolnościom, nie osiągając przy tym żadnych sukcesów, a tylko wyczerpując siły życiowe. Istnieje także, o czym wspomina w swej pracy teoretyk, rozróżnienie w wielkości predyspozycji danych poszczególnym ludziom. Niekiedy są one skromne i nierozwinięte, wtedy też pozostaną po prostu tylko wrodzonymi skłonnościami lub zdolnościami. Czasem jednak mogą być wszechogarniające i stają się wówczas potencjałem geniuszu:

Человек рождается в общем мнении со склонностью к чему-нибудь по организации своей, воспитание дает ход этой склонности. Промыслительное провидение вливает в сердце его особенное какое-то сильное чувство, влекущее к предметам в природе, более соответствующим его способностям душевным и телесным, его уму и вообще врожденным дарованиям. Таким образом, оно предначертало круг действия для каждого человека, которого пределами ограничиваются пределы его успехов. Несчастлив тот, кто, преступил их, устремиться в поприще, не назначенное ему судьбою! Силы его скоро ослабеют, и он падает, без сомнения, или от усталости, или от препятствий, которых победить не в состоянии. Пределы сии иногда стеснены, иногда обширны, всеобъемлющи. Первые образуют то, что я назову просто врожденной склонностью и способностями. Последние суть пределы гения⁹.

Definicja geniusza, jaką prezentuje P. Nowikow, jest interesująca z kilku powodów. Po pierwsze bardzo skrupulatnie sformułowana została teza dotycząca konkretnych predyspozycji artysty-geniusza. Drugim ciekawym faktem jest styl przedstawienia myśli i ogólna idea tekstu, wskazująca na silnie preromantyczny charakter całej pracy Nowikowa. Przytaczana definicja geniuszu jest tylko wstępem do późniejszej i zdecydowanie bardziej rozwiniętej teorii romantyków jenajskich, opisujących postać geniusza na podstawie wybranej osobowości obdarzonej talentem i zdolnością tworzenia nieprzeciętnych dzieł sztuki. Artysta-geniusz w romantyzmie posiada nadany mu przez przebóstwioną naturę dar naśladowania i upiększania przyrody. Pogłębiona psychologicznie przez romantyków postać geniusza różni się od twierdzeń Nowikowa. Należy zaznaczyć, że wspomniana idea jenajska znalazła swych kontynuatorów i naśladowców także w Rosji, na przykład w osobach

⁹ П.А. Новиков, *op. cit.*, s. 352.

Iwana Kroneberga, Władimira Odojewskiego i Aleksandra Galicza. Można więc zauważyć, że młody teoretyk rosyjski we wstępnej fazie swoich rozważań doświadczył wpływów myśli preromantycznej, chociaż jest ona bardzo nieśmiała i którą autor świadomie starał się ukryć za klasycystyczną wizją osoby artysty.

Na pytanie, jakimi cechami charakteryzuje się geniusz, autor udziela jasnej odpowiedzi. Celem geniusza jest dążenie do wzniosłości, pęd ku pięknu, sławie i nieśmiertelności. Unikalna iskra natury geniusza zawiera się w niefrasobliwości dzieciństwa, aby potem dojrzeć i rozwinąć się w ponadprzeciętny talent dojrzałego twórcy:

Какие же суть признаки истинного гения? Я же сказал: это вообще стремление ко всему высокому, благородному, стремление к изяществу, к славе, к бессмертию. Искры сего пламени божественного таятся в беспечности лет младенческих, пламенеют в юности и блистают ярко, согревают и освещают, как солнце в летах мужества¹⁰.

Tak więc, pierwszą cechą charakterystyczną jest zamiłowanie do rzeczy wielkich pozyskiwanych z natury i zapisywanych w wyobraźni, zanim staną się konkretnymi dziełami sztuki. Tym samym pole działalności geniusza jest prawie nieograniczone, tak jak nieograniczona jest przyroda, z której czerpie swoją inspirację. W tym miejscu należy podkreślić śmiałość tezy młodego teoretyka znów znacznie odbiegającą od twierdzeń Kanta, mówiącego, że sztuka ma swoją granicę, której nie może przekroczyć i która nie może zostać przekroczona i zapewne została już przez sztukę dawno osiągnięta¹¹. Nowikow, formułując wyznaczniki twórczej aktywności artysty-geniusza, bazuje na powielanych prawdach Arystotelesa, które uległy tylko nieznacznym modyfikacjom na przestrzeni wieków. Natomiast natura geniuszu jako zjawiska filozoficznego przejawia się we wszystkich dziedzinach sztuki i nauki. Określana jest siłą twórczą kierowaną sercem i wspieraną chłodnym racjonalizmem rozumu. Dualistyczna istota geniuszu pozwala na jego pojawienie się także w nowych obszarach nauk ścisłych i sztuki. Genialność jest obecna, począwszy od najprostszych prawd, po najgłębsze konkluzje moralno-filozoficzne. Zadanie, jakie zostało więc postawione przed twórcą-geniuszem, to zmierzyć, ocenić, porównać i przede wszystkim odkryć najskrytsze i dla zwykłych ludzi niedostrzegalne tajemnice przyrody. Jego działalność w odniesieniu do sztuk pięknych rozszerzona jest, zdaniem teoretyka, o zdolność naśladowania natury, a przy jej pomocy oddziaływania nie tylko na umysł podmiotu percypującego, ale też na jego serce i duszę:

Действия гения всеобъемлющи, как природа которой он любимый сын. Во всех науках и искусствах он господствует; он есть вместе необыкновенная чувственная и умственная сила, обнаруживающая себя в важных открытиях или в новых блистательных красотах искусства. Он может быть один в совершенно различных склонностях, но действует тогда различно: гений математики, физики, музыки и проч. В науках умственных *одно наблюдение природы* служит ему путем от простейших истин до глубочайших умозаключений; он измеряет, взвешивает, сравнивает, рассуждает и открывает доселе неизвестные таинства природы. В ис-

¹⁰ *Ibidem*.

¹¹ Por.: I. Kant, *op. cit.*, s. 235.

куствах образовательных и словестных он рассматривает ее, как *творец – подражатель*, и действует не на ум исключительно, а более на *воображение и сердце*¹².

Tu również widocznym staje się odejście od kantowskiej myśli. Geniusz jest artystą i naukowcem, jest determinowany przez uczucie i umysł, czyli poddaje się determinacji pojęciowej, od której Kant tak bronił swojego Geniusza.

W swojej pracy, co zresztą nie powinno dziwić, skłania się Nowikow ku głębszej analizie geniuszu poezji. Podobnie zresztą jak Mierzlakow, P. Nowikow jest w pierwszej kolejności literaturoznawcą, a dopiero później estetykiem i teoretykiem. Dlatego, tak jak i w pracach Aleksieja Mierzlakowa, większa część rozważań prowadzona jest w odniesieniu do literatury. Główny nurt zainteresowań Nowikowa poszedł w kierunku omówienia poety-geniusza i jego działalności twórczej. Poetą można się urodzić, wtedy też można zachwycać się słowami. Poetą nie można się stać, gdyż nie posiada się wówczas tej nieokreślonej cudownej siły. Podobnie jak Kant, Nowikow zastanawia się nad źródłem jej pochodzenia. Możliwe, że jest ona w przenikliwym i wrażliwym umyśle lub w doskonałej pamięci albo też wynika ze szczęśliwej natury człowieka. Lecz geniuszem, jak zaznacza teoretyk, nie jest tylko ten, kto obdarzony jest ową siłą. Stanowi ona pomocnicze narzędzie pracy twórczej. Prawdziwy geniusz posiada od natury niewyjaśniony rzadki dar postrzegania, zapamiętywania, odczuwania i przekształcania wrażeń zgodnie ze swoim zmysłem pojmowania piękna przyrody. Ułatwia mu to wyrażenie głębszej idei natury fizycznej, jak i moralnej, nadającej jego utworom element dobra i wzniosłości duchowej:

Человек, назначенный быть великим поэтом, *получает от природы неизъяснимый, редкий дар видеть, понимать, чувствовать, соединять по своему плану красоты ее*, физические и моральные, наполняться ими, свободно и живо выражать их¹³.

Kolejny fragmenty rozważań Nowikowa pokazują drugie ekstremum sinusoidy jego poglądów. Tym razem teoretyk wyraźnie skłania się ku kantowskiej wizji oddziaływania natury na myśli i czyny artysty-geniusza, zgodnie z którą natura dyktuje zasady realizacji dzieła i wpływa na jego oryginalność i niepowtarzalność, tworząc go tym samym dziełem genialnym.

Wspomniana powyżej siła geniuszu prowadzi, zdaniem Nowikowa, artystę, także poetę, ku pięknu i ku przedmiotom pięknym. Filtruje i odsiewa wszystkie wrażenia niskie i te, które nie niosą ze sobą wartości estetycznych. Dar, jaki posiada genialny twórca, daje mu możliwość dostrzeżenia wrażeń niedostępnych dla zwykłych ludzi. Ta zdolność wypełnia duszę geniusza dumą i szlachetnością własnego istnienia. Stoi on ponad rzeszami twórców-rzemieślników, dla których świat prawdziwego piękna jest niedostępny¹⁴.

W niezwykle poetycki sposób, stosując wiele porównań, w których przyrównuje geniusza bądź to do orła, bądź cara opisuje Nowikow dość alegoryczną wizję procesu twórczego. Artysta-geniusz przemierza swoją siłą i wyobraźnią bezkresne

¹² П.А. Новиков, *op. cit.*, s. 353.

¹³ *Ibidem*, s. 354.

¹⁴ *Ibidem*.

obszary wypatrując przy tym przedmiotów godnych jego zainteresowania i poświęcenia im uwagi. Panuje, jak władca, nad wszelkim pięknem świata, dostrzegając je okiem malarza i filozofa w najmniejszych elementach całego wszechświata. Przenika przez zasłonę zwyczajności i rozkoszuje się różnorodnością piękna świata przyrody i ludzi. Wszelkie wrażenia zachowuje w swej pamięci i dzięki wyobraźni przenosi je i siebie w przyszłość. Tworzy przy tym idealny obraz świata, wypełniony elementami własnej twórczości. Takim oto, zdaniem Nowikowa, jest geniusz poezji.

Trudno, również w tym fragmencie rozważań, jasno wyodrębnić krytykę romantycznej wizji geniusza. Niezwykle poetycki opis może być uznany raczej za cechę preromantyczną znacząco już odbiegającą od suchego oświeceniowego wykładu. Młody teoretyk nie dokonuje wyraźnego wyszczególnienia cech charakterystycznych dla genialnego twórcy w ani jednej z omawianych epok. Jego opis przyjmuje formę własnej interpretacji, opartej na powszechnie znanych stwierdzeniach. Nie wnosi żadnego nowego elementu w obraz postaci geniusza. Tekst Nowikowa może być raczej postrzegany jako wynikła ze styku dwóch epok próba syntezy zjawiska, wykazująca jednak dużo więcej wpływów nowej myśli romantycznej, kierującej uwagę w stronę psychologicznie pogłębionego opisu osoby artysty-geniusza. Omówionemu fragmentowi rozważań P. Nowikowa brak również konsekwencji i myśli przewodniej. Jasno sformułowanym celem miała być wizualizacja postaci poety-geniusza, estetyki jego dzieł, estetyki samego geniuszu, lecz prócz paru wstępnych zdań, pozostała część tekstu jest ogólnikowym przedstawieniem natury geniusza w ogóle. Staje się więc tym samym powtórzeniem myśli zawarty na samym początku pracy. Fakt ten wskazuje na zdecydowany brak doświadczenia autora w pracy z tekstem teoretyczno-naukowym. Częsta zmiana stylu wypowiedzi, przechodząca od rzeczowej analizy aż po poetyckie opisy, podważa naukowy charakter omówionej części pracy. Bardzo często łączy Nowikow różne teorie estetyczne i stara się dopasować je do swoich poglądów. Skutkuje to niejednoznacznością tendencją rozważań oraz brakiem jasnego odniesienia do kantowskiej myśli o estetyce geniuszu, która miała stanowić podstawę jego przemysleń.

Dalsze rozważania rozpoczyna Nowikow od wymienienia ważniejszych cech artysty-geniusza. Przy założeniu, że istotą jego natury jest wzniosłość i szlachetność, dochodzi do zsyntetyzowania w nim wielu wartości moralnych i wielu głębokich prawd. Należą do nich: nieprzeciętna uczuciowość, płomienna wyobraźnia, szlachetna śmiałość, wzniosła dobroć, pogarda dla wszystkiego, co zwodnicze, cierpliwość, a także wrodzona duma i wolność, które dają początek jego myślom i uczuciom. Te cechy, jak zaznacza autor, rodzą więź między dwoma geniuszami. Niezależnie od pochodzenia są oni w stanie wzajemnie się rozpoznać, gdyż dusza i zdolność odczuwania są w nich identyczne:

И так, если предмет его – всё высокое и благородное следовательно, предполагает в нем всегда соединение многих достоинств нравственных, истинно великих. Они суть: чувствительность необыкновенная, воображение пламенное, смелость благородная, добродетель высокая, презрение всего обольстительного, терпение непреоборимое и особенно какая-то врожденная свобода и гордость, начало величия нравственного и источник мыслей и чувствований, одному только ему свойственных. Это есть то чувство, которое, как я сказал прежде, рождает в нем нелицемерное удивление к успехам блистательным другого великого человека,

и с какого бы народа и века он ни был. Один только гений совершенно понимает гения, их чувства общие, у них одна душа¹⁵.

Uwieńczeniem istoty geniuszu w artyście jest tak wysoki poziom doskonałości, który zasługuje na wszechstronne uznanie. Stanowi on sumę wszelkich działań artysty, a także odzwierciedla wpływ otaczających twórcę przedmiotów. Proces twórczy jest zależny od pierwiastków narodowych, skłonności, istniejących obyczajów, stopnia wykształcenia środowiska, w którym funkcjonuje artysta-geniusz. Te same warunki muszą być spełnione także przez zwykłych artystów. Geniusza odróżnia od nich szerszy horyzont myślowy, większa przenikliwość i docieklivość w obserwacji natury oraz bardziej skomplikowana sfera uczuć¹⁶. Wszystko to wykorzystuje on, aby osiągnąć jeden, główny, jak uważa Nowikow, cel – nieśmiertelność. Geniusz tworzy dla szerszego kręgu odbiorców, jemu współczesnych, a także potomnych.

Ta myśl indukuje pytanie, które zadaje rosyjski teoretyk. Dlaczego twórcy uznani za genialnych tysiące lat temu, tworzący w innej rzeczywistości nadal zachwycają i wywołują głębokie doznania swoimi dziełami? Jako przykład nieśmiertelnych poetów przywołuje Nowikow nazwiska Homera, Sofoklesa, Horacego i Wergiliusza. Odpowiedzi na postawione pytanie należy, zdaniem badacza, szukać w artystycznej naturze geniusza i w analizie jego sukcesów. Geniusz-twórca jest naśladowcą natury. Jak już wielokrotnie zaznaczał Nowikow, jest ona najlepszym źródłem inspiracji. Zgodnie z jej prawami, które również kierują naturą geniusza, funkcjonuje także sztuka. Także odbiorcy podoba się tylko to, co jest zgodne z naturą. Powyższe założenia odnosić się mogą tylko do przyrody fizycznej, nie odpowiadają jednak naturze moralnej, pod pojęciem której upatruje Nowikow zupełnie innych wartości. Z moralnego punktu widzenia to, co podoba się jednemu, nie zachwyca innych. To, co poruszyło widza przed chwilą, teraz nie wywołuje na nim żadnego wrażenia. Wielorakość recepcji dzieła może wynikać ze zmienności natury, jak i wielości czynników zewnętrznych oraz wewnętrznej predyspozycji odbiorcy.

Przedstawiona teoria Nowikowa jest niestety znów dość pobieżna i ogólnikowa. Autor nie daje jednoznacznej odpowiedzi na stawiane przez siebie pytania. Można odnieść wrażenie dużej skrótowości myśli i braku konkretnej wiedzy na dany temat. Wygłaszane poglądy, podobnie jak we wcześniejszych fragmentach, są raczej powtórzeniem ogólnie znanych opinii i pozbawione są autorskiego komentarza. W dalszej części rozważań teoretyk powraca do osoby poety-geniusza, co zaburza nieco logikę wywodu. Nowikow wyraźnie utracił myśl przewodnią swoich rozważań. Korzystając z tak wielu zapożyczonych myśli, teorii i twierdzeń nie potrafił dokonać wyboru ani opowiedzieć się jasno, do której epoki przynależy, ku której teorii się skłania. Zaciemnia to znacząco jego wywód, który bez wątpienia jest interesującą pracą dającą możliwość komparatystycznej analizy kantowskiej myśli z rodzącą się preromantyczną myślą rosyjską.

W końcowej części swojego wywodu zwraca się Nowikow ku problematyce przeżycia estetycznego. Jego zdaniem, idealne, genialne dzieła posiadają szczególną własność, a jest nią zdolność zachwycańca, wywoływania specyficznych, tzn. głębszych odczuć natury estetycznej. Uczucia te, jak pisze Nowikow, są tak silne,

---

¹⁵ *Ibidem*, s. 355.

¹⁶ Por.: *ibidem*, s. 355–356.

że poruszają duszę podmiotu percypującego, napełniają go świętą pobożnością i przyciągają do siebie poprzez niewinność i dobroć. Tym samym, nadają one dziełu geniusza-poety zdolność przelania na widza całej idei artystycznej, wszystkich doznań, które kryją się w jego sercu i tworzą historię procesu twórczego:

[...] те чувства высокие, сильные и непритворные, которые наполняют душу священным благоговением; те восхитительные черты невинности и добродетели, которые непреодолимой прелестью своей привлекают и самую нечувствительность; короче сказать, что будет живая, разительная картина сердца человеческого, которого история составляет историю изучения самого гения¹⁷.

W przytoczonym opisie przeżycia estetycznego, P. Nowikow ogranicza się niestety tylko do bardzo sensualnego i emfaticznego opisu zjawiska. Brak jest jednak ostatecznej konkluzji, jak również nie pojawia się sam termin „przeżycie estetyczne”. Myśl pozostaje jakby niedokończona, gdyż autor w następnych akapitach powraca do ogólnych rozważań nad naturą geniusza. Stara się przy tym wykazać, że geniusz-poeta swą pracą zbliża ludzi różnych pod względem charakterów i obyczajowości. Jako przykład przytacza tragedie Szekspira, które pisane przez Anglika, posiadając wszelkie cechy tej narodowości, zachwycają także odbiorców z innych kręgów kulturowych.

Dzieła wielkich poetów mają szczególny wpływ na piśmiennictwo i ogólne wykształcenie narodu. Geniusz tworzy przy użyciu nowych środków i form artystycznych, dąży do doskonałości, ceniąc przy tym osiągnięcia swych poprzedników, stara się jednak pójść dalej odkrywając nowe nieznane obszary piękna.

Za niesprawiedliwe i krzywdzące uważa Nowikow stwierdzenie, że pole działania geniusza z czasem staje się coraz mniejsze i bardziej ograniczone, że zaczyna brakować materiału twórczego. Oznaczałoby to, zdaniem teoretyka, że prace poetów i pisarzy późniejszych epok są mniej wartościowe, gdyż ograniczone są ciasnymi ramami natury fizycznej i moralnej. Wynikałoby z tego, że późniejszym twórcom, tu autor nie wyjaśnia, o jakie epoki chodzi, nie pozostało nic innego, jak tylko odtwórcze naśladowanie przyrody.

W tych fragmentach traktatu przedstawia Nowikow nieśmiałą i dość nieuzasadnioną krytykę tez Kanta mówiących wprawdzie o skończoności sztuki i jej nieprzekraczalnych granicach, ale w kontekście pojęcia sztuki geniuszu podlegającej bezpośrednio nie intelektowi, ale naturze. Sztuka determinowana przez naturę i powstająca przy współdziałaniu talentu jest nienaśladowalna, lecz dająca się tylko kontynuować i rozwijać.

W dalszej części wywodu rosyjski teoretyk stara się nadal dowodzić, że sztuce nie postawiono żadnych granic, że naśladowanie wcześniejszych twórców gwarantuje rozwój idei artystycznych i postęp twórczy. W każdym dziele sztuki epok minionych należy dopatrzeć się nowszego spojrzenia na propagowane przez artystów idee, należy właściwie odczytać intencję twórcy, która musiała zasadzać się w naturze jako wzorcu najbardziej doskonałym. Trzeba także uzupełnić treści dzieła o współczesne doświadczenia artysty-interpretatora i zarazem twórcy nowych dzieł sztuki.

---

¹⁷ *Ibidem*, s. 359.

Ta rozbudowana teza jest niestety spływaniem myśli Kanta i sprowadza się do opisu ponadpokowego procesu rozwoju sztuki i jej, wprawdzie kontynuacji, ale tylko w oparciu o silne naśladownictwo osiągnięć wcześniejszych artystów. Myśl Nowikowa nie znajduje wyraźnych odniesień do elementów wpływających na proces twórczy artysty-geniusza, o których mowa w teorii Kanta. Choć autor najprawdopodobniej widział swoje przemyślenia jako polemikę z filozofem z Królewca, to jednak nie był w stanie przedstawić choćby rozróżnienia sztuki pięknej od sztuki pięknej rozumianej jako sztuka geniuszu, ani też wskazać zależności talentu od kształtującej go natury i wpływu tejże na nieświadomy proces twórczy artysty-geniusza.

W toku dalszych rozważań Nowikowa pojawia się stwierdzenie, że wśród współczesnych mu poetów i pisarzy jest wielu godnych uznania geniuszy, choćby Łomonosow czy Dierżawin. Teoretyk podkreśla, że pierwszy nazywany jest rosyjskim Pindarem, a drugi Horacym¹⁸. Zdaniem Nowikowa, twórca-geniusz utraciłby swój status, gdyby czerpiąc z natury nie dostrzegał w jej bezkresie niczego nowego lub gdyby artyści słowa nie umieli wyjść poza ramy ustalone przez starożytnych autorów. Na szczęście, co wyraźnie cieszy badacza, geniusz zawsze znajduje się w stanie tworzenia, rozwija nowe idee, wyprzedza współczesną mu myśl artystyczno-filozoficzną. Jego celem jest nieśmiertelność, a nagrodą nieprzemijająca sława.

W końcowej fazie swoich rozważań P. Nowikow ponownie podjął tematykę poety jako genialnego twórcy. Wyraźnie starał się udowodnić jego wielkość i nieprzeciętność. Swoich wywodów nie popierał jednak żadnymi przykładami, nie powoływał się także na żadne autorytety w tej tematyce. Stawia to jego pracę w dość niekorzystnym, pod względem naukowym, świetle. Teorie Nowikowa są raczej zlepkiem dość luźno ze sobą powiązanych przemyśleń i zbiorem ogólnych idei. Trudno jest w nich wyodrębnić myśl będącą krytyką romantycznego artysty-geniusza, jak również pochwałę oświeceniowej myśli. Praca ma raczej charakter preromantycznego studium natury geniusza. Wszelkie nawiązania do teorii Kanta, Hegla czy Arystotelesa są słabo udokumentowane, co nie wyklucza nawet błędów interpretacyjnych samego tekstu.

Należy jednak podkreślić, że tak obszerna praca teoretyczna nie pozostała bez wpływu na rozwój myśli teoretycznej w Rosji początku XIX wieku. Ożywiła dyskusję na temat istoty geniusza oraz powstawania i interpretacji jego dzieł. Dodatkowym aspektem też Nowikowa, choć komparatystycznych, to jednak w dużym stopniu oryginalnych, jest fakt przeniesienia na grunt rosyjski wielu zagadnień dotąd nie dyskutowanych i nie postrzeganych w dyskursie doświadczeń estetycznych płynących z obcowania ze sztuką. Dlatego też należy postrzegać Piotra Nowikowa jako jednego z prekursorów estetyki rosyjskiej w ogóle.

Literatura

Handbuch Literatur und Philosophie, Herausgegeben von H. Feger, Verlag J.B. Metzler Stuttgart, Weimar 2012.

Kant I., *Krytyka władzy sądzenia*, przełożył oraz opatrzył przedmową i przypisami J. Gałęcki, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2004.

Tatarkiewicz W., *Dzieje sześciu pojęć*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2006.

---

¹⁸ Por.: *ibidem*, s. 360.

Новиков П.А., *О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство*, [w:] З.А. Каменский, *Русские эстетические трактаты первой трети XIX века в двух томах*, составление, вступительная статья и примечания З.А. Каменского, Часть 1, Издательство „Искусство”, Москва 1974.

О природе гения.

Петр Новиков по отношению

к кантовской теории эстетики гениальности

Резюме

Статья, посвященная научному сочинению Петра Новикова *О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство*, является попыткой объяснения российской эстетической мысли в сопоставлении с кантовской теорией эстетики гения. Работа Новикова, результат столкновения двух эпох, это синтез взглядов касающихся проблемы художника-гения. Автор статьи указывает также на эклектизм эстетической мысли в России XIX века и невозможность сравнения её с какой-либо европейской философской теорией.

Ключевые слова: гений, художник-гений, изящные искусства, эстетика, эстетика гения, творческий процесс

About the nature of genius Piotr Nowikow

towards Kant's aesthetics of genius

Abstract

The article devoted to Piotr Nowikow's treatise *О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство* is the attempt to find clear reference to Kant's theory of the aesthetics of genius in Russian aesthetics thought. Nowikow's work is perceived as the attempt to synthesize the phenomenon of genius arisen due to the meeting of two periods, indicating great influence of Romantic thought, directing attention to the person of the artist the genius. From the Russian theoretician's disquisition emerges the eclectic image of aesthetical thought of the 19th century Russia, not being able to explicitly relate to any of the philosophical-aesthetical theories.

Key words: genius, the artist-genius, the fine arts, aesthetics, the aesthetics of genius, creative process

Anna Greb

doktor nauk humanistycznych

e-mail: annagreb@interia.pl

+48 606745282

Адам Карпиньски

**О мечте вернуться в „город юности”
в стихотворении Бориса Климычева
А я вернусь, ребята, в Ашхабад...**

В данной статье мы попытаемся сделать первый шаг к анализу „ашхабадских” стихотворений Бориса Николаевича Климычева (1930–2013), т. е. произведений, в которых наблюдается восточная (туркменская) тематика, связанная с воспоминаниями Климычева о столице Туркменистана (в советское время Туркмения) – Ашхабаде. Прежде чем приступим к теоретическим рассуждениям, обратим внимание на некоторые сведения из жизни писателя.

Родившийся в 1930 году в Томске Б. Климычев мало известен польским читателям, что является, безусловно, результатом нехватки переводов его произведений на польский язык. Творчеством томского писателя редко занимались русские исследователи, оно известно, прежде всего, жителям его родного города и любителям сибирской литературы¹. Первые стихотворения и рассказы Климычева были опубликованы в 1948 году в газете „Социалистическая Караганда”. Поэт активно печатался в журналах на Дальнем Востоке, а затем и в Туркменистане и соседнем Узбекистане². Произведения Климычева, в том числе романы, повести и рассказы, неоднократно публиковались в многочисленных альманахах („Поэзия”, „Томск”, „Алтай”) и журналах („Огонёк”, „Юность”, „Смена”, „Библиотекарь”, „Сибирские огни”, „Огни Кузбасса”, „Советский воин”, „Ашхабад”, „Восток”). Следует подчеркнуть, что его стихотворения вошли в 1999 году в антологию *Русская поэзия. Двадцатый век*, в 2008 году в *Антологию сибирской поэзии*, а два года спустя в антологию

---

¹ См. напр.: Ю.А. Казанцева, *Лингвостилистический анализ стихотворения Б.Н. Климычева „Девочка с книгой”*, [в:] *Лингвистические тайны текста. Материалы II городской научно-практической конференции уч-ся старших классов (25 марта 2002 г.)*, под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой, Издательство Томского Государственного Педагогического Университета, Томск 2003; А. Карпиньски, *Концепции семьи в авантюрно-историческом романе Б. Климычева „Маркиз де Томск” (на примере разбойничьей группы и религиозной секты скопцов)*, [в:] *Русская литература в современном пространстве: Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях*, гл. ред. Е.А. Полева, О.Н. Русанова, Издательство Томского Государственного Педагогического Университета, Томск 2012, с. 205–213.

² См. *Автобиография Бориса Климычева* на сайте: <http://carun.ucoz.ru/index/0-6> (30.11.2014).

Русская поэзия. XXI век. Рассказы писателя печатались тоже в Германии в журнале „Родная речь” и в газете „Контакт”.

Б. Климычев издал несколько сборников стихотворений: *Красные тюльпаны* (Ашхабад, 1958), *Валторна за стеной* (Москва, 1976), *В час зари* (Москва, 1980), *Город юности* (Ашхабад, 1984), *Ключ любви* (Москва, 1985), *Своим дыханием* (Томск, 1986), *Возвращение земли* (Москва, 1988), *Томские праздники* (Томск, 1990), *Есть ли в Томске медведи?* (Томск, 2005). Климычев является также автором многочисленных прозаических произведений: *Часы деревянные с боем* (Новосибирск, 1981), *Томские чудеса* (Томск, 1994), *Мой старый Томск* (Асино, 1995), *Золотые яйца* (Асино, 1996), *Любовь и гнев вора Подреза* (Томск, 1997), *Томские тайны* (Новосибирск, 1999), *Маркиз де Томск* (Томск, 2003), *Треугольное письмо* („Сибирские огни”, 2009), *В долине рычащего тигра* („Начало века”, 2011) и др.³ Писатель был лауреатом премии „Мой край родной”, а в 2001 году ему было присвоено звание „Почётного гражданина Томска”⁴.

Б. Климычев в 1950 году призвался в ряды Советской армии и с 1952 по 1953 год служил в Ашхабаде, который был тогда ещё в развалинах после землетрясения 1948 года. Во время службы писатель работал корреспондентом газеты Туркестанского военного округа „Фрунзевец”. После демобилизации Климычев остался в Ашхабаде. Поэт следующим образом вспоминал период своей жизни после ухода из армии:

К моменту демобилизации из армии я имел уже большое количество публикаций. Поэтому, демобилизовавшись, я стал работать в республиканской молодёжной русскоязычной газете „Комсомолец Туркменистана”, я вёл там отдел литературы и искусства. Тогда же я поступил на вечерний факультет Туркменского государственного университета⁵.

Поэт проработал в Ашхабаде до 1962 года, когда окончательно вернулся в Сибирь. Однако, почти десять лет жизни в Туркменистане⁶ сильно повлияло на его творчество, туркменская культура стала стимулом к возникновению многих произведений.

В 1984 году издательством „Туркменистан” была издана книга стихов Климычева под заглавием *Город юности*. В стихотворениях, которые вошли в этот сборник, поэт возвращается в город, в котором прожил свою молодость. В рецензии на эту книгу литературный критик С. Яковлев обратил внимание на существенную роль столицы Туркменистана в жизни и творчестве Климычева:

---

³ См. *Библиотека сибирского краеведения* на сайте: <http://bsk.nios.ru/content/klimychev-boris-nikolaevich> (30.11.2014).

⁴ См. *Скончался известный томский поэт Борис Климычев*. Статья на сайте: <http://www.tv2.tomsk.ru/news/skonchalsya-lizvestnyi-tomskii-poet-boris-klimychev/> (30.11.2014).

⁵ *Автобиография Бориса Климычева, ук. соч.*

⁶ См. В. Яранцев, *Памяти Бориса Климычева*, на сайте: <http://magazines.russ.ru/sib/2013/10/11ya.html> (30.11.2014).

Ашхабад... Слово это для автора равноценно дорогим понятиям любви, юности, верности. Здесь прошла его армейская служба, здесь же – и многие „гражданские” годы после демобилизации. Он застал город в такое время, о котором вспомнить без ужаса просто невозможно. Застал после страшного бедствия⁷.

Стоит выяснить, что Яковлев упоминает в вышеприведённом фрагменте землетрясение, которое в ночь с 5 на 6 октября 1948 года за несколько секунд почти полностью уничтожило Ашхабад. Эта стихия считается одним из самых разрушительных землетрясений, в результате которого погибло огромное число жителей Ашхабада (существуют разные подсчёты жертв)⁸. Помощь в восстановлении города оказала Советская армия. Б. Климычев вспоминает в своей автобиографии, что солдаты, в частности, разбирали развалины, строили дороги, военные поддерживали порядок и возводили ашхабадский Академгородок⁹. Будущий писатель мог своими глазами увидеть драму ашхабадцев, которые потеряли практически всё своё имущество и остались без крыши над головой. Но самое ужасное заключалось в том, что для большинства жителей столицы Туркменистана это была последняя ночь в их жизни. Тот, кто остался в живых, потерял своих родных и знакомых. Неудивительно, что до сих пор в Туркменистане отмечается День поминовения погибших 1948 года. Тема разрушения и возрождения города стала одной из характерных для произведений „ашхабадского цикла” томского поэта, она особенно прозвучала, например, в стихотворении под значимым заглавием *6 октября 1948 г.*¹⁰

В Ашхабаде Климычев начал свою литературную деятельность, Туркменистан стал для него второй родиной, в которой работал, вырослел и потом, после переезда в Томск, всегда хотел к ней вернуться. Мечта о возвращении в „город юности” особенно видна в следующем стихотворении без названия, которое мы полностью цитируем:

А я вернусь, ребята, в Ашхабад.
Я был пропавшим без вести, Ну что же,
Я помнил все:
Дувалы, виноград
С холодным тусклым солнышком под кожей.
Я помнил и гортанные слова,
Голубоватый фирузинский камень,
Я помнил, как из-за оград айва
Тяжелыми грозила кулаками.

---

⁷ С. Яковлев *Мечта возвращения*, „Красное знамя” 1984. Статья в журнале от 28 августа.

⁸ См.: А.А. Никонов, *Ашхабадское землетрясение: проблемы и решения полвека спустя после катастрофы*, на сайте: <http://archive.today/tKnfq#selection-6.6-209.31> (30.11.2014); *Ашхабадское землетрясение: память и скорбь*, статья на сайте: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1254887520> от 7.10.2009 г. (30.11.2014).

⁹ *Автобиография Бориса Климычева*, ук. соч.

¹⁰ Б. Климычев, *Есть ли в Томске медведи?*, Издательство Ветер, Томск 2005, с. 96.

А сколько лет прошло тут без меня!
И созревали девочки и вишни.
И память бедной юности храня,
Вернувшись к вам,
Не буду, верно, лишним.
В конце концов любой отъезд, уход
Таит в себе мечту вернуться снова,
И кто-нибудь уходит каждый год,
В жизнь возвращаясь деревом иль словом¹¹.

Произведение написано от первого лица и, учитывая биографический контекст, лирический герой в некоторой степени совпадает с автором. В стихотворении звучит тема возвращения в „город юности“, уверенность в том, что это возможно, выраженная в употреблении глагола совершенного вида „вернуться“ в форме будущего времени – „я вернусь“. Поэт возвращается к местам, связанным со счастливыми моментами в его жизни. Юность, молодость являются, практически для каждого человека, временем благополучия и надежд. Человек живёт тогда будущим, в котором все его намерения и желания могут ещё сбыться. Анализируя это стихотворение, С. Яковлев обратил внимание на то, что мечта возвращения является необходимой в жизни каждого человека¹². Она неразрывно связывается с воспоминаниями о прошлом, с жаждой повернуть время вспять и повторить пройденное.

В памяти поэта сохранились сказочные образы восточного края. Это элементы туркменской природы (виноград, айва, вишни, голубоватый фирюзинский камень), географические названия (Ашхабад, Фирюза), архитектурные строения (дувалы) и „гортанные слова“ туркменского языка. Следует обратить внимание на мастерство в передаче местного колорита. Здесь упомянуты характерные для Средней Азии глинобитные заборы (дувалы), которые отделяют внешний двор от улицы¹³. Появляются типичные для Туркменистана растения – „айва“ и „виноград“.

В стихотворении упоминается „фирюзинский камень“, относящийся к названию Фирюза – так в прошлом именовался посёлок Арчабил вблизи Ашхабада, который в советское время был известным местом отдыха детей и курортной местностью¹⁴. Расположена в Фирюзинском (Арчабильском) ущелье в горах Копетдага¹⁵ Фирюза славилась своей красотой и уникальным

---

¹¹ Там же, с. 103. Стихотворение из сборника *Город юности*, Ашхабад 1984.

¹² С. Яковлев, *ук. соч.*

¹³ См.: А. Куприн, *Дувал*, на сайте: *Новости Центральной Азии* <http://www.fergana-news.com/article.php?id=5178> (30.11.2014); Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка*, „Русский язык“, Москва 2000, на сайте: <http://www.efremova.info/word/duval.html#.VHslHck1urY> (30.11.2014).

¹⁴ См. статью под заглавием *Кому принадлежала и принадлежит красавица Фирюза?* на сайте: <http://turkmeny.h1.ru/slovar/firюза.html> (30.11.2014).

¹⁵ См. *Словарь современных географических названий*, под общей редакцией акад. В. М. Котлякова, изд. У-Фактория, Екатеринбург 2006, <http://dic.academic.ru> (30.11.2014).

климатом, считалась самым красивым уголком Туркменистана. После 1991 года была закрыта для посещения президентом Сапармуратом Ниязовым и стала его официальной резиденцией. Решение главы государства определило судьбу Фирюзы: были разрушены старинные здания и построены современные дома и дворцы для президентской семьи. Прежняя Фирюза была полностью уничтожена. В персидском языке фирюза означает бирюзу – драгоценный камень голубого или голубовато-зелёного цвета¹⁶. Слова фирюза/фируза переводятся тоже как „камень счастья“. Как географические ассоциации, так и переносное значение словосочетания „голубоватый фирюзинский камень“ играют существенную роль в стихотворении Климычева. Фирюза и Ашхабад понимаются здесь как мифическая страна счастья, райский сад, в который хочет вернуться лирический герой. Он повторяет фразу „я помнил“ (прошедшее время) и вспоминает очередные элементы туркменской культуры, особенности национального быта и красоту природы Туркменистана. Фразы „Я помнил всё“, „Я помнил и гортанные слова“, „Я помнил, как из-за оград айва“ подчёркивают то, что уже было и исполнилось, минувшее, прошедшее.

Воспоминания о прошлом связаны с ностальгией – тоской по родному дому. Само понятие „ностальгия“ происходит от греческого *nostos* (возвращение домой) и *algos* (страдание) и понимается как тоска по родине, тоска о прошлом, о пережитом, об утраченном¹⁷. Лирический герой тоскует по, навсегда утраченной, юности в счастливом для него Ашхабаде. Помимо ностальгических переживаний он сохраняет надежду вернуться снова в Туркменистан, он убеждён, что, вернувшись, не почувствует себя лишним и ненужным.

Нам бы хотелось ещё обратить внимание на последние строки стихотворения, в которых таится другой, глубокий смысл:

В конце концов любой отъезд, уход
Таит в себе мечту вернуться снова,
И кто-нибудь уходит каждый год,
В жизнь возвращаясь деревом иль словом¹⁸.

Можно в них обнаружить философское понимание конца и начала: погружённый в ностальгические воспоминания лирический герой в итоге находит надежду на возвращение в страну своей юности. Ведь любой уход „таит мечту вернуться снова“, любой конец является одновременно началом, расставание связано со встречей. Интересно, что в широком смысле лексему „уход“ можно ассоциировать с прекращением жизни и со смертью. Тогда строки Климычева „И кто-нибудь уходит каждый год, / В жизнь возвращаясь деревом иль словом“ совпадают с древним образом змеи, кусающей себя за хвост – уробороса, который символизирует вечность, бесконечность и указывает на то, что

---

¹⁶ *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С.А. Кузнецов, изд. Норинт, Санкт-Петербург 2006, с. 79.

¹⁷ Там же, с. 658.

¹⁸ Б. Климычев, *Есть ли в Томске медведи?*, ук. соч.

в постоянном повторении концу соответствует новое начало¹⁹. Возвращение в прошлое возможно, таким образом, при помощи поэзии и воспоминаний.

В настоящей статье мы проанализировали одно из произведений томского поэта и писателя Бориса Климычева, которое, по нашему мнению, входит в более широкий цикл стихотворений. В тексте *А я вернусь, ребята, в Ашхабад...* Климычев совершает сентиментальное путешествие в прошлое. Поэт умело передаёт восточный колорит Туркменистана и возвращается к местам, связанным со своей юностью. Невозможно реально вернуться в прошлое, поскольку время меняет места, природу, людей. Только поэзия даёт шанс сбывться мечте о возвращении в „город юности“. Данный анализ является первой попыткой описать „ашхабадский цикл“ в творчестве Климычева.

Литература

Ашхабадское землетрясение: память и скорбь, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1254887520>.

Библиотека сибирского краеведения, <http://bsk.nios.ru/content/klimychev-boris-nikolaevich>.

Большой толковый словарь русского языка, гл. ред. С. А. Кузнецов, изд. Норинт, Санкт-Петербург 2006.

Ефремова Т.Ф., *Новый словарь русского языка*, „Русский язык“, Москва 2000.

Казанцева Ю.А., *Лингвостилистический анализ стихотворения Б.Н. Климычева „Девочка с книгой“*, [в:] *Лингвистические тайны текста*, под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой, „Изд. Томского Государственного Педагогического Университета“, Томск 2003.

Карпиньски А., *Концепции семьи в авантюрно-историческом романе Б. Климычева „Маркиз де Томск“ (на примере разбойничьей группы и религиозной секты скопцов)*, [в:] *Русская литература в современном пространстве: Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях*, гл. ред. Е.А. Полева, О.Н. Русанова, Изд. Томского Государственного Педагогического Университета, Томск 2012.

Климычев Б., *Автобиография*, <http://carun.ucoz.ru/index/0-6>.

Климычев Б., *Город юности*, изд. Туркменистан, Ашхабад 1984.

Климычев Б., *Есть ли в Томске медведи?*, изд. Ветер, Томск 2005.

Кому принадлежала и принадлежит красавица Фирюза?, <http://turkmeny.h1.ru/slovar/firuz.html>.

Куприн А., *Дувал*, <http://www.fergananews.com/article.php?id=5178>.

Никонов А. А., *Ашхабадское землетрясение: проблемы и решения полвека спустя после катастрофы*, <http://archive.today/tKnfq#selection-6.6-209.31>.

Скончался известный томский поэт Борис Климычев, <http://www.tv2.tomsk.ru/news/skonchalsya-lizvestnyi-tomskii-poet-boris-klimychevl>.

Словарь современных географических названий, под об. ред. акад. В. М. Котлякова, изд. У-Фактория, Екатеринбург 2006, <http://dic.academic.ru>.

Энциклопедия символики и геральдики, <http://www.symbolarium.ru>.

Яковлев С., *Мечта возвращения*, „Красное знамя“ 1984.

---

¹⁹ См. *Энциклопедия символики и геральдики* на сайте: <http://www.symbolarium.ru> (30.11.2014).

Яранцев В., *Памяти Бориса Климычева*, <http://magazines.russ.ru/sib/2013/10/11ya.html>.

**Marzenie o powrocie do „miasta młodości”
w wierszu Borysa Klimyczewa
pt. *А я вернусь, ребята, в Ашхабад...***

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest jednemu z wierszy syberyjskiego poety Borysa Klimyczewa (1930–2013) pt. *А я вернусь, ребята, в Ашхабад...*. Utwór wchodzi w skład cyklu wierszy, poświęconych tematyce turkmeńskiej. Klimyczew powraca w nim do czasów swej młodości, którą spędził w stolicy Turkmenistanu, Aszchabadzie. W pracy podjęto próbę analizy literackiej wiersza ze szczególnym uwzględnieniem elementów kolorytu lokalnego (kultura i przyroda Turkmenistanu). Artykuł jest pierwszym krokiem do opisanja specyfiki tego obszaru twórczości tomskiego pisarza.

Słowa kluczowe: Klimyczew, młodość, powrót, nostalgia, Aszchabad

**О мечте вернуться в „город юности”
в стихотворении Бориса Климычева
*А я вернусь, ребята, в Ашхабад***

Резюме

В статье рассматривается одно из „ашхабадских стихотворений” сибирского поэта и писателя Бориса Климычева (1930–2013) под заглавием *А я вернусь, ребята, в Ашхабад...*. Климычев совершает сентиментальное путешествие в прошлое. Поэт умело передаёт восточный колорит Туркменистана и возвращается к местам, связанным со своей юностью.

Ключевые слова: Климычев, юность, возвращение, ностальгия, Ашхабад

**The dream of returning to „the city of his youth”
in the Boris Klimychev’s poem
*А я вернусь, ребята, в Ашхабад...***

Abstract

This article is the first attempt at an analysis of Boris Klimychev’s poem under the title *А я вернусь, ребята, в Ашхабад...*, which is part of a cycle of poems, dedicated to Turkmenistan’s capital, Ashgabat. This poem is the poet back to his youth, which is a time of happiness and joy. The poem is full of nostalgia memory. The article analyzes the poem in comparison to other works of the poet.

Key words: Klimychev, youth, return, nostalgia, Ashgabat

Adam Karpiński
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)
doktor nauk humanistycznych
e-mail: akarpinski@up.krakow.pl
+48 126626741

Людмила Липская

Образ книги в современной литературе: версии русских и зарубежных писателей

Разговоры о книге, о ее роли в современном мире, о ее будущем очень характерны для последних десятилетий. К этой теме обращаются ученые-гуманитарии, публицисты и, конечно, писатели. Чем обусловлен этот неугасающий интерес? Уверенностью в том, что значимость книги для сегодняшнего дня по-прежнему очевидна, или признанием того, что книжная культура неумолимо, у нас на глазах, становится частью прошлого? Эти два крайних мнения звучат довольно часто. Но встречаются и другие суждения. Так, Б.В. Дубин еще в 1995 г., сопоставляя оценки феномена книги, существующие в европейской культуре (начиная от работ С. Маларме и заканчивая эссеистикой М. Бланшо и Х.-Л. Борхеса), приходит к заключению, что в XX веке происходит своего рода культурный перелом, вызвавший „смену представлений о книге как ключевой метафоре культуры”¹. Б.В. Дубин исходит из широко известного утверждения о том, что книга как таковая формирует вокруг себя соответствующий ей тип книжной культуры, поэтому, будучи частью реального мира, книга нередко воспринимается как некая абсолютная целостность, отражающая саму суть бытия. Иначе говоря, смысловые и функциональные изменения происходят в первую очередь не с самой книгой, а с ее „окружением” – компонентами, составляющими книжную культуру (автор, читатель, производство и распространение книг и т.д.), и если говорить о современности, то главным здесь будет то, что „центр тяжести [...] все больше смещается с познаваемого мира на познающего субъекта, его познавательные ресурсы и средства”².

В книге Умберто Эко и Жан-Клод Карьера с показательным названием *Не надейтесь избавиться от книг!* (2009) звучит другой мотив: на протяжении всей истории книжной культуры книга играла разные роли, наполнялась разными значениями, и современные дискуссии вокруг нее – своего рода дань традиции. В книжной культуре сегодня происходит смысловое смещение, к которому наши современники в большинстве своем попросту не готовы. Авторы исходят из утверждения, что „практика и привычка сосуществуют”³. По их мнению, читающее большинство слишком консервативно,

¹ Б. Дубин, *Слово – Письмо – Культура: Очерки по социологии современной культуры*, Новое литературное обозрение, Москва 2001, с. 82.

² Там же, с. 87.

³ Ж.-К. Карьер, У. Эко, *Не надейтесь избавиться от книг!*, SYMPOSIUM, Санкт-Петербург 2010, с. 8.

и обеспокоенность судьбой книги продиктована скорее не страхом окончательной утраты книги как таковой, а боязнью потерь, среди которых „отжившие привычки”, „некая сакральность книги”, особые отношения между автором и читателем, „идея закрытости, которую символизировала книга”⁴.

О „боязни” пишет и известный специалист в области истории книжного дела Роже Шартье, напоминая о том, что на протяжении веков книга в Европе выступала как важнейший и часто незаменимый источник и хранитель информации. Отсюда у европейцев „боязнь утраты или лакуны”, обусловившая страсть к сохранению письменного наследия человечества:

Поиски древних текстов, копирование наиболее ценных книг, публикация рукописей, строительство больших библиотек, подборка текстов, каталогов⁵.

Даже потенциально сама мысль о возможной потере книжной традиции весьма болезненно воспринимается литературоцентрической моделью культуры, – а именно к этому типу тяготеет русская культура. Можно предположить, что обсуждение вопросов, связанных с настоящим и будущим книжной культуры, „профессионалами” и „любителями” обусловлено привязанностью и исследователей-гуманитариев, и читателей к хорошо знакомым им моделям функционирования книги в обществе. Нежелание расставаться с хорошо знакомой и проверенной практикой создания книги и ее восприятия, страх перед утратой канона способствуют популярности творчества писателей, остановивших свой выбор на теме поиска и обретения книги, зачастую становящегося основой сюжета. Обращает на себя внимание то, что авторов часто вдохновляет книга, облаченная в покрывало тайны, имеющая или предполагающая сакральную природу. Одними из первых в литературе начали развивать эту тему У. Эко и Милорад Павич, и, как представляется, это в не малой степени способствовало их популярности в России. Романисты и исследователи, признанные специалисты в области филологии, они подошли к трактовке образа книги по-разному, предопределив искания своих последователей.

У. Эко в романе *Имя розы* (1980) обращается к образу книги как к движущему элементу детективного сюжета: к нему ведут нити всех преступлений, произошедших в аббатстве. И, будучи частью „интриги”, книга осталась бы вне поля зрения читателя, если бы не развернувшаяся вокруг нее дискуссия о степени доступности накопленного человечеством знания. Собственно, эта тема, наряду с вопросом о границах интерпретации, и выводит роман У. Эко за рамки „формульной литературы”, в которой все предопределено законами жанра. Итальянский семиотик блестяще использует все символические смыслы, закрепленные в европейской культуре за метафорой книги: носитель информации, хранилище скрытого знания, сила, преобразующая мир.

Иначе предстает образ книги в *Хазарском словаре* (1983) М. Павича, где сюжет о книжной культуре развивается в связи с историей словаря. Ключевым становится первоначально загадочное высказывание „*verbum caro factum est*”,

---

⁴ Там же.

⁵ Р. Шартье, *Письменная культура и общество*, Новое издательство, Москва 2006, с. 239.

переводимое как „слово стало мясом”⁶. Автор поднимает весьма важный для него вопрос о влиянии книги на мир, о преобразующем воздействии слова на реальность, что для него несомненно. В романе М. Павича смысловый акцент перемещается на читателя, который должен научиться управлять книгой так, чтобы использовать ее „дух” в своих интересах, при этом не подвергая себя опасности (в тексте приводится немало примеров противоположного, неправильного, губительного для неумелого или упрямого читателя общения со словарем). Процесс овладения книгой наделяется космологическими чертами: автор уступает место читателю, предлагает ему не только найти подлинный порядок слов в словаре, но и восстановить мировую гармонию. В предисловии выявляется прямая зависимость между словарем и состоянием мира. Эта особенность распространяется на литературу вообще, а значит, и на реальную ситуацию чтения *Хазарского словаря*. Якобы заложенная составителями в первый вариант словаря идея упорядочивания действительности, которая, по сути, совпадает с приданием/возвращением миру подлинного смысла, не утратила своей актуальности в „современной версии”, и рано или поздно читатель должен понять, что поиск затерявшейся в веках истины – это и его личная задача.

Образ книги обрисован достаточно полно уже в первом разделе, а читатель является наиболее часто упоминаемым „действующим лицом”. Что же касается автора, то он предстает как лексикограф, причем один из многих. Прячущийся за маской лексикографа реальный автор разрабатывает весьма жесткие стратегии чтения, и как бы ни постулировалась идея свободного выбора, уже во время знакомства с „предварительными замечаниями” читатель начинает ощущать груз ответственности, который не может не воздействовать на его восприятие, поэтому не рискует и предельно точно соблюдает предлагаемые ему правила чтения.

На протяжении своего существования, в разные периоды истории, книга воспринималась двояко: и как содержание, некий „идеальный текст”, который является абстрактной субстанцией, и как конкретное воплощение содержания, то есть материальный объект. Эта двоякость была актуализирована в романах У. Эко и М. Павича, что выглядит как своеобразное преддверие разворачиваемых сегодня новых дискуссий вокруг книги и как материального носителя информации, вытесняемого новыми технологиями, и как символического текста, в котором закодирован недоступный современному читателю смысл.

Последний поворот темы воплощен в романе Ольги Токарчук *Путь Людей Книги* (1993), ставшем попыткой реконструкции мифа о Книге, хранящей в себе историю и смысл всего сущего. Книга, содержащая в себе весь мир, его прошлое и будущее, в финале действительно будет найдена, но цели достигнет лишь один участник экспедиции – немой и не умеющий читать слуга одного из героев, Гош (как отмечает автор, „в этом повествовании фигура случайная. Ничто не предвещало его участия в экспедиции. В планах он не значился”⁷). Гош – образ парадоксальный: с одной стороны, его история

---

⁶ М. Павич, *Хазарский словарь*, Азбука, Санкт-Петербург 1998, с. 14.

⁷ О. Токарчук, *Путь Людей Книги*, перевод с польского К. Я. Старосельской, АСТ, Москва 2002, с. 5.

открывает и завершает роман, с другой – причастность мальчика к поиску Книги является не просто случайной, но и малорезультативной, так как он фактически не способен ни освоить, ни передать смысл открывшейся ему тайны. Возможно, Гош представляет „каждого из нас“, т.е. одного из тех, для кого отыскать Книгу не столь важно по сравнению с трудами повседневного существования и кто умолкает, оказавшись перед лицом Истины. Ольга Токарчук тем не менее подводит читателя к утверждению, что Истина все же существует, хотя ее и не удастся уловить неподготовленному „простому смертному“.

Токарчук так вводит в роман историю Книги, что в ней легко улавливается связь с традиционным для религиозной культуры толкованием книги как сакрального объекта:

В начале сотворил Бог мир из надломленной буквы. Из треснувшего слова плоть вытекла, как кровь. И, стало быть, плоть есть несовершенное слово. Бог же совершенен, Бог есть слово и не имеет плоти и посему сотворил Адама и дал ему плоть и речь, дабы, будучи совершенным и бесконечным, зреть себя в несовершенстве и ограниченности Адама. А чтобы Адам не забывал о слове и силе, дал ему Бог Книгу, в которой записал свое совершенство, свою безначальность и свою бесконечность⁸.

Отсылка к христианским апокрифам, повествующим о Книге Еноха, подчеркивает связь Книги со Священной Историей, указывает на ее „исток“, а последующие уточнения, в которых прослеживается путь Книги в средневековой эпохе, сближает ее с миром человеческим, делает частью европейской культуры.

Описываемые в романе события происходят в 1684 году, в период для Европы переломный, допускавший в науке и в повседневной жизни совмещение и предельного мистицизма, и ясного, исключаящего необъяснимое, рационализма. Это были времена, когда общество, действительность, по словам автора, воспринимались как „суррогат настоящего мира“, когда для многих уже несомненным стало предположение, что „Истина – Сила – Бог где-то в ином месте“⁹. Выбор эпохи для О. Токарчук, конечно же, не был случайным: это позволило ей органично совместить в пространстве одного романа совершенно противоположные трактовки сакральной книги, „Книги книг“, книги, содержащей все себе высший смысл существования не только человека, но и всей Вселенной. И в этом замысле раскрывается актуальность затрагиваемой автором романа проблематики, поскольку современное человечество, вновь оказавшееся на перепутье между рационализмом и мистицизмом, как и герои Токарчук, хотело бы найти „некий третий путь“.

Поиск Книги в романе Токарчук сопряжен с объяснением того, что она в себе содержит. Читателю приходится полагаться на членов Братства, узкого круга посвященных, сделавших для себя объектом культового преклонения Книгу. Собственно, основой для их сближения и была мечта о Книге. Члены Братства отличались друг от друга не только положением в обществе,

⁸ Там же, с. 17.

⁹ Там же.

авторитетом и достатком, но и взглядами и образом жизни, были среди них и аристократы, и лекари, и торговцы. Как отмечает автор-повествователь:

любая попытка найти для всех этих особ некий общий знаменатель, приверженность к одной и той же стройной философской системе заведомо была обречена на неудачу¹⁰.

Различия стали очевидными тогда, когда Маркиз де Шевийон (председатель собраний и в некотором смысле духовный отец Братства) нашел карты местности, где находилась таинственная Книга, и предложил отправиться на ее поиски:

Тут-то и выяснилось, что изрядная часть посвященных вообще не верила в существование Книги. Для них это была лишь великая идея. Другие, которых следовало бы зачислить в разряд крайних пессимистов, признавали, что Книга реально существует, но полагали, что мир еще не готов ее принять. Быть может, из них и выросли будущие революционеры. И только совсем уж немногие считали, что за Книгой можно и даже должно отправиться. Они верили, что Книга способна изменить историю¹¹.

Так на первый план повествования выходят Маркиз де Шевийон, богач де Берль и шевалье д'Альби, движимые общей надеждой обретения Книги, но, как выяснится позднее, совсем по-разному понимающие и ее смысл, и ее назначение. Эта деталь очень важна: изначальное мировоззренческое „несовпадение” членов Братства позволяет автору сделать мотив книги многогранным. О. Токарчук создает символический, а не аллегорический образ, вкладывая тем самым в него присущую символу многозначность, неисчерпаемость.

Конечно же, Книга в романе имеет легендарное происхождение, а ее земная история крайне загадочна и запутанна. Начало укрыто во тьме доисторических времен, когда некому было оценить значение Книги; потом, в античном мире, о ней ничего не слышали. Из небытия она возникает в 1378 году; ею владеют арабы. Некий голландец (известны только его инициалы И. Р. С.), учававший на Востоке философию, стал новым обладателем Книги, но в тот момент, когда он возвращался на родину, им овладели сомнения, и Книга была спрятана в некоем месте, специально для того созданном, в неприступном горном ущелье. За Книгой голландец решил вернуться тогда, когда человечество будет готово ее принять, – для этого им и было основано Братство.

Поиск Книги неотделим для странников от поиска Смысла, ибо, „познав смысл, обретаешь Мощь”¹². Всякий раз, как автор в разговоре с читателем переходит на язык аллегорий (а маркером тому является элементарная заглавная буква), происходит переключение регистра: от обыденного, мирского – к сакральному, божественному. Поэтому неминуемо сопоставление человеческого и надчеловеческого начал, отношения между которыми неоднозначны.

---

¹⁰ Там же, с 23.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с 28.

Впервые упоминание об этом происходит в рассказе о голландце, основателе Братства:

Голландец, умирая, ощутил на мгновение подступающее со всех сторон тепло и беспредельную ясность. Поднял взгляд и увидел устремленные на него огромные, нечеловеческие глаза Бога¹³.

В этом кратком фрагменте очевиден элемент принципиальной чуждости, инаковости, существующей между человеком и Богом.

А позднее Маркиз в своих размышлениях заметит:

Только дети, недоумки и волшебники знают, как оно есть на самом деле. Они чувствуют, что у Бога мало общего с миром людей, и единственное, что в этом мире непосредственно исходит от Бога, – смысл существования каждого предмета да человеческое воображение, способное соединять события в цепочки. Всякая вещь, всякое событие имеют свое, особое значение, являющееся как бы их сутью¹⁴.

Таким образом, человеку дано устанавливать связи между вещами и событиями, но никто не гарантирует, что эти связи верные, так как смысл, идущий от Бога, для человека сокрыт и может быть понят неправильно. Весь путь, избранный и осуществляемый людьми, может в итоге оказаться ошибкой; видимо, поэтому по мере продвижения по пути, ведущему к Книге, экспедиция распадается. Но поиск позволяет уточнить значения, вкладываемые в Книгу членами Братства. Для Маркиза де Шевийона всякая книга – отражение Книги и ее отблеск. По его мнению, люди пытаются приблизиться к истине через творчество, через научный поиск, иногда полагаясь на случай, который поможет найти нужную комбинацию слов и фраз. Но что достойно описания? Действительно ли все, как предполагает Маркиз? И тогда складывающаяся из разных текстов картина мира рискует превратиться в необъятное полотно, увидеть и постигнуть смысл которого сможет, вероятно, только Бог. А есть ли тогда смысл в человеческом творчестве, если оно предназначено не для людей? Для Маркиза смысл несомненен:

Любая книга сравнима с человеком. В ней содержится некая независимая, живая и обособленная часть истины, она сама – вариант этой истины, героический вызов, брошенный Истине, дабы та явила себя и позволила нам жить дальше уже с блаженным ощущением полноты познания¹⁵.

Разговор о книге в романе Токарчук сопряжен с темой творчества. Божественное начало, заложенное в человеке, проявляет себя через воображение, которое позволяет художнику увидеть и изобразить нечто, не постигая его сути. Так суть передается как бы сама собой, фиксируется и сохраняется, но для последующих поколений. Есть и другое: подлинное значение творения может открыться, если собрать и правильно расположить „кусочки

---

¹³ Там же, с. 29.

¹⁴ Там же, с. 58.

¹⁵ Там же, с. 113.

огромной мозаики”, – значит, умение упорядочить материал, доступное подлинному творцу, тоже ведет к смыслу. И, наконец, последнее:

Всякая книга, написанная человеком, его перерастает. Человек, который пишет книги, превосходит себя, поскольку предпринимает смелую попытку разобраться в себе и себя назвать. Сам он – лишь действие, хаотическое движение, книга же это действие называет, придает ему смысл и определяет значение. Всякая книга – увенчание действия¹⁶.

Конечно, подобное утверждение возвеличивает творца, наделяя его надчеловеческими возможностями. Но что происходит с тем, кто стоит в начале всего? Заключение встреченного в пути участниками экспедиции рационалиста Берлинга таково: „если Бог написал Книгу, то и Он превзошел в ней самое себя и свое творение.”¹⁷. Сама возможность существования подобной Книги вызывает сомнения:

[...] кто бы мог ее написать? На каком языке? На древнееврейском, на французском? А может, на латыни, чтобы понятнее была в Европе? И, самое главное, чего ради? Зачем были бы нужны кропотливые исследования, медленное, шаг за шагом, приближение к истине, расчеты, доказательства, если бы без них можно было обойтись, взамен прочитав Книгу? Какой тогда смысл в развитии, прогрессе, исканиях и сомнениях человека, его стараниях расширить собственные возможности, если все прояснено и записано в Книге, куда может заглянуть каждый?¹⁸.

Берлингу Книга видится высшим проявлением античеловеческого начала, отрицанием всего, что делает человек, к чему он стремится. Рационалист считает, что Книга не таит в себе высший Смысл, а, напротив, убивает его, поскольку лишает человека права на самоосуществленность. Поэтому эта Книга миру людей не нужна! И Берлинг отказывается от поиска и не присоединяется к экспедиции.

Любопытна третья точка зрения – мнение Делабранша, аристократа, принимающего у себя Людей Книги, чей путь случайно прошел через его поместье. Делабранш – ученый, но его пристрастие связано с оккультными науками. Обладатель уникальной библиотеки, ценитель книжной мудрости, он делает важное замечание:

Знание, дарованное откровением, не передашь другому. В противном случае нам сейчас уже нечего было бы делать: ведь и до нас жило множество просвещенных и вдохновенных людей¹⁹.

Суть познания – постепенное постижение истины. Слово несовершенно: тот, кто использует слова, всегда сообщает только часть того, что хотел бы

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 127.

¹⁹ Там же, с. 177.

сказать. Делабранш, как он считает, открыл верный способ донесения истины до читателя: „чувствительность к неочевидному”.

Для Маркиза встреча с Делабраншем тоже стала открытием: он перестал культивировать книгу как де Шевийон, он тоже начал сомневаться в Книге. Но его сомнение не стало поводом ни для отказа от поиска, ни для разочарования. Маркиз обрел собственное понимание Книги, ее содержания, ее смысла, ее назначения. Но Маркизу не суждено было найти книгу: смерть помешала дойти до конца пути. Можно сказать, что возникший в его сознании образ Книги является условным: это образ-откровение, который чрезвычайно важен для него, стоящего на пороге в иной мир. Он видит себя пребывающим в огромном беспредельном пространстве, которое своей формой напоминает книгу. А все, что он знал, предстает перед ним как отдельные буквы, среди которых он обнаруживает и себя. Буквы выстраиваются в определенном порядке, формируют мир, имеют свое звучание, „будто отдельный голос в многоголосом хоре”.

Как и голландец, в последние минуты жизни Маркиз испытывает радость – радость оттого, что он нужен, что „без него слово, которое он творит вместе с другими знаками, было бы неполноценным”²⁰. В обретении ясности и покоя Маркиза есть надежда на возможность человеческой осуществленности: какую бы малую роль ни играл живущий на земле, он незаменим. Но понять этот момент можно только через призму высшего, надчеловеческого начала, поднявшись над текстом человеческих судеб, посмотрев на него сверху как на страницу книги. Именно поэтому Маркиз и отвечает на вопрос „для кого раскрыта эта книга” следующим образом: „Книга была раскрыта для неба”²¹.

В отличие от Маркиза, читателю позволяют увидеть искомую Книгу, и у нее окажется совершенно материальный, даже „приземленный” образ: большая книга в полуистлевшем деревянном переплете, покрытая толстым слоем пыли. Напомним: Гош – случайный герой в этой истории, но именно ему удастся найти Книгу, о которой он так много слышал от Маркиза:

[...] огромный том с бесчисленным множеством маленьких черных закорючек, выстроившихся в нескончаемые шеренги, будто войско, готовое к атаке. Если перевернуть страницу – то же самое. [...]. Иногда его глаз наткнулся на какие-то волнистые линии, непонятные рисунки – потом опять шли черные значки. Гош переворачивал страницы, наверно, не одну тысячу раз – такой огромной была Книга²².

Гош понимает только одно: эти значки что-то значат, они таят в себе смысл. Но, как и он сам, – книга остается немой. Гош в конце общего пути остается совершенно один: прочих убила лихорадка (но можно сказать, что поиск). Символичен ли финал романа? Наверняка, ведь весь текст пронизан символами и иносказаниями. Следовательно, читатель может предположить, что человечество все еще не готово к тому, чтобы обладать Книгой, – поэтому

---

²⁰ Там же, с. 229.

²¹ Там же.

²² Там же, 236.

Книга не допускает к себе тех, кто способен ее прочитать. Наедине с книгой – только немой и неграмотный мальчик, в отчаянии бьющий по книге кулаком, словно наказывая ее за то, что в этом поиске он потерял людей, ставших ему семьей, а взамен не обрел ничего. Как и все человечество, которое по-прежнему остается в неведении относительно того, что же написано в Книге.

Но не нужно забывать о том, что сказано о Гоше в начале романа: Величайшей мечтой Гоша было: суметь когда-нибудь сказать: „Я – Гош” – и таким образом извлечь себя из бездны безымянное²³. Покидая хранилище, в котором Книга остается лежать там же, где она и лежала, мальчик, обращаясь к нарисованным „хранителям книги” – „лупоглазым скелетам”, испугавшим его ранее, скажет: „Я – Гош”²⁴. Этот крик отчаяния позволил мальчику ощутить силу собственного голоса. Теперь он уже не считает себя неполноценным, – ведь он существует и может заявить о своем существовании. Он обрел надежду на то, что сможет проявить свою сущность. Если Гош не умеет читать, но общение с книгой изменило его жизнь, – так, может, все-таки Книга, заставившая людей Братства отправиться на поиски, и есть воплощение Блага, которое способно изменить реальность?

Роман О. Токарчук – это история с открытым финалом. Кто знает, не спротоцирует ли „говорящий” Гош новое странствие? Книга до сих пор лежит там, где Гош ее оставил. Всегда может случиться, что кто-нибудь наконец ее найдет и вернет миру, когда мы будем к этому готовы. Однако в Книге, включающей в себя все, есть частица того, что содержит в себе любая книга. То, что послужило мотивом образования Братства и начала поиска:

Одни искали здесь защиты от мучительной шаткости мира, другие – общения, но были и такие, кто в идеях Братства видел окончательное освобождение и выход за пределы своего времени, за пределы конкретного места, наконец – за пределы самого себя²⁵.

Можно предположить, что причиной популярности романа *Путь Людей Книги* в России становится разворачиваемая в нем метафора чтения. Чтение – это возможность расширения частных горизонтов, это возможность взгляда „сверху” на целостную картину бытия, это путь к смыслу, который открывается в череде отражений – нужно просто научиться читать.

Тематика и мотивная структура романа О. Токарчук о принципиальной недостижимости искомой книги, обусловленной ее сакральной природой, допускают его сближение с достаточно неожиданными текстами, например, с романом Виктора Пелевина *Священная книга оборотня* (2004). Священная книга оборотня, понимаемая как материальный объект, так же остается недоступной для главных героев романа, Александра и лисы А. О книге им известно лишь то, что она существует, но сведений о том, как она выглядит, как она написана, у них нет. Возможно, данная книга – всего лишь идеальное обозначение метафоры пути и способа познания гармонии и высшей тайны бытия,

---

²³ Там же, с. 10.

²⁴ Там же, с. 237.

²⁵ Там же, с. 22.

а сверхоборотень, предполагаемый обладатель данной книги, – это тот, кто „вышел за свои границы, превзошел себя [...], это тот, кого ты видишь, когда долго глядишь вглубь себя”²⁶.

Сакральность книги и в романе Токарчук, и в романе Пелевина объясняет ее закрытый характер и доступность избранным. В свое время Б.В. Дубин в статье *Хартия книги, книга и архикнига в организации и динамике культуры* писал о том, что изначально всякая книга является метафорой „ценности”, но сокрытие книги значительно усиливает ее символическую значимость:

сакральная символика „сокровенной” книги, в противоположность книге „явленной”, как раз в силу своей истинности скрыта [...]. Истинное здесь, как в герменевтических или гностических учениях, равнозначно тайному, а явное, общедоступное, напротив, неподлинно²⁷.

Скрытая тайна книги оборотней доступна лишь лисе А и не может быть передана другому. Все ее попытки донести способ познания книги Александру не приводят к результату: волк-оборотень не способен подняться над материальной стороной мира и мыслить метафорами. Ему нужны конкретные факты и доказательства силы сверхоборотня.

Александр считает, что скрытое от него знание позволит обладателю получить безграничную власть, которая будет выражаться в способности управлять остальными людьми, держать их в повиновении. Само намерение превратить книгу в инструмент, необходимый для достижения его целей, становится препятствием на его пути.

Китайское происхождение книги в романе обуславливает множественные отсылки к древней культуре Китая и к философии буддизма. Впрочем, буддийские притчи и легенды (легенда о знании, оставленном Буддой оборотням, в *Священной книге оборотня*), а также основополагающие представления буддизма о Нирване и Пустоте Пелевиным в романе обыгрываются. Достаточно ироничное использование метафизических представлений философии буддизма о бытии соответствует стилю писателя, который создает свои тексты на границе массовой и „серьезной” литературы.

Именно поэтому высшее знание *Священной книги оборотня*, способное открыть человеку путь к Нирване, следует воспринимать, скорее, как авторскую иронию по отношению к попыткам внедрить древнее буддийское учение в современный мир. Автор строит роман на основе контраста философии буддизма и принципов общества потребления. Тем самым он акцентирует внимание читателя на проблеме снижения роли духовного начала в современном обществе.

Суть истины, заключенной в книге оборотней, связывается в романе с концепцией знания, присущей восточной традиции. Для героев Пелевина знание диалектично, его нельзя полностью воспринять, открыв один раз:

В истине нет ничего такого, что можно понять раз и навсегда. Поскольку мы видим ее не глазами, а умом [...]. Чтобы обладать истиной, надо ее постоянно

²⁶ В. О. Пелевин, *Священная книга оборотня*, Эксмо, Москва 2004, с. 151, 355.

²⁷ Б. Дубин, *указ. соч.*, с. 85.

видеть – или, другими словами, понимать вновь и вновь, секунда за секундой, непрерывно²⁸.

Такое понимание истины связано с представлением о времени и человеке во времени в китайской культуре. Как отмечает А. Генис в книге *Билет в Китай*:

„Я” – всегда существует только в настоящем времени [...]. Мы не останавливаем мгновения, а вглядываемся в них [...]. Они расширяются, раздвигая наше восприятие, впуская в себя новые чувства и мысли. Человек ведет себя как флора, а не фауна – его сознание разрастается²⁹.

Поэтому для главной героини романа лисы А не существует истины, которую можно зафиксировать, сохранить; истина должна познаваться в каждый момент жизни человека, иначе она перестает быть таковой. Возможно, такое понимание и объясняет тот факт, что текст *Священной книги оборотня* не был обнаружен. Скорее всего, он никогда не был зафиксирован в письменном виде и оставался частью духовного наследия:

У тебя останутся мертвые корки слов, а ты будешь думать, что в них по-прежнему что-то завернуто. Так считают люди. Они всерьез верят, что у них есть духовные сокровища и священные тексты³⁰.

Важную роль в романе В. Пелевина, как и в романе О. Токарчук, играет мотив молчания. Вот только в романе Пелевина этот мотив разыгрывается в довольно банальном смысловом контексте: слово звучащее воспринимается как ложь, а молчание – как истина:

Когда тебе задают вопрос „что есть истина?”, ты можешь только одним способом ответить на него так, чтобы не солгать. Внутри себя ты должен увидеть истину. А внешне ты должен сохранять молчание³¹.

Любое слово, будучи произнесенным, теряет свое значение. Согласно книге оборотня, главный ее смысл не может быть облечен в слова – он должен быть понят рассудком. Поэтому слова для постижения истины не играют никакой роли, так как они отделены от нее закрепленностью на материальном носителе.

Этот вывод вновь возвращает нас к проблеме функционирования слова в современном обществе, в котором слово перестает нести какой-то важный смысл и словно теряет свою значимость. Беспорядочное и избыточное использование слов приводит к тому, что человечество перестает верить произнесенному. Истинным становится молчание, которое не может солгать.

В финале романа героиня пытается передать известную ей истину и способ освобождения от брэнного мира Александру. С этой целью она пишет

---

²⁸ В. О. Пелевин, *указ. соч.*, с. 302, 303.

²⁹ А. Генис, *Билет в Китай*, Амфора, Санкт-Петербург 2001, с. 132.

³⁰ В. О. Пелевин, *указ. соч.*, с. 303.

³¹ Там же, с. 304.

книгу, перед тем как навсегда оставить этот мир, чтобы понять свое истинное предназначение:

Ты узнаешь из нее, как освободиться из ледяного мрака, в котором скрежещут зубами олигархи и прокуроры [...]. И может быть, не только ты, но и другие благородные существа, у которых есть сердце и хвост, сумеют извлечь из этой книги пользу³².

Благодаря введению в роман фигуры повествователя, происходит наложение двух текстов: той книги, которую написала лиса А, и текста Пелевина, написанного от ее лица и также описывающего путь к обретению истины. Можно предположить, что читатель романа при условии понимания смысла, заключенного в нем, также сможет познать тайну *Священной книги оборотня*. Таким образом, он предстанет в роли образцового читателя, способного разобратся в загадках, которые предлагает текст. Эта точка зрения подтверждается *Комментариями эксперта*, помещенными перед основным текстом романа.

Роман современного американского писателя Чака Паланика *Колыбельная* (2002) так же обращен к теме недоступности скрытого в книге смысла, но на другом уровне. Автор создает образ книги, обладающей сильнейшим магическим (меняющим реальность) воздействием на мир. Материальный образ книги достаточно четко воссоздается в романе:

Гримуар. Переплет из темно-красной кожи, почти черной из-за того, что ежедневно пользуются постоянно [...]. Это древняя книга. Она написана на архаичном латинском и греческом. Плюс к тому – древние руны, теперь утраченные³³.

Магические тексты, именуемые в книжной традиции „гримуарами”, появились еще во времена Вавилона и Древнего Египта. Зачастую гримуары писались на непонятном или древнем языке, для того чтобы максимально усложнить расшифровку. Такая таинственность гримуаров настораживала человека и вызывала страх, поэтому постепенно они начали восприниматься как книги, где записаны исключительно рецепты черной магии. Однако на самом деле все заклинания в этих книгах производились только именем Высшего божества.

Как и в романе О. Токарчук, герои в силу различных социального статуса, взглядов на жизнь и жизненного опыта по-разному определяют для себя ценность книги. Но они не связывают найденную ими книгу с традицией высшего знания, не вписывают ее в сакральный контекст. Единственное, что их интересует, – сила книги. Каково ее происхождение, чем обосновано магическое воздействие – все это остается за пределами их интересов и по ходу действия не обсуждается.

Как свойственно текстам, дающим какую-либо власть, *Книга теней* становится объектом манипуляции героев, и в то же время она сама, с помощью своей силы, манипулирует героями. Через образ книги Паланик раскрывает

³² Там же, с. 368.

³³ Ч. Паланик, *Колыбельная*, АСТ, Москва 2004, с. 222, 273.

истинную сущность героев. Передавая им определенные магические способности, книга ставит их в зависимость от своей силы, поработав тем самым волю героев, и освобождает самые потаенные желания.

Паланик воспроизводит в романе ситуацию, когда герои не имеют способности оценить и осознать всю важность смысла книги, попавшей им в руки. *Гримуар* – книга, которая изначально имеет ритуальное значение и принадлежит древней культуре. Тексты, зашифрованные в ней, как позднее выясняют герои, по сути таковы, что способны полностью изменить сложившееся мироустройство. Книга заклинаний при умелом использовании может наделить обладателя безграничной властью. В романе ситуация непонимания усугубляется тем фактом, что тексты книги принадлежат совершенно чуждой героям культуре, смысл которой они не в состоянии ни понять, ни адекватно оценить. По сути, речь идет о механическом воспроизведении стихотворных строк, доступном любому, у кого в руках оказывается книга.

Паланик затрагивает важную проблему: в современном обществе происходит перераспределение символической власти, и то, что на протяжении всей письменной культуры считалось важным, несущим исходную ценность, начинает терять свое значение. На первый план выходят не имеющие никакого сущностного наполнения слова, которые в лучшем случае становятся инструментом рекламы в борьбе за потребительский спрос. Это состояние общества нарушает книга с „баюльной песней”, заставляющая задуматься о первоначальной роли слова. Она становится напоминанием о древней разрушительной силе, заключенной в слове, неумелое использование которого может привести к необратимым последствиям. Книга превращает каждое произнесенное и даже проговоренное про себя слово в то, что может убить человека. Нелепая, фантастическая история возвращает слову его смысловую „весомость”, напоминает о том, что слово – это не просто звуковая оболочка, но еще и смысл, способный оказывать прямое воздействие на жизнь и судьбу человека.

В финале романа Ч. Паланика герои так и не осознают сакральное значение гримуара и не становятся избранными обладателями ее тайны. Им удается расшифровать все заклинания книги и даже использовать их. Однако действительной власти над миром, заключенной в книге, они не обретают, поскольку речь идет о фрагментарном, выборочном воспроизведении текста. Герои движимы сугубо утилитарными задачами, они продолжают оставаться в мире, который пытаются только слегка изменить с помощью книги, подкорректировав его, устранив то, что их не устраивает.

Романы У. Эко, М. Павича, О. Токарчук, В. Пелевина, Ч. Паланика позволяют нам говорить о том, что в последние десятилетия художественная литература отражает еще одну „боязнь” современного мира: страх утраты навыка постижения смысла, скрытого в письменном тексте. Начиная с 80-х гг. прошлого века авторы постоянно воспроизводят в романах ситуации, когда человек получает доступ к письменному тексту, но не может понять его истинный смысл. При этом одни писатели, как Павич или Эко, объясняют причины происходящего непонимания и намечают пути его преодоления, другие, как Токарчук, возрождают идею недостижимости сакрального знания, а третьи, подобно Паланику, настаивают на том, что ситуация современности такова, что страх утраты связи с культурой прошлого вполне реален и обоснован.

Литература

Дубин Б., *Слово – Письмо – Культура: Очерки по социологии современной культуры*, Новое литературное обозрение, Москва 2001.

Карьер Ж.-К., У. Эко; *Не надейтесь избавиться от книг!*, SYMPOSIUM, Санкт-Петербург 2010.

Павич М., *Хазарский словарь*, Азбука, Санкт-Петербург 1998.

Паланик Ч., *Колыбельная*, АСТ, Москва 2004.

Пелевин В. О., *Священная книга оборотня*, Эксмо, Москва 2004.

Токарчук О., *Путь Людей Книги*, перевод с польского К. Я. Старосельской, АСТ, Москва 2002.

Шартье Р., *Письменная культура и общество*, Новое издательство, Москва 2006.

Эко У., *Имя розы*, Книжная палата, Москва 1989.

Obraz książki we współczesnej literaturze: wersje pisarzy rosyjskich i nierosyjskich Streszczenie

W niniejszym artykule analizie poddano motyw i rolę książki w twórczości takich pisarzy, jak U. Eco, M. Pavić, O. Tokarczuk, W. Pielewin i Ch. Palahniuk.

Słowa kluczowe: książka, motyw, symbol, literatura współczesna, U. Eco, M. Pavić, O. Tokarczuk, W. Pielewin, Ch. Palahniuk

Image of a Book in the contemporary Literature: Versions of Russian and Foreign Writers Abstract

In the article on the basis of works of Umberto Eco, M. Pavic, O. Tokarczuk, V. Pelevin, C. Palahniuk examines the interpretation of the image of the book, and motives of the book.

Key words: book, motif, symbol, modern literature, U. Eco, M. Pavic, O. Tokarczuk, V. Pelevin, C. Palahniuk.

Людмила Липская
Тюменский государственный университет
кандидат филологических наук
e-mail: lipskaiali@mail.ru
+7 345 2 360076

Наталья Рогачева

Язык запаха

в поэзии и прозе Бориса Пастернака

В современном литературоведении нет устоявшейся терминологии для интерпретации запахов, представленных в художественном тексте. Статус изображенной ситуации обонятельного восприятия определяется как „сюжет”¹, „мотив”, „дискурс”², запах характеризуется как качественный признак предметно-вещной детали, как „образ”, в том числе и мифопоэтический образ³, ольфакторная метафора. Вынося в заглавие термин „язык”, мы ориентируемся на исследования семиотики и „грамматики” запаха в культурологии⁴ и лингвистике⁵, но в первую очередь исходим из представления самого Бориса Пастернака о запахе как об одном из „языков жизни”.

По точному наблюдению Ежи Фарыно, „запах у Пастернака – это та сфера, где встречаются и объединяются естество человека („Я”) и сущность

¹ И. Манкевич, А.П. Чехов: ольфакторные сюжеты для небольшого рассказа, „Человек” 2010, № 6, с. 146–163; Н. Зыховская, Ольфакторные сюжеты: запах как временная смерть, „Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского” 2013, № 1–2, с. 106–109 и др.

² О различии этих понятий в связи со статусом запаха в художественном мире поэзии см.: Р. Мних *Запах как дискурс в поэзии Анны Ахматовой*, „Новая русистика”, Врпо 2008, № 2, с. 11–15.

³ Г. Козубовская, *О „чахоточной деве” в русской литературе (Пушкин – Ахматова)*, [в:] *Studia Litteraria Polono-Slavica*, вып. 6: *Morbus, medicamentum et sanus – choroba, lek i zdrowie – болезнь, лекарство и здоровье – illness, medicine and health*, PAN, Instytut Slawistyki, Warszawa 2001, с. 271–293. Переработанный и дополненный вариант статьи под заглавием *Архетип „чахоточной девы”* включен в монографию: Г. Козубовская, *Рубеж XIX–XX веков: Миф и мифопоэтика*, Барнаул 2011, с. 230–246.

⁴ О. Вайнштейн, *Грамматика ароматов. Предисловие составителя*, [в:] *Ароматы и запахи в культуре*, сост. О.Б. Вайнштейн, Москва 2003, кн. 1, с. 5–12; см. также: Д. Захарьин, *Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории*, [в:] Там же, кн. 2, с. 280–309 и другие статьи этого издания.

⁵ „В условиях недоверия к мысли и как бы ненамеренного отказа от второй сигнальной системы роль основных природных знаков берут на себя шумы и звуки (например, музыка, от которой герои Платонова плачут), а роль полноценных знаков коммуникации начинают исполнять запахи” (Ю. Михеев, *В мир Платонова – через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки*, Москва 2003, с. 29, http://imwerden.de/pdf/mikheev_v_mir_platonova.pdf).

окружающего мира"⁶. Ольфакторные мотивы и образы связаны с художественной пневматологией поэта и потому просвечиваются философскими смыслами, среди которых важнейшим является „трансформация биологического" в „духовное"⁷. Понимание запаха как феномена реальности, живущего собственной жизнью, или как языка мира, существующего не только в восприятии человека, но и помимо этого восприятия, определяет поэтику ольфакторного пространства прозы и поэзии Бориса Пастернака, а вербализация невербального языка обоняния разворачивается в драматический сюжет.

О принципиальной нетождественности языков природы и психики Б. Пастернак говорил уже в своем первом философско-литературном трактате *Символизм и бессмертие* (1913), содержание которого по памяти изложено в автобиографическом очерке *Люди и положения*:

Доклад основывался на соображении о субъективности наших восприятий, на том, что ощущаемым нами звукам и краскам в природе соответствует нечто иное, объективное колебание звуковых и световых волн. В докладе проводилась мысль, что эта субъективность не является свойством отдельного человека, но есть качество родовое, сверхличное, что это субъективность человеческого мира, человеческого рода⁸.

По словам поэта, его поколению пришлось заново осваивать распавшиеся формы сообщения с миром. Не удивительно, что Пастернак пишет О.М. Фрейденберг об обретенной „свободе отношений с жизнью" как о „невообразимом" счастье:

[...] таким мне следовало или таким лучше бы мне было быть в восемнадцать или в двадцать лет, но тогда я был скован, тогда я еще не сравнялся в чем-то главном со всем на свете и не знал так хорошо языка жизни, языка неба, языка земли, как их знаю сейчас. (Москва, 29 июня 1948)⁹.

Стремлением к полноте освоения „языка жизни" во многом продиктованы как богатство ольфакторной образности, так и точность деталей, характеризующих обонятельное восприятие. При этом отчетливо проявляется избирательность в выборе предметов – носителей одорического признака: у Пастернака пахнет природа, быт, событие, состояние, но не человек. Исключением, лишь подчеркивающим общую закономерность, служит запах рук, воссозданный по памяти, например, в стихотворении *Образец*:

---

⁶ J. Faruno, *Поэтика Пастернака („Путевые заметки", „Охранная грамота")*, Wien 1989, с. 14.

⁷ Там же, с. 215.

⁸ Б. Пастернак, *Собрание сочинений*, в 5 т., Москва 1990, т. 3, с. 320. Далее ссылки на произведения Б. Пастернака приведены по этому изданию в тексте работы с указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁹ *Переписка Бориса Пастернака*, сост. Е.Б. Пастернак и Е.В. Пастернак, Москва 1990, с. 246.

С тех рук впивавши ландыши,
 На те глаза дышав,
 Из ночи в ночь валандавшись,
 Гормя горит душа. (т.1, с. 126)

Источник запаха в тексте не назван, тема любви присутствует имплицитно, поэтому „руки” могут означать и руки любимой женщины (с учетом отсылки к стихотворению И. Анненского *Дальние руки*, где ладонь уподобляется стеблю растения и поэтому наделяется одорическим признаком), и – метафорически – руки жизни („чудо жизни”), одухотворенной любовью, ее дар, и побудительный мотив для возвращения в прошлое.

Ни персонажи прозаических произведений, ни тем более лирический субъект не характеризуются непосредственно с помощью ольфакторных деталей. Телесные запахи присутствуют в связи с вещами – как след, оставленный на предмете и полностью ему принадлежащий:

И эта шерсть, и шаг неверный,
 И брюк покрой
 Трактиром пахли на Галерной,
 Песком, икрой (Матрос, т. 1, с. 259).

Даже в тех случаях, когда запах по видимости соотносится с персонажем, с изображением толпы, он манифестирует не тело, а слово, поступок, историю:

Пахнет волей, мокрою картошкой,
 Пахнет почвой, норками кротов,
 Пахнет штормом, несмотря на то, что
 Это шторм в открытом море ртов (*Лейтенант Шмидт*, т. 1, с. 317).

В приведенном отрывке глагол „пахнет” указывает на суть разговоров, „слухов, толков”, то есть выступает в переносном разговорном значении как свидетельство о приближении революционного „шторма”, как чаяние о воле, сытости и доме (деревне, почве). Повтор глагола, основное значение которого „передавать запах”, уравнивает значимость вещей и настроений. Запахи сырой картошки или кротовой норы можно понимать буквально, поскольку то и другое действительно резко пахнет. Но тогда и абстрактная „воля” приобретает не условный, а вполне реальный запах, вещественное наполнение. Одорический признак в художественном мире Б. Пастернака направлен на выявление внесубъектного смысла как конкретных, так и мыслимых феноменов:

Как сивушный отстой,
 Ударяет нужда
 Перегарами спертого буйства (*Мужики и фабричные*, т. 1, с. 290).

Объективность отмеченного в тексте запаха подтверждается опытом обыденности, ее безусловностью, или, как пишет сам Б. Пастернак в романе *Доктор Живаго*, ее „светом” (т. 3, с. 18). Размышляя о статусе повседневности в художественном мире Пастернака, Б.М. Гаспаров подчеркивает:

Предметы, рассыпанные в стихе, фигурируют в нем не в качестве имманентных поэтических знаков, но именно как предметы, во всей конкретности бытовой фактуры. Первостепенное значение имеют их форма, цвет, материал, степень изношенности, вызываемые ими тактильные, слуховые, вкусовые ощущения, главное же – их бытовое назначение, те ситуации каждодневной жизни, о которых присутствие этих предметов сигнализирует, и соответственно те человеческие взаимоотношения и роли, те привычные, как реплики некоей бытовой пьесы, домашние действия и сопровождающие их речения и жесты, которые связаны с этими ситуациями¹⁰.

Поэтический словарь Б. Пастернака включает в себя природные запахи, традиционно присутствующие в произведениях классической литературы, – запахи сада, леса, степи, цветов, деревьев и др. Но зачастую трактовка смысла и происхождения ольфакторного образа идет вразрез с книжными ассоциациями. Приведем одно из наиболее характерных описаний, где историко-бытовая мотивировка „литературного” запаха в корне меняет его значение:

– Чем это так все время пахнет в деревне? – спрашивал Гордон. – Я с первого дня заметил. Так слащаво-приторно и противно. Как мышами.
– А, я знаю, о чем ты. Это – конопля. Тут много конопляников. Конопля сама по себе издает томящий и назойливый запах падали. Кроме того, в районе военных действий, когда в коноплю заваливаются убитые, они долго остаются необнаруженными и разлагаются. Трупный запах очень распространен здесь, это естественно (*Доктор Живаго*, т. 3, с. 117–118).

Заметим, что тургеневская ассоциация запаха конопли с воспоминанием о России не перечеркивается полностью. На символическом уровне реминисценция одного из самых известных одорических образов русской классики служит для формирования мысли об умирании той страны, о которой тосковал герой повести *Ася*. В свою очередь и „слащавый” запах конопли сообщает не о смерти вообще, а о смерти России, какой ее видел XIX век.

Семантика запахов природы обусловлена, по Пастернаку, опытом истории, культуры, повседневности. Собственно, только через историю (вербализованное ощущение, память, общечеловеческий опыт) язык запаха и получает свой сколько-то определенный смысл, не сводимый к тождеству содержания ольфакторного признака и его носителя: „Когда Гордон проезжал околицей, издававшей запах аптекарской ромашки и йодоформа, он думал...” (т. 3, с. 113). Оба запаха указывают на близкое присутствие военного лазарета, однако указывают по-разному: йодоформом, как и следует, пахнет из больничных палат, а аптекарская ромашка попадает в поле восприятия персонажа отчасти случайно, она растет не потому, что рядом располагается госпиталь.

¹⁰ Б. Гаспаров, *Борис Пастернак: по ту сторону поэтики*, Москва 2013, с. 197.

Запах ромашки опережает конкретное событие, поскольку терминологически точное название растения („аптекарская“) уже содержит отсылку к теме болезни и лекарств.

Закономерно, что накопление пространственных перцептивных признаков преобразуется в характеристику времени. Так, в повести *Детство Люверс* запахи болезни становятся метафорой времени:

Припухлое горлышко лампы пылало, обложенное усиками герани и гелиотропа. К жару стекла сбегались тараканы и осторожно тянулись часовые стрелки. Время ползло по-зимнему. Здесь оно нарывало. На дворе – коченело, зловонное. За окном – сновало, семенило, двоясь и троясь в огоньках. (т. 4, с. 79).

Основой метафорического переноса служит визуальное сходство керосиновой лампы и болезненного гнойника. Причем сходство устанавливается как будто само собой, без участия человеческого разума, силою вещей (лампа в окружении домашних цветов) и силой языка. Визуальная метафора поддерживается акустическим сходством языковых знаков: **горлышко – герани – гелиотропа**. Если герань – обычный цветок мещанского обихода, то гелиотроп (солнечный цветок) оказывается в комнате почти случайно – его появление продиктовано, скорее, фонетической и семантической логикой, а не только логикой повседневности. Гелиотроп – метафора отраженного света лампы, который изливается из окна и „коченеет“ во дворе как застывший на морозе гной из нарыва. Поэтому время и определяется эпитетом „зловонное“. Но психологически этот эпитет подготовлен всем ходом предшествующих событий в жизни Жени Люверс. Тема болезни отмечается в описании природы:

[...] булыжник густо порос кудрявой травкой, издававшей в послеобеденные часы кислый лекарственный запах, какой бывает в зной возле больниц (т. 4, с. 55).

Запах вещей вызывает у героини повести предчувствие беды:

Крошечные блузки издавали гнетущий и теснящий запах подмышников и коленкора. Пахло фиалкой, и шкаф был иссиня-черен, как ночь на дворе и как тот сухой и теплый мрак, в котором двигались эти леденеющие блистания (т. 4, с. 75).

Запахи урбанистического пространства (города, быта, техники) входят в поэтический словарь Б. Пастернака наравне с классическими запахами природы, они нередко называются в общем синонимическом ряду или в близком контексте, связываются сюжетом или речевой фигурой. Так, в стихотворении *На пароходе* (1916) запах человеческого быта „подслушан“ речным сумраком и разносится им, как разносятся сплетни. Происходит характерная для художественного мира Пастернака подмена, когда в качестве говорящего субъекта выступает природа, а темой ее разговоров становится человек:

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
На Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл (т. 1, с. 101).

Запах уподобляется сказанному слову, имеющему „понятно выраженный смысл” (т. 3, с. 89), если для него находится аналогия в сфере культуры. Запах без „истории”, не наполненный личным или чужим человеческим опытом, вызывает ощущение „обморока сознания”, как пишет Пастернак в *Охранной грамоте*. Уже в ранней лирике обозначилась тенденция к смысловой мотивировке ольфакторных определений, результат которых сопоставим с диагнозом болезни:

Гроза близка. У сада пахнет
Из усыхающего рта
Крапивой, кровлей, тленьем, страхом.
Встает в колонны рев скота.

На кустах растут разрывы
Облетелых туч. У сада
Полон рот сырой крапивы:
Это запах гроз и кладов (*Три варианта*, 1915, т. 1, с. 88).

Данным фактом отчасти объясняется дублирование ситуаций обонятельных восприятий в стихах и прозе, когда прозаический текст развертывает едва намеченный в стихотворении признак, представляя собой художественный комментарий к лирическому образу:

Чтобы, комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрой, позади, за гардиной,
Зал, испариной вальса запахший опять (*Заместительница*, т. 1, с. 140).

Сравним в романе *Доктор Живаго*:

Платок издавал смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони, одинаково чарующий. Это было что-то новое в Юриной жизни, никогда не испытанное и остро пронизывающее сверху донизу. Детски-наивный запах был задушевно-разумен, как какое-то слово, сказанное шепотом в темноте. Юра стоял, зарыв глаза и губы в ладонь с платком и дыша им (т. 3, с. 86).

Пастернак с исключительной тщательностью фиксирует оттенки обонятельных впечатлений, разворачивая своего рода историю запаха как обоснование его содержательности. Осмысленность обонятельного образа зависит от его соотношения с опытом воспринимающего субъекта, от ассоциации запаха с другими качествами вещей и с теми или иными событиями. Но не менее очевидна и автономность запахов, их непредумышленность, способность вести собственное существование, не исчерпывающееся значением предметов или человеческих состояний. Причем для Пастернака наиболее важна зрительная (живописная или скульптурная) форма запаха, поскольку она придает обонятельному восприятию мира самоочевидность, представляет язык запаха языком Логоса и логики. Любые виды перцепции могут уподобляться

действию запаха, то есть запах выступает как объяснительный принцип (код) для обозначения зрительного, акустического, тактильного модусов восприятия. Запах представляется субъектом действия, олицетворяется, не только пассивно воспринимается, но и активно меняет мир, участвует в построении зрительного и акустического ландшафта уже на правах языка, обладающего объяснительной способностью:

Бился, щелкал, царил и сиял соловей.

Он как запах от трав исходил. Он как ртуть

Очумелых дождей меж черемух висел.

Он кору одурял. Задыхаясь, ко рту

Подступал. Оставался висеть на косе (*Маргарита*, 1919, т. 1, с. 179).

Форма запаха служит для выявления содержания других перцептивных образов, например акустических, как в приведенном тексте или в стихотворении 1919 года *Зимнее утро. Я не знаю, что тошней...*, где характер звука морозных ветвей определяется через ассоциации с запахом рогожи и тмина:

Треск ветвей – ни дать ни взять

Сушек с запахом рогожи.

Не растряса бы вихрь – связать,

Упадут, стуча, похоже.

Упадут в морозный прах,

Ах, похоже, спозаранок

Вихрь беретса трясть впотьмах

Тминной вязкою баранок (т. 1, с. 212).

Запахи переходят из разряда качественных характеристик в разряд предметов, составляют онтологическую предметность бытия. Поэтому описание запаха, его действие нередко предшествует прямо названному явлению. Инверсия отодвигает встречу с источником запаха, сосредоточивая внимание читателя на самом феномене восприятия, на субъекте перцепции, обратившемся в сплошной орган обоняния. Это сознательное ограничение способа ощущения вводит персонажа или лирического субъекта в мир самой вещи, открывает способ ее существования. Приведем довольно обширную цитату из романа *Доктор Живаго*, чтобы показать, как предельная сконцентрированность на одном сенсорном ощущении оборачивается полнотой представления о мире, выраженном в синестетическом образе:

Тогда, как телеграмма, поданная в дороге, или как поклон из Мелюзеева, вливалось в окно знакомое, точно к Юрию Андреевичу адресующееся благоухание. Оно с тихим превосходством обнаруживало себя где-то в стороне и приходило с высоты, для цветов в полях и на клумбах необычной.

Доктор не мог подойти к окну вследствие давки. Но он и не глядя видел в воображении эти деревья. Они росли, наверно, совсем близко, спокойно протягивая к крышам вагонов развесистые ветки с пыльной от железнодорожной толкотни и густой, как ночь, листвой, мелко усыпанной восковыми звездочками мерцающих соцветий.

Это повторялось весь путь. Всюду шумела толпа. Всюду цвели липы.

Вездесущее веяние этого запаха как бы опережало шедший к северу поезд. Точно это был какой-то все разъезды, сторожки и полустанки облетевший слух, который едущие везде заставляли на месте распространившимся и подтвержденным (т. 3, с. 157).

Язык запаха, транслированный акустической формой слова, заведомо метафоричен: несовпадение смыслов слова-запаха и звучащего слова определено разностью их природы, генезиса, способа образования и истолкования. Как пишет М. Окутюрье, „стремление к предельной непосредственности словесного отклика на мимолетное впечатление-ощущение – вот, пожалуй, основная черта поэтики раннего Пастернака – и, с некоторыми оговорками, и Пастернака вообще”¹¹. Об органической поэзии, где слово неразделимо с природой, Б. Пастернак говорит как о недостижимом стремлении художника, как о вечном приближении к „сути” явлений:

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты (Во всем мне хочется дойти..., 1956, т. 2, с. 73).

Ключевой проблемой ольфакторики Пастернака является перевод невербального языка природы и быта на язык искусства и человеческий язык в целом. Семантика ольфакторного образа в равной мере зависит от специфики обоих языков: морфология и акустика слова играют ту же роль, что и морфология реального объекта, его биологические свойства. Однако основной формой прояснения смысла ольфакторного высказывания служит углубление не в химико-физический мир, а в мир вербальных связей, в мир слов. Прокомментируем в данном аспекте лишь один фрагмент стихотворения *Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...*:

У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грозу лиловы глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт (т. 1, с. 112).

Как отмечает С.Н. Бройтман, ассоциативная связь „горизонта” и „сырой резеды” продиктована акустическим сходством: „гроза, глаза, газоны,

---

¹¹ М. Окутюрье, *Поэт и философия (Борис Пастернак)*, [в:] „Литературоведение как литература”: Сборник в честь С.Г. Бочарова, Москва 2004, с. 263.

сыройрезедой и горизонт”¹². Не меньшее значение имеет и цветовое соответствие: цветы душистой резеды имеют оттенки от беловатого до темно-бурого, что вполне согласуется с лиловым цветом газона и горизонта в грозу. И в то же время резеда может мыслиться как нечто, находящееся за границей визуального восприятия, и потому ее запах служит вестью о будущем. В формировании семантики запаха участвует этимология слова – ботанического термина: свое название резеда получила от глагола „исцелять, лечить”. Следовательно, горизонт – будущее – несет в себе идею возможного очищения души от грозных разрывов страсти. Наконец, литературный фон привносит в образ неопределенную модальность: от „резеды и жасмина”, которыми грибоедовский Молчалин соблазняет горничную Лизу, до упоминания резеды в символистских текстах Федора Сологуба (*Мелкий бес*) и Иннокентия Анненского – *Струя резеды в темном вагоне*. Причем стихотворение Анненского сближается с *Сестрой моей – жизнью...* общим мотивом железной дороги.

Лирический субъект Б. Пастернака опосредует связь языков, переход из одной знаковой системы в другую. Сенсорные признаки выступают как автотонный язык вещи, ее собственный голос, а вопрос перевода этого языка на единственно доступный человеку вербальный язык оказывается вопросом жизни и условием сохранения культуры.

Литература

- Бройтман С., *Поэтика книги Бориса Пастернака „Сестра моя – жизнь”*, Москва 2007.
- Вайнштейн О., *Грамматика ароматов. Предисловие составителя*, [в:] *Ароматы и запахи в культуре*, сост. О.Б. Вайнштейн, Москва 2003.
- Гаспаров Б., *Борис Пастернак: по ту сторону поэтики*, Москва 2013.
- Захарьин Д., *Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории*, [в:] *Ароматы и запахи в культуре*, сост. О.Б. Вайнштейн, Москва 2003, кн. 2.
- Зыховская Н., *Ольфакторные сюжеты: запах как временная смерть*, „Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского” 2013, № 1–2.
- Козубовская Г., *О „чахоточной деве” в русской литературе (Пушкин – Ахматова)*, [в:] *Studia Litteraria Polono-Slavica*, вып. 6: *Morbus, medicamentum et sanus – choroba, lekizdrawie – болезнь, лекарство и здоровье – illness, medicine and health*, Warszawa 2001.
- Козубовская Г., *Рубеж XIX–XX веков: Миф и мифопоэтика*, Барнаул 2011.
- Манкевич И., А.П. Чехов: ольфакторные сюжеты для небольшого рассказа, „Человек” 2010, № 6.
- Михеев Ю., *В мир Платонова – через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки*, Москва 2003, http://imwerden.de/pdf/mikheev_v_mir_platonova.pdf.
- Мних Р., *Запах как дискурс в поэзии Анны Ахматовой*, „Новая русистика”, Врно 2008, № 2.
- Окутюрье М., *Поэт и философия (Борис Пастернак)*, [в:] „Литературоведение как литература”: *Сборник в честь С.Г. Бочарова*, Москва 2004.
- Пастернак Б., *Собрание сочинений*, в 5 т., Москва 1990.

¹² С. Бройтман, *Поэтика книги Бориса Пастернака „Сестра моя – жизнь”*, Москва 2007, с. 204.

Переписка Бориса Пастернака, сост. Е.Б. Пастернак и Е.В. Пастернак, Москва 1990.

Faryno J., *Поэтика Пастернака („Путевые заметки“, „Охранная грамота“)*, Wien 1989.

Język zapachu w poezji i prozie Borysa Pasternaka

Streszczenie

W niniejszym artykule analizie podlega specyfika językowa zjawiska „olfactoryzmu” w prozie i poezji Borysa Pasternaka, a także sposoby semantyzacji i werbalizacji zmysłu węchu w twórczości poety.

Słowa kluczowe: Borys Pasternak, poetyka, przestrzeń „olfaktoryczna”, język zapachu, motyw, metafora „olfaktoryczna”

The Language of Scent in Poetry and Prose of Boris Pasternak

Abstract

The article considers linguistic nature of olfactory imagery in poetry and prose of Boris Pasternak. Mechanisms of semantization of smell as a „clearly understood” language of life are outlined. The author’s principles of verbalization of olfactory sense are stated.

Key words: Boris Pasternak, poetics, field of the olfactory, motive, olfactory metaphor

Наталья Рогачева
Тюменский государственный университет
доктор филологических наук
e-mail: tmnna@mail.ru
+7 9123899200

Paulina Balandyk

Poglądy glottodydaktyków-rusycystów na nauczanie gramatyki obcojęzycznej (rosyjskiej) w polskiej szkole

Opanowanie gramatyki mowy obcojęzycznej jest jednym z podstawowych warunków kształtowania czterech podstawowych sprawności językowych, tj. mówienia, czytania, pisania i rozumienia ze słuchu. Zadaniem zaś nauczyciela jest dobór odpowiednich technik prezentacji struktur gramatycznych oraz typów wnioskowania. W literaturze glottodydaktycznej można znaleźć wiele wskazówek i porad, jak uczyć gramatyki i czy w ogóle jej uczyć. Zwolennicy poszczególnych metod nauczania języka rosyjskiego, opracowali swoje koncepcje dotyczące prezentowania materiału gramatycznego. Niektórzy, tak jak Włodzimierz Gałęcki, Zoja Skrundowa, Janusz Henzel, Władysław Woźniewicz poświęcali gramatyce pedagogicznej wiele miejsca, inni (Ludwik Grochowski, Piotr Nomańczuk, Olgierd Spirydowicz, Mieczysław Dziekoński) kładli nacisk na inne systemy języka, spychając gramatykę na boczne tory.

Jeśli chodzi o nauczanie gramatyki na lekcjach języka rosyjskiego i sposób jej prezentowania to bez wątpienia pierwszym powojennym glottodydaktykiem, który opracował koncepcję nauczania gramatyki języka rosyjskiego w szkole polskiej, był Włodzimierz Gałęcki. Obydwu metodom: dedukcji i indukcji poświęcił sporo miejsca w swych monografiach i artykułach¹. Szczegółowo opisał wraz z przykładami lekcji te dwa sposoby prezentacji gramatyki w nauczaniu morfologii i składni² i pisał o zasadności ich stosowania. Metoda dedukcyjna nazywana również była przez niego sposobem dogmatycznym, w którym „uczniowie do chwili zastosowania ćwiczenia są tylko biernymi odbiorcami tego, co im wyjaśnia nauczyciel”³, zaś metoda indukcyjna – heurystycznym, w którym nauczyciel spełnia tylko rolę pomocnika w samodzielnej pracy uczniów. W. Gałęcki zaleca określony tok pracy przy podawaniu nowego materiału drogą indukcji. Zwraca uwagę, aby nawiązywać do wiadomości uczniów z gramatyki języka polskiego, obserwować i wydzielać potrzebne zjawiska gramatyczne, odpowiednio je szeregować w postaci zapisu na tablicy i w zeszytach oraz uogólniać

¹ Por.: W. Gałęcki, *Nauczanie gramatyki*, PZWS, Warszawa 1953; idem, *Jak uczyć gramatyki i ortografii rosyjskiej*, PZWS, Warszawa 1963.

² W. Gałęcki, *Nauczanie gramatyki*, PZWS, Warszawa 1953, s. 62.

³ *Ibidem*, s. 33.

w postaci reguły czy zasady, zestawiać zjawiska językowe rosyjskie z polskimi, utrwaląc poznane zjawiska gramatyczne przez ćwiczenia⁴. W. Gałęcki zauważa zależność między sposobem prezentacji zagadnień gramatycznych określonym sposobem, a aktywnością uczniów. Nie ulega wątpliwości, że aby była spełniona podstawowa zasada dydaktyczna, to klasa musi być aktywna zawsze. Należy pamiętać, że aktywność przy dedukcji jest inna niż przy indukcji, na co W. Gałęcki zwraca uwagę:

przy indukcji aktywność była twórcza, poszukująca [...] przy dedukcji aktywność uczniów moglibyśmy nazwać stwierdzającą i niejako wspomagającą nauczyciela przy jego wyjaśnieniach⁵.

W. Gałęcki słusznie zwraca uwagę na aktywność, jaką wykazują się uczniowie w zależności od stosowanych metod prezentowania materiału gramatycznego. Oczywiście jest fakt, że samodzielne wysnuwanie wniosków przez uczniów, sprawia im większą satysfakcję, niż podawanie gotowych reguł przez nauczyciela. Uczniowie jednak muszą być zmotywowani do działania i chcieć wykazywać się aktywnością, a to już w dużej mierze zależy od nauczyciela.

Piotr Nomańczuk, a wraz z nim inni przedstawiciele metody aktywnej w Polsce, uważali, że prezentacja struktur gramatycznych powinna odbywać się tylko w formie ustnej. Nie należy podawać uczniom reguł i komentarzy. Zalecali, aby wprowadzanie i przyswajanie struktur gramatycznych miało miejsce przy użyciu ograniczonego zasobu słownikowego. Jeśli chodzi o nauczanie materiału gramatycznego, wyróżnili 4 etapy. Pierwszy z nich polega na wdrażaniu uczniów do używania przez naśladowanie pewnej ilości poprawnych form gramatycznych. Na drugim etapie następuje rozpoznawanie tych form bez wyciągania wniosków, gdyż jak twierdzi P. Nomańczuk, aby opanować jakąś formę „trzeba ją najpierw bezbłędnie rozpoznać w mowie i piśmie”⁶. Dopiero po rozpoznaniu przez uczniów danego zagadnienia można przejść do trzeciego etapu, tj. zapoznania ze zjawiskiem gramatycznym. Czwarty etap stanowią „ćwiczenia w praktycznym tworzeniu przez analogię i w oparciu o poznana zasadę danych form do nowych wyrazów”⁷. P. Nomańczuk zwraca również uwagę na ograniczoną rolę gramatyki i uważa, że

gramatyka nie może, oczywiście, stanowić wyodrębnionego elementu w procesie nauczania, lecz musi być organicznie włączona w pozostałe działy pracy nad językiem. Nie może więc być lekcji, czy też części lekcji poświęconych gramatyce, ale też nie powinno być takich godzin, w których by nauczyciel nie uczył używać poprawnych form gramatycznych⁸.

Podsumowując rozważania nad nauczaniem gramatyki, P. Nomańczuk stwierdza, że „należy podchodzić do niej wyłącznie praktycznie”⁹.

---

⁴ W. Gałęcki, *Jak uczyć gramatyki...*, *op. cit.*, s. 43.

⁵ *Ibidem*, s. 46.

⁶ P. Nomańczuk, *Aktualne zagadnienia metodyczne w nauczaniu języka rosyjskiego*, PZWS, Warszawa 1967, s. 48.

⁷ *Ibidem*, s. 49.

⁸ *Ibidem*.

⁹ *Ibidem*.

Nie można zgodzić się z zaleceniami zwolenników metody aktywnej, aby gramatyki uczyć wyłącznie ustnie i nie wyjaśniać zagadnień gramatycznych, ani nie podawać reguł. Takie podejście do nauczania gramatyki języka rosyjskiego nie sprawdza się w szkole średniej. Uczniowie mają dużą świadomość językową, chcą mówić poprawnie, a bez znajomości gramatyki zarówno praktycznej, jak i teoretycznej jest to niemożliwe. Powołując się na swoje doświadczenie, autorka niniejszej pracy uważa, że nauczanie zagadnień gramatycznych języka rosyjskiego w szkole średniej metodą aktywną jest niemożliwe.

W metodzie reproduktywno-kreatywnej gramatyka zajmuje ważne miejsce. Wedle systemu nauczania panującego w polskiej szkole w latach 80. i 90. XX wieku, jej wprowadzanie rozpoczyna się na III etapie nauczania w klasie piątej. Prezentacja materiału gramatycznego odbywa się na bazie wiedzy uczniów z zakresu gramatyki języka polskiego i „zakłada świadome opanowywanie przez uczniów elementarnej wiedzy językowej, która stanowi podstawę dla kształtowania ich kompetencji językowej”¹⁰. W nauczaniu gramatyki, na tym etapie, wykorzystywane są teksty i dialogi zamieszczone w podręczniku, opatrzone dodatkowo regułą, komentarzem w języku polskim oraz zestawem ćwiczeń o charakterze gramatycznym. Zgodnie z założeniami metody reproduktywno-kreatywnej,

Materiał gramatyczny, zawarty w podręczniku, obejmuje zarówno wskazane przez program kategorie semantyczne, jak i reguły gramatyczne oraz wzorce odmiany (paradygmaty fleksyjne) czasowników i rzeczowników, opatrzone zwięzłym komentarzem, sformułowanym w języku polskim. W podręczniku przestrzegana jest zasada ścisłego powiązania materiału gramatycznego z tekstem czytanki i dialogu. Poszczególne zagadnienia są wprowadzane w logicznie usystematyzowanej kolejności, umożliwiającej korelowanie nowo wprowadzonych wiadomości z wiadomościami, wprowadzonymi uprzednio¹¹.

W związku z brakiem odpowiednich podręczników szkolnych dla liceów i techników, na nauczyciela spoczywa dobór i odpowiednie przygotowanie materiału gramatycznego. Nie przewiduje się oddzielnych lekcji, czy też ich fragmentów poświęconych wyłącznie nauczaniu gramatyki. Materiał gramatyczny może być prezentowany zarówno sposobem indukcyjnym, jak i dedukcyjnym, a jego nauczanie przebiega w korelacji z leksyką i ortografią. Zwrócono uwagę (wcześniej tę zależność docenił W. Gałęcki), że wiele zasad ortograficznych ma równocześnie charakter gramatyczny. Janusz Henzel sugeruje, by w nauczaniu gramatyki języka rosyjskiego stosować różnorodne ćwiczenia i docenić udział ćwiczeń translacyjnych w przyswajaniu tego materiału. Zwraca uwagę, że ćwiczenia w tłumaczeniu krótkich zdań z polskiego na rosyjski „służyć powinny nie tylko do kontrolowania stopnia przyswojenia materiału gramatycznego, ale i do wdrażania tego materiału”¹².

---

¹⁰ D. Dziewanowska, *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w klasach V i VI szkoły podstawowej*, Prace monograficzne Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie, nr 175, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1994, s. 70.

¹¹ *Ibidem*, s. 76.

¹² J. Henzel, *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978, s. 81.

Założenia metody reproduktywno-kreatywnej sprawdzają się w nauczaniu zagadnień gramatycznych w szkole średniej, co miała okazję zweryfikować autorka niniejszego artykułu. Przeprowadziła ona eksperyment dydaktyczny, który wykazał, iż krótkie ćwiczenia translacyjne optymalizują przyswajanie materiału gramatycznego. Zauważono, także dobroczynny wpływ odwołań do wiedzy uczniów z zakresu gramatyki języka polskiego oraz zasadność stosowania komentarzy gramatycznych, które ułatwiają uczniom przyswajanie wiedzy z tego zakresu. Dzięki zaś korelacji gramatyki z leksyką i ortografią, jej nauczanie przebiega w sposób płynny i nie jest dla uczniów nużące.

W metodzie sytuacyjno-czynnościowej prezentacja nowego materiału leksykalno-gramatycznego polega na przytoczeniu przez nauczyciela wzoru, który to uczniowie mają jak najczęściej stosować w praktyce. Według Mieczysława Dziekońskiego przy nauczaniu gramatyki należy wykorzystywać poglądowość, tj. obserwację, doświadczenie oraz stosować pomoce naukowe. Wprowadzanie i utrwalanie zaś struktur językowych powinno odbywać się w drodze kojarzenia ich z otaczającym światem. Należy podawać uczniom gotowe wzorce językowe a nie odrębne wyrazy, co przyczynia się do stosowania przez uczniów form leksykalno-gramatycznych w formie komunikacyjnej. Dziekoński twierdził, że nauczanie gramatyki spełnia rolę wyłącznie usługową, gdyż celem nauczania języka rosyjskiego jest jego praktyczne opanowanie przez uczniów¹³. Mimo iż był zdania, że gramatyka nie jest celem nauczania, dokonał oceny przydatności stosowania indukcji i dedukcji w nauczaniu gramatyki w warunkach polskiej szkoły. Jeśli chodzi o nauczanie indukcyjne, M. Dziekoński zauważył, że ma ono sporo zalet dla gimnastyki umysłowej, jest jednak zbyt czasochłonne oraz przyczynia się do nadużywania języka polskiego na lekcjach, gdyż cała analiza gramatyczna odbywa się właśnie w języku ojczystym, a nie rosyjskim. Dedukcja, według niego, wydaje się bardziej produktywna dla potrzeb językowych, a stosując ją oszczędzamy cenny czas na ćwiczenia w mówieniu. M. Dziekoński zwrócił uwagę, że metoda dedukcyjna jest

łatwiejsza do przygotowania i przeprowadzenia przez nauczyciela w klasie, a co najważniejsze stwarza możliwości mechanizowania konstrukcji i reguł gramatycznych przy pomocy dużej ilości ćwiczeń utrwalających¹⁴.

Założenia metody sytuacyjno-czynnościowej, podobnie jak metody aktywnej, nie sprawdzają się na lekcjach języka rosyjskiego w szkole średniej.

Ludwik Grochowski stał na stanowisku, że gramatyka jest środkiem ułatwiającym praktyczne przyswojenie języka, a jej rola sprowadza się do czynnika pomocniczego. Traktował gramatykę jako

zbiór wiadomości o języku, które spełniają określoną rolę w prezentacji, objaśnieniu i utrwalaniu materiału językowego i które nie pozostają bez znaczenia w sprawnym i poprawnym funkcjonowaniu aktów ustnej i szczególnie pisemnej komunikacji językowej¹⁵.

---

¹³ M. Dziekoński, *Rola gramatyki w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1964, nr 2, s. 9.

¹⁴ *Ibidem*, s. 8.

¹⁵ L. Grochowski, *Metoda reproduktywno-kreatywna a metoda aktywna*, „Język Rosyjski” 1981, nr 3, s. 149.

L. Grochowski zaproponował w odniesieniu do nauczania gramatyki języka rosyjskiego w szkole schemat postępowania: „tekst (prezentacja i semantyzacja przykładów) – wiadomości (objaśnianie) – umiejętności (świadome zastosowanie) – nawyki (ćwiczenia) –> komunikacja – systemowe uogólnienie”¹⁶. Ze schematu wynika, że na wytworzenie kompetencji komunikacyjnych wpływają: dobór tekstów, objaśnianie wiadomości, wykorzystywanie umiejętności w praktyce oraz wyćwiczone nawyki. Odnosząc się do powyższego schematu, L. Grochowski gramatykę nauczaną w szkole nazwał gramatyką dydaktyczną. Uważał, że prezentując materiał gramatyczny nie należy zapoznawać uczniów z paradygmatami ani wykazywać różnic czy podobieństw morfosyntaktycznych między językiem polskim a rosyjskim.

Wydaje się być słuszne używanie terminu gramatyka dydaktyczna w odniesieniu do gramatyki, która jest nauczana w warunkach szkolnych. Nie można jednak zgodzić się z L. Grochowskim, by nauczanie gramatyki przebiegało bez zapoznawania uczniów z wzorcami odmian i pozbawione było komentarza. Odrzucenie możliwości zestawień kontrastywnych języka rosyjskiego z językiem polskim, też nie wydaje się być słuszne. Jak zaobserwowano, wielu uczniów na lekcjach języka rosyjskiego automatycznie szuka różnic i podobieństw do języka polskiego, mając świadomość pochodzenia obu języków.

Terminem gramatyka dydaktyczna posługuje się również Władysław Woźniewicz i definiuje ją: „gramatyka dydaktyczna rozumiana jako opis reguł kompetencji językowej jest pewną wiedzą (zbiorem informacji) o sposobach gramatycznie poprawnego formułowania treści wypowiedzi. Wiedza o tych sposobach jest zawarta w regułach gramatycznych (językowych)”¹⁷. Według W. Woźniewicza, reguły językowe stanowią punkt wyjścia do kompetencji językowej, czyli tworzenia zdań gramatycznie poprawnych i zgodnych z regułami i są pewnego rodzaju instrukcjami, informującymi o sposobach użycia przyswajanych środków języka zgodnie z jego regułami. Zadanie nauczyciela polega na orientowaniu uczniów „w sposobach wykonywania działań i operacji z jednostkami materiału językowego w czynnościach komunikowania się za pomocą zdań zbudowanych poprawnie pod względem gramatycznym”¹⁸. Na wybór sposobu orientowania mogą mieć wpływ: właściwości przyswajanej struktury gramatycznej, stopień zaawansowania grupy językowej i indywidualne właściwości uczniów. Orientowanie uczniów ze zjawiskami gramatycznymi może następować przy pomocy: analogii, transformacji, schematu budowy zdania, wzorca paradygmatu lub słownego rozwiniętego opisu procedury działania w postaci reguły językowej. W metodzie komunikacyjno-czynnościowej nie przewidywano w strukturze lekcji odrębnego ogniwa ani części lekcji na kształtowanie nawyków gramatycznych, zwanych również „internalizacją reguł poprawnego formułowania wypowiedzi”¹⁹. W. Woźniewicz nie podważał jednak zasadności nauczania gramatyki. Uważał, że kształtowanie nawyków gramatycznych należy do centralnych zadań nauki języka obcego. Stał na stanowisku, że gramatykę można opanować w ćwiczebnych czynnościach komunikowania się i przyswajając ją „w kontekście

¹⁶ L. Grochowski, *Gramatyka w nauczaniu języka rosyjskiego w polskiej szkole*, „Język Rosyjski” 1983, nr 5, s. 279.

¹⁷ W. Woźniewicz, *Metodyka lekcji języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa, 1987, s. 163.

¹⁸ *Ibidem*, s. 164.

¹⁹ *Ibidem*.

kształtowania konkretnej formy umiejętności ustnego i pisemnego komunikowania się²⁰. Według W. Woźniewicza, do przyswajania struktur gramatycznych przyczynia się kształtowanie nawykowego operowania jednostkami materiału językowego. W świetle twierdzeń podejścia komunikacyjno-czynnościowego sformułowano wskazówki do działalności praktycznej nad jednostkami materiału gramatycznego i opracowano 4 fazy pracy nad ich przyswajaniem. Faza pierwsza, to prezentacja struktury gramatycznej i poznawanie przez uczniów jej znaczenia i funkcji. Prezentacji zazwyczaj dokonuje nauczyciel, który w toku wypowiedzi „eksponuje strukturę gramatyczną, na ile to możliwe głosem, prezentuje jej zapis w odpowiedniej formie [...], uświadamia jej znaczenie, po czym następuje reprodukcja struktury gramatycznej drogą pytań – odpowiedzi [...]”²¹. Pierwsza faza przyswajania struktury gramatycznej pozwala ukierunkować uczniów na jej kontekst komunikacyjny, dzięki czemu powinni kojarzyć oni jej znaczenie i formę. Druga faza powinna trwać maksymalnie krótko i może mieć formę prostego schematu. W fazie tej, uczniowie są zapoznawani z budową oraz pragmatyczną instrukcją, pozwalającymi zorientować się im „w sposobach operowania jednostkami materiału językowego zgodnie z regułą językową odnoszącą się do budowy struktury gramatycznej”²². Trzecia faza, to etap zasadniczy, który poświęcony jest kształtowaniu nawyku gramatycznego poprzez wykonywanie prostych ćwiczeń quasi-komunikacyjnych, w których formowane są zdania gramatycznie poprawne i zgodne z odpowiednią regułą językową. Ćwiczenia odnoszą się do realnych zadań, potrzeb i sytuacji komunikowania się. Technika komunikacyjna, jak nazywa ją W. Woźniewicz, umożliwia równoczesne

kształtowanie mechanizmu analogii w tworzeniu form wyrazów, sprzyja naturalnemu powstawaniu mechanizmu aktualizacji struktury w świadomości uczącego się odpowiednio do potrzeby czy zadania komunikacyjnego, stwarza możliwości jej uświadomienia i generalizacji w formie pewnego stereotypu, zgodnie z indywidualnymi sposobami (strategiami) uczenia się²³.

W czwartej fazie następuje kształtowanie właściwości nawyków gramatycznych, o których była mowa w poprzednich fazach. Ostatni element stanowią wykonywane przez uczniów zadania w toku mniej lub bardziej naturalnych ćwiczebnych czynności komunikowania się. Uczniowie w ćwiczeniach quasi-komunikacyjnych tego etapu winni skupiać się nie tyle na formie wypowiedzi, co na treści.

W. Woźniewicz wiele miejsca poświęcił gramatyce. Jej nauczanie podzielił na etapy i szczegółowo omówił. Stał jednak na stanowisku, że gramatykę można opanować w ćwiczebnych czynnościach komunikowania się, a do przyswajania struktur gramatycznych przyczyniają się kształtowane nawyki językowe. Słusznie zwrócił uwagę, że na wybór techniki, którą ma być nauczane dane zagadnienie gramatyczne mają wpływ: właściwości przyswajanej struktury gramatycznej, stopień zaawansowania grupy językowej i indywidualne właściwości uczniów.

---

²⁰ *Ibidem*, s. 166.

²¹ *Ibidem*, s. 168.

²² *Ibidem*, s. 169.

²³ *Ibidem*.

Zoja Skrundowa najbardziej szczegółowo opisuje, jak powinna wyglądać praca nad nauczaniem gramatyki języka rosyjskiego. Jej zdaniem, sposób wprowadzania zjawisk gramatycznych ma istotny wpływ na efektywność nauczania. Wymienia ona kilka podstawowych sposobów zapoznawania uczniów z materiałem gramatycznym oraz dokonuje ich analizy pod kątem przydatności stosowania w nauczaniu gramatyki rosyjskiej. Oprócz indukcji i dedukcji, Z. Skrundowa omawia technikę polegającą na posługiwaniu się modelami oraz pytaniami pomocniczymi, a także leksykalnemu wprowadzaniu niektórych zjawisk językowych. Zaletą indukcji jest aktywizacja młodzieży oraz pobudzanie jej do samodzielnego myślenia. Wpływa ona na efektywność procesu poznawczego, „gdyż wiadomości i umiejętności zdobyte własnym wysiłkiem zazwyczaj zostają głębiej zrozumiane i mocniej się utralają w pamięci”²⁴. Z. Skrundowa twierdzi, że technika ta, „[...]kształci zdolności obserwacyjne, umiejętność porównywania i wnioskowania; jest atrakcyjna, zakłada bowiem czynny udział uczniów w procesie poznawczym[...]”²⁵. Jeśli chodzi o wiek uczniów, dla których przewiduje się wykorzystywanie tego sposobu, Z. Skrundowa zaleca, by była to młodzież starsza i będąca do pewnego stopnia zaawansowana w nauce języka. Podaje jednak konkretne przykłady użycia tej techniki w początkach nauczania. Indukcję można traktować jako sposób uniwersalny w wykrywaniu prawidłowości gramatycznych i za jej pomocą wprowadzać różnorodne zjawiska gramatyczne (morfologiczne, składniowe, fleksyjne i słowotwórcze)²⁶. Przeciwną indukcji techniką prezentowania materiału gramatycznego jest dedukcja. W dedukcji to sformułowana reguła oraz odpowiedni materiał przykładowy stanowią punkt wyjściowy. Z. Skrundowa, tak jak W. Gałęcki, zwraca uwagę, że poznawanie nowych zjawisk językowych przez uczniów z wykorzystaniem tej techniki ma charakter bierny, a zarazem jest to najłatwiejszy i najszybszy sposób dla nauczycieli. Autorka zaleca, aby stosować tę metodę „ogłędnie i z umiarem”²⁷, mimo iż nadaje się do prezentacji każdego zjawiska gramatycznego. Z. Skrundowa zwraca uwagę na brak motywacji uczniów na lekcjach, na których wykorzystywana jest dedukcja: „Metoda ta niedostatecznie aktywizuje uczniów, jest dla nich mało atrakcyjna, przy dłuższych objaśnieniach staje się nużąca, a przy częstym stosowaniu może wywołać zniechęcenie”²⁸. W niektórych przypadkach:

„a) gdy indukcyjny sposób podawania konkretnego zjawiska jest zbyt trudny ze względu na charakter danego zjawiska lub z powodu niedostatecznego przygotowania językowego i intelektualnego uczniów na danym etapie nauczania, natomiast wprowadzanie za pomocą modelu nie daje się zastosować;

b) gdy wprowadzenie sposobem indukcyjnym jest niewspółmiernie pracochłonne w stosunku do zamierzonych wyników, a jednocześnie zjawisko nadaje się do przedstawienia w postaci modelu;

c) jeżeli charakter zjawiska nie wymaga wyjaśnień, lecz jedynie krótkiej informacji, wobec czego stosowanie innych metod jest zbyteczne;

---

²⁴ Z. Skrundowa, *Nauczanie gramatyki języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1985, s. 43.

²⁵ *Ibidem*.

²⁶ *Ibidem*, s. 44.

²⁷ *Ibidem*, s. 46.

²⁸ *Ibidem*.

d) w sporadycznych wypadkach, gdy z przyczyn obiektywnych i od nas niezależnych zmuszeni jesteśmy skrócić czas pracy nad danym zjawiskiem lub gdy potrzeba zastosowania tej metody wynika z indywidualnej koncepcji konkretnej jednostki metodycznej²⁹, wprowadzanie nowego materiału sposobem dedukcyjnym jest celowe i uzasadnione.

Zjawiska gramatyczne można prezentować posługując się modelami. Model jest to

schemat określonego typu wypowiedzi (zdania), który daje się napełniać różną konkretną treścią, w wyniku czego otrzymujemy szereg wypowiedzi analogicznych pod względem struktury składniowej i ogólnego celu komunikatywnego, różniących się zaś jedynie treścią szczegółową³⁰.

Zdania będące modelami stanowią wzór, na podstawie którego można budować analogiczne zdania pod względem struktury. Z. Skrundowa docenia tę formę pracy szczególnie w początkach nauczania, gdzie poszczególne modele bywają przyswajane w drodze imitacji i pełnią rolę pomocy pogładowej. Posługiwanie się nimi na tym etapie jest zawężone jednak do kilku konkretnych sytuacji. Praktyczność użycia modeli w pracy nad gramatyką, zauważa się we wprowadzaniu zjawisk składniowych (rekcji, konstrukcji przyimkowych, różnych typów i rodzajów zdań, specyficznych konstrukcji mownych), różniących się budową od semantycznych odpowiedników polskich. Z. Skrundowa opisuje schemat pracy opartej na modelach, gdzie w pierwszej fazie należy zaprezentować uczniom

jedno zdanie, które stanowi realizację danego modelu (tj. schematu wypowiedzi); po zrozumieniu przez uczniów jego znaczenia i struktury składniowej przystępujemy natychmiast do ćwiczeń polegających na wypełnianiu modelu inną szczegółową treścią, czyli na budowaniu analogicznych zdań według podanego wzoru”.

Ćwiczenia przebiegające według powyższego schematu przyczyniają się do wytworzenia „nawyku posługiwania się daną konstrukcją w mowie własnej”³¹. Niektóre zjawiska gramatyczne wprowadza się i utrwalają jedynie leksykalnie przez „pamięciowe przyswajanie – w drodze imitacji i powtarzania – poszczególnych konstrukcji lub oddzielnych form niektórych wyrazów potraktowanych jako zjawiska jednostkowe[...]”³². Stosowanie tej techniki w nauczaniu gramatyki ma różne uzasadnienia i cele oraz jest zależne od poziomu zaawansowania. W początkowym okresie nauczania przyczynia się do gromadzenia materiału gramatyczno-leksykalnego, a także pomaga podjąć pierwsze kroki w porozumiewaniu się w języku rosyjskim. Na dalszym etapie nauki języka, wykorzystywanie przyswajania pamięciowego, przydaje się do wprowadzania zagadnień potrzebnych do realizacji danego tematu, przewidzianych jednak w programie nauczania w klasach wyższych. Przyswajania leksykalnego wymagają również niekiedy zjawiska gramatyczne, które nie dają się wytłumaczyć za pomocą reguł. Należą do nich, przede wszystkim, zjawiska morfologiczne, np.: dopełniacz liczby mnogiej rzeczowników typu: глаз, солдат, сапор итр.,

---

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Ibidem*, s. 44.

³¹ *Ibidem.*

³² *Ibidem*, s. 47.

odmiana rzeczowników: мать, дочь, formy stopnia wyższego niektórych przymiotników i przysłówków: хороший – лучше, высокий – выше, rzeczowniki rodzaju męskiego i nijakiego tworzące mianownik liczby mnogiej za pomocą zakończeń -ья: братья, сыновья, itp. Ostatnim środkiem ułatwiającym przyswajanie materiału gramatycznego, jaki Z. Skrundowa omawia, jest stosowanie pytań pomocniczych i kojarzenie danego zjawiska z tym pytaniem. Ćwiczenia utrwalające polegają na udzielaniu poprawnej gramatycznie odpowiedzi, dzięki użyciu pytania pomocniczego. Autorka zauważa, że w wielu sytuacjach stawianie pytań jest pożądane przy nauczaniu gramatyki, a w niektórych wypadkach wręcz niezbędne, np.: „w pracy nad morfologią przy wprowadzaniu form poszczególnych przypadków”³³, „dla opanowania rekcji poszczególnych wyrazów”³⁴ oraz „przy opanowaniu specyfiki składniowej poszczególnych konstrukcji mownych, różniących się pod tym względem od semantycznych odpowiedników polskich”³⁵.

Z. Skrundowa bardzo szczegółowo omówiła zagadnienia gramatyczne w nauczaniu języka rosyjskiego oraz problemy wynikające z ich nauczania. Dokładnie analizuje materiał gramatyczny i formułuje zalecenia co do sposobów jego prezentowania. Oprócz indukcji i dedukcji, dostrzega potrzebę użycia w „kłopotliwych” przypadkach innych technik, na przykład: posługiwania się modelami, pytaniami pomocniczymi, a także leksykalnego wprowadzania niektórych zjawisk językowych. Techniki zaprezentowane przez Z. Skrundową mają szansę na powodzenie pod warunkiem opatrzenia zagadnienia gramatycznego odpowiednim komentarzem.

W obszernej literaturze glottodydaktycznej jest wiele opracowań poświęconych prezentacji, utrwalaniu i wdrażaniu zjawisk gramatycznych do praktyki językowej. Wiele wskazówek na ten temat można znaleźć w aktualnie obowiązujących programach nauczania języka rosyjskiego. Decyzja jednak o wyborze technik nauczania gramatyki oraz doborze i selekcji materiału gramatycznego w praktyce spoczywa na nauczycielach.

Literatura

- Dziekoński M., *Rola gramatyki w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1964, nr 2, s. 5–10.
- Dziewanowska D., *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w klasach V i VI szkoły podstawowej*, Prace monograficzne Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie, nr 175, Kraków 1994.
- Gałecki W., *Jak uczyć gramatyki i ortografii rosyjskiej*, PZWS, Warszawa 1963.
- Gałecki W., *Nauczanie gramatyki*, PZWS, Warszawa 1953.
- Grochowski L., *Gramatyka w nauczaniu języka rosyjskiego w polskiej szkole*, „Język Rosyjski” 1983, nr 5, s. 272–280.
- Grochowski L., *Metoda reproduktywno-kreatywna a metoda aktywna*, „Język Rosyjski” 1981, nr 3, s. 148–151.
- Grochowski L., *Metodyka nauczania języka rosyjskiego*, PWN, Warszawa 1971.
- Henzel J., *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1978.

³³ *Ibidem*, s. 50.

³⁴ *Ibidem*, s. 51.

³⁵ *Ibidem*.

- Komorowska H., *Metodyka nauczania języków obcych*, Fraszka edukacyjna, Warszawa 2002.
- Komorowska H., *Nauczanie gramatyki języka obcego a interferencja*, WSiP, Warszawa 1975.
- Marton W., *Dydaktyka języka obcego w szkole średniej. Podejście kognitywne*, PWN, Warszawa 1978.
- Marton W., *Optymalizacja nauczania języków obcych w szkole*, WSiP, Warszawa 1979.
- Nomańczuk P., *Aktualne zagadnienia metodyczne w nauczaniu języka rosyjskiego*, PZWS, Warszawa 1967.
- Skrundowa Z., *Nauczanie gramatyki języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1985.
- Sylwestrowicz J., *Lekcja języka obcego*, WSiP, Warszawa, 1985.
- Woźniewicz W., *Metodyka lekcji języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa, 1987.

Взгляды лингводидактиков-русистов на обучение иноязычной (русской) грамматике в польской школе Резюме

В статье обсуждаются вопросы, связанные с обучением грамматике на уроках по иностранным языкам (особенно по русскому языку) в польской школе. Автор статьи анализирует взгляды польских лингводидактиков-русистов, сторонников комбинированного, активного, репродуктивно-креативного и коммуникативно-деятельностного методов, и их отношения к обучению иноязычной грамматике. В статье рассматриваются также способы презентации нового грамматического материала, его закрепления и применения на практике.

Ключевые слова: обучение грамматике, дедукция, индукция, презентация грамматического материала, грамматические явления в обучении РКИ, грамматика в методах обучения русскому языку, грамматика в методах обучения иностранным языкам

The views of Russian language teaching specialists on the foreign language (Russian) grammar teaching in Polish schools Abstract

The article focuses on issues connected with teaching grammar during foreign language lessons (mainly Russian) in Polish schools. The views of Russian language teaching specialists of Polish nationality are presented, including the supporters of the comparative method, active method, repetitive-creative method and situational-activity method as well as their approach to teaching grammar. The article presents the ways of presenting material, its consolidation and practical use.

Key words: teaching grammar, deduction, induction, grammar presentation, grammar phenomena in teaching Russian as a foreign language, grammar in teaching foreign languages, grammar in teaching Russian

Paulina Balandyk
Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. S. Pigoń w Krośnie
Instytut Humanistyczny (Zakład Filologii Rosyjskiej)
asystent
e-mail: p.balandyk@interia.pl
+48 666205070

Dorota Duchnowska

**Инновационные методы
преподавания русского языка
для специальных целей
– опыт обучения студентов
механического факультета**

Современный мир кажется миром языка для специальных целей. Услышать его можно почти везде. На нем будет разговаривать часовщик, сантехник, информатик в фирме, и даже ваш приятель использует его, спрашивая о величине лошадиной силы. И если только у вас нет коня, вы сразу должны догадаться, что речь идет о мощности двигателя вашей машины. Вот это именно и есть ЯСЦ – понятие, которое пришло из англоязычного мира – Language for Specific Purposes (язык для специальных целей). И хотя трудно было бы дать одно верное толкование этого понятия, но в данных случаях определение такого языка языком для специальных целей не вызывает у нас сомнений. Эти высказывания мы можем охарактеризовать как „специальные”, „профессиональные”, потому что они насыщены профессиональной лексикой и информацией¹.

В польском языкознании есть сторонники иерархической модели понимания ЯСЦ как языка, выходящего из общего языка (выделяя общий язык и исходящие из него диалекты, социолекты и ЯСЦ)². Есть и те, кто видит общий язык и ЯСЦ как два разных языка, которые объединяет грамматическая и фонологическая система, а людей, пользующихся обоими языками, считают билингвальными³.

Не вызывает сомнений факт, что ЯСЦ нужен. Он нужен прежде всего специалистам. И цель научить ему студентов поставила перед собой преподавательница русского языка как иностранного Дорота Духновска из Института иностранных языков Политехнического института в Кракове в рамках курса на механическом факультете, веря, что знание специфики ЯСЦ русского языка даст возможность высококвалифицированным иностранным специалистам,

---

¹ S. Grucza, *Od lingwistyki tekstu do lingwistyki tekstu specjalistycznego*, Wydawnictwo Euro-Edukacja, Warszawa 2007, с. 125.

² K. Handke, E. Rzetelska-Feleszko, *Przewodnik po językoznawstwie polskim*, Ossolineum, Wrocław 1977, с. 149.

³ S. Grucza, *указ. соч.*, с. 30.

польским будущим инженерам, свободно общаться в профессиональной сфере.

Вопрос касается также слова „инновационный”. Слова, обозначающего какое-то новшество, нововведение, что-то новое, обещающее лучшее, а в случае обучения языку – его более эффективное усвоение. В связи с этим предлагаю познакомиться с несколькими нестандартными или, точнее сказать, старыми, но приспособленными к новым целям типами заданий.

Чтобы достичь окончательного эффекта, преподавательница воспользовалась аутентичным, неадаптированным газетным текстом про гибридный двигатель Toyota Prius. Использование оригинальных материалов, по сравнению с быстро устаревающими учебниками, имеет то достоинство, что сразу можно заметить интерес студентов к новому, актуальному и при этом касающемуся их специальности тексту⁴.

Уже в процессе подготовки урока надо осмыслить его внутреннюю организацию. Каждый урок должен содержать задания, проверяющие те навыки и умения, которых мы пытались достичь⁵. Основная цель настоящих занятий – ознакомление студентов с русской лексикой, связанной с гибридными двигателями, и обучение ее активному употреблению.

Вводная часть занятий, входящая в состав предтекстовых заданий, осуществляется, во-первых, введением вопроса-зацепки. Это вопрос, который подсказывает, о чем пойдет речь на занятиях и вызовет интерес к новой теме среди учащихся: *Что это такое?* Здесь показана фотография зеброида. А поскольку это занятия с языком для специальных целей, то снимок вызывает и интерес, и удивление, и даже насмешки. Когда уже все узнают, „от кого” произошло это животное, учитель помогает студентам найти общее выражение, чтобы назвать это создание. И так постепенно учащиеся приходят к слову „гибриды”, что и является темой занятий.

Поскольку иностранным студентам очень трудно без подготовки выполнять коммуникативные задания, стоит предложить им текст, затрагивающий тему, которую они потом будут обсуждать. Отсюда вытекает следующая проблема: без лексической подготовки, особенно если речь идет о языке для специальных целей, студентам будет слишком трудно. Поэтому стоит предложить им несколько интерактивных упражнений, которые позволят им довольно свободно работать с текстом.

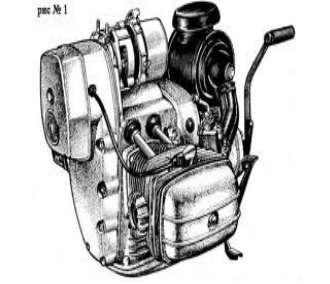
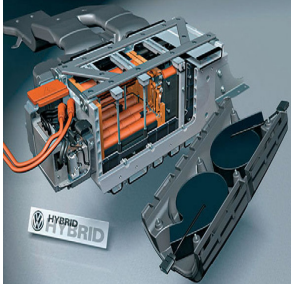

---

⁴ К. Чубиньска, *Использование актуальных аутентичных текстов на занятиях по практической грамматике русского языка на старших курсах русской филологии*, [в:] *Русский язык в иностранной аудитории – теория, практика, цели и результаты преподавания*, Лодзь 2011, с. 85–91.

⁵ Н. Komorowska, *Metodyka nauczania języków obcych*, Wydawnictwo Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2005, с. 49.

Смотря на фотографии, изображающие разные предметы и явления, подберите их названия. Воспользуйтесь справкой данной внизу.

Слова для справки: кузов, водитель, руль, двигатель, батарея, топливо.

		
1.	2.	3. ....
		
4.	5.	6. ....

Выполняя настоящее упражнение, учащиеся знакомятся с новой специализированной лексикой из области гибридных машин, закрепляют иноязычные слова. Использование наглядных примеров полностью исключает из познавательного процесса родной язык, по скольку вызывает у студентов-нефилологов непосредственные ассоциации данного предмета с его названием на русском языке. Конечно, всегда стоит предложить студенту проверку выполненной работы с коллегой.

Студенты активно подбирали слова к фотографиям. Это задание одновременно вызвало интерес к тексту и позволило им думать, что текст и работа с ним не вызовут никаких трудностей.

Чтобы постепенно усложнить задачу, стоит добавить к изученным словам определения. Например, попросить обучаемых подобрать следующие слова (записать их на доске) к фотографиям: высоковольтная (батарея), бензиновый (двигатель), усилитель (руля), особенности (кузова), потреблять (топливо), защита (водителя). Очень важно не составлять новых выражений, а пользоваться лишь теми выражениями, которые потом студент найдет в тексте.

Теперь, когда студенты подобрали слова, составили словосочетания и всё записано на доске, надо выучить эти слова. Это тоже форма развлечения, которую студенты очень любят и активно принимают в ней участие.

Преподаватель постепенно стирает с доски слова, оставляя только первые буквы. В итоге на доске остаются только первые буквы слов.

В.....	б.....	б.....	Д.....
У.....	р.....	о.....	К.....
П.....	Т.....	З.....	В.....

Далее преподаватель повторяет словосочетания, одновременно указывая на доске, вернее сказать, указывая на пробелы, где раньше было записано выражение. Следующий этап упражнения – учитель называет на родном языке учащихся заученные выражения – пусть они произнесут их на русском. Такое упражнение способствует формированию артикуляционных, интонационных и акцентуационных навыков, а также тренирует зрительную память.

Благодаря этому упражнению учащиеся уже до начала работы с текстом выучили 12 новых слов, причем особенно не напрягаясь, и постоянно упражнялись в группе. Эти выученные слова специально выделены в тексте, чтобы у студента сразу появлялась ассоциация: это слово/выражение я уже знаю! После такой подготовки можно приступить к чтению текста. Поскольку целью учителя является установление коммуникации, то ведущий занятия просит студентов поработать в парах. Пусть студент А прочитает два первых заголовка текста, а студент Б очередные два.

Читаем текст

Toyota Prius (NWH20) – описание модели

Toyota Prius – необычный пятидверный хетчбек. Название модели переводится с латыни как „идуший впереди”. Приус оснащается экономичным бензиновым мотором объемом 1.5 литра, двумя электромоторами-генераторами и высоковольтной батареей.

Модель производилась в Японии и в Китае.

Технические особенности

Силовая установка Приуса состоит из бензинового двигателя, двух электромоторов и высоковольтной батареи емкостью 6,5 А.ч. Мощность бензинового мотора составляет 76 лошадиных сил, а пары электрических – 67. Совокупной мощности вполне хватает для динамичной езды в городе. Автомобиль имеет очень маленький коэффициент лобового сопротивления – всего 0,26.

Впервые в автомобильной промышленности компрессор кондиционера используется для охлаждения двигателя автомобиля. Усилитель руля также работает от электричества. Гарантия на батарею Приуса составляет 8 лет или 160 000 км., а в отдельных регионах (например, в Калифорнии) – 10 лет или 240 000 км.

Интересные факты

Тойота Приус второго поколения – это хетчбек, но выглядит он необычно. Особенность кузова – плавные линии вплоть до задней части, которая резко „обрубается”. Такая форма кузова была придумана немецким специалистом по аэродинамике Вуннибальдом Каммом в 30-е годы 20 века. Она позволяет уменьшить аэродинамическое сопротивление автомобиля и, как следствие, экономить топливо.

У Приуса овальное рулевое колесо. Сделано это для того, чтобы было проще разглядеть показания приборов.

Есть мнение, что Prius не так экологичен, как принято считать: производство и утилизация батарей, устанавливаемых на модель, наносит огромный вред природе, а современные двигатели внутреннего сгорания, при спокойной езде, способны потреблять топлива не больше, чем двигатель Приуса.

Цифры и награды

В России было продано мало Приусов: цена оказалась высокой и ценителей нашлось немного. Угонщиков автомобиль совершенно не интересует.

Модель получила пять звезд за защиту водителя и четыре за защиту пассажира в краш-тесте.

По материалам: blamper.ru

Первое послетекстовое задание должно проверить понимание прочитанного текста.

Для этого студент Б задает студенту А нижеуказанные вопросы (вопросы к двум первым подзаголовкам). У него есть ответы, по которым он может проверить студента Б. Потом студент А задаст вопросы студенту Б к его части текста и проверит его.

Вопросы к студенту А (Их задает студент Б)

1. Где производилась эта модель? (в Японии и в Китае)
2. **В чем состоит силовая установка Toyota Prius?** (состоит из бензинового двигателя, двух электромоторов и высоковольтной батареи)
3. Какой коэффициент лобового сопротивления у Toyota Prius (маленький, 0,26)
4. От чего работает усилитель руля? (от электричества)
5. Сколько лет гарантии на батарею Приуса? (8 лет или 160 000 км)

Вопросы к студенту Б (Их задает студент А)

1. В чем заключается особенность кузова Приуса? (плавные линии вплоть до задней части)
2. Какое влияние на аэродинамическое сопротивление автомобиля имеет форма кузова? (она позволяет уменьшить сопротивление автомобиля)
3. Какую форму имеет рулевое колесо у Приуса? (оно овальное)
4. Почему существует мнение, что Prius не так экологичен, как принято считать? (производство и утилизация батарей, устанавливаемых на модель, наносит огромный вред природе)
5. Успешно ли проходит продажа Приусов в России? (в России было продано мало Приусов)

Благодаря такому упражнению можно осуществить настоящую коммуникацию, что самое важное, создать условия реальной жизненной ситуации, поскольку текст очень заинтересовал студентов и вызвал искренний интерес и желание получить больше информации.

Благодаря этому упражнению мы не только проверяем понимание текста, но и заодно проверяем слуховую память студентов.

Интересно проверить заученную лексику можно с помощью детской развивающей игры крестики-нолики.

Вы работаете в парах. Давайте поиграем в крестики-нолики. Сначала решите, кто запишет крестик (X), кто нолик (O). Вам даны слова по-польски, если вы правильно назовете слово по-русски – можете поставить свой знак. (дана одна таблица на пару)

jazda	koła	Opór
wspomaganie	oszczędzać	Utylizacja
przemysł	ochrona	Pojemność

(Если упражнение покажется вам слишком простым для данной группы, пусть студенты строят выражения или даже целые предложения. Если учащийся построил правильно со словом, которое выбрал – ставь крестик или нолик!)

Такое упражнение не только проверяет только что освоенную лексику, но и заодно снимает напряжение, накопившееся во время напряженной работы. Студенты его очень любят и сами просят его повторять. Такой подход вызывает у студентов очень высокую мотивацию, поскольку они становятся субъектом процесса обучения, профессионалами, так как в этом упражнении они должны не только переводить и составлять выражения, но еще контролировать, правильно ли коллега выполнил задание.

Следующее упражнение требует от студентов умения быстро находить в тексте отдельные слова и выражения. Чтобы выполнить это задание, один учащийся начинает выражение, которое другой должен закончить.

А	Б
аэродинамическое	(сопротивление)
(охлаждения)	Двигателя
лошадиная	(сила)
(современные)	двигатели
утилизация	(батарея)
(экономить)	топливо
защита	(пассажира)
(плавные)	Линии
высоковольтная	(батарея)
(лобовое)	сопротивление

Может получиться, что здесь вариантов ответов будет несколько. Стоит подсказать студентам, чтобы они проверяли, правильно ли они понимают (переводят) это выражение на свой родной язык.

Очередное упражнение этой тематической единицы – это работа в парах, которая очень активизирует студентов, побуждает их к обмену знаниями, способствует росту мотивации к изучению и запоминанию нового материала. Оно поможет учащимся активизировать лексику, связанную с мнением собеседника.

Подчеркните два предложения, которые не касаются прочитанного текста. Убедите коллегу, что вы сделали правильный выбор. Воспользуйтесь выражениями: по-моему, по моему мнению, мне кажется, что..., я уверен, что неправильно предложение...

1. Приус имеет очень маленький коэффициент лобового сопротивления.
2. Toyota Prius производилась в Китае.
3. У Приуса обыкновенное круглое рулевое колесо.
4. Toyota Prius наносит огромный вред природе.
5. Приус – любимый автомобиль угонщиков.

Поскольку в этом упражнении мы пытаемся достичь прежде всего умения передачи информации, то стоит сделать упор на то, чтобы студенты понятным образом передали информацию, и не слишком обращать внимание на грамматическую корректность⁶.

После того как студенты выучили новую лексику, стоит еще раз проверить, чему они научились. С этой целью преподаватель раздает студентам билетки (в разрезанном виде). На билетках записаны слова и выражения из текста плюс несколько других. Сначала студенты должны прочитать их (даже вслух, чтобы потренироваться в чтении и произношении) и назвать слова/выражения, которые уже помнят из текста (объем двигателя, лошадиная сила, потребление топлива, коэффициент аэродинамического сопротивления, гибридный двигатель, двигатель потребляет). После такой подготовки преподаватель включает запись частично адаптированного текста:

Для Toyota экология является наукой „точной”, задающей вопрос „сколько” и дающей на него ответ. Например, выбросы в атмосферу 89 г CO₂/км – это много или мало?

Практически любой объект можно подробно описать небольшим количеством измерений. Автомобили тут не исключение. Есть общеизвестные измерения: объем двигателя, количество лошадиных сил, потребление топлива на 100 км. А известен ли вам коэффициент аэродинамического сопротивления вашей машины? У новой Toyota Prius он составляет всего 0,25 – это результат длительных испытаний в аэродинамической трубе.

В описании модели Toyota Prius есть много более привычных цифр: например, ее гибридный двигатель потребляет 3,9 литра бензина на 100 километров, то есть, расход топлива сопоставим с аналогичным показателем городской малолитражки в то время как запас хода составляет 1150 км на одной заправке. Одним из секретов такой экономичности является использование гибридного двигателя – работая в смешанном цикле, он потребляет меньше топлива, чем традиционный двигатель внутреннего сгорания.

Адаптированный текст по материалам: <http://old.popmech.ru/blogs/post/649-ekologiya-kak-tochnaya-nauka/>.

Затем преподаватель просит учащихся выбрать из билетиков только те, которые были упомянуты в тексте. И хотя ситуация будет далека от реального, коммуникативного акта⁷, то, с точки зрения методики, стоит послушать текст еще раз и дать второй шанс студентам проверить свой выбор (можно подсказать, что они должны отобрать, например 10 слов/выражений). После такой работы учитель раздает студентам задание в виде предложений с пробелами, которые они должны заполнить выражениями из выбранных билетиков.

(Потребление топлива) новой Toyota Prius – это только 3,9 литра бензина на 100 километров.

(Гибридный двигатель) Toyota Prius работает в смешанном цикле.

---

⁶ Н. Komorowska, *Podstawy metodyki nauczania języków obcych*, Wydawnictwo EDE-Poland, Warszawa 1993, s. 25.

⁷ М. Тульская-Будзьяк, В. Сосновски, *Обучение аудированию на уроках русского языка – теория и преподавательский опыт*, [в:] *Русский язык в иностранной аудитории – теория, практика, цели и результаты преподавания*, Лодзь 2011, с. 95–98.

(Коэффициент аэродинамического сопротивления) у новой Toyota Prius составляет всего 0,25.

(Двигатель) Toyota Prius **(потребляет)** 3,9 литра бензина на 100 километров.

Все описанные в настоящей статье упражнения помогают формировать четыре языковых умения: чтение, говорение, аудирование и письмо (хотя письмо появляется здесь только в интегрированном виде).

Достоинством проведения занятий на основе вышеуказанных заданий является тот факт, что все предложенные в настоящей статье упражнения нацелены прежде всего не на рецептивное восприятие темы, а на тренировку устной коммуникации. Все вышеуказанные упражнения стимулируют студентов к самостоятельному выполнению задания и одновременно дают комфорт работы с примером или подсказкой.

До публикации нынешней статьи преподавательница поработала над текстом со студентами. Несмотря на опасения, связанные с ведением занятий, применяя технический язык, оказалось, что студенты очень высоко оценили такие занятия. Кажется, на такую оценку повлиял тот факт, что студенты убедились, что на иностранном языке они способны говорить о таких сложных темах, как вопросы, касающиеся выбранного ими факультета или специальности, здесь на тему гибридных двигателей, что русский язык – это не только скучная грамматика и утомительное заучивание новых слов. Из высказываний самих студентов можно заключить, что о некоторых фактах, касающихся Приуса, они до сих пор не слышали (напр. овальное рулевое колесо), отсюда также ещё один положительный результат таких занятий – познавательный элемент.

Несмотря на то, что в данной тематической единице исключались материалы с использованием интерактивных методов (аудиотехника, мультимедиа), к которым уже так привыкли учащиеся, и то, что преподавательница вводила новый материал казалось бы с помощью старых приемов, то благодаря инновационному подходу к ним, студентам занятия показались интересными, а проверка знаний доказала, что эффективность запоминания можно повысить, пользуясь лишь только листком бумаги и доской.

Литература

- Grucza S., *Od lingwistyki tekstu do lingwistyki tekstu specjalistycznego*, Wydawnictwo Euro-Edukacja, Warszawa 2007.
- Handke K., Rzetelska-Feleszko E., *Przewodnik po językoznawstwie polskim*, Ossolineum, Wrocław 1977.
- Komorowska H., *Ćwiczenia komunikacyjne w nauce języka obcego*, WSIP, Warszawa 1988.
- Komorowska H., *Metodyka nauczania języków obcych*, Wydawnictwo Fraszka Edukacyjna, Warszawa 2005.
- Komorowska H., *Podstawy metodyki nauczania języków obcych*, Wydawnictwo EDE-Poland, Warszawa 1993.
- Marton W., *Dydaktyka języka obcego w szkole średniej. Podejście kognitywne*, Wydawnictwo PWN, Warszawa 1978.

- Балыхина Т.М., *Методика преподавания русского языка как неродного (нового)*, Изд-во Российского университета дружбы народов, Москва 2007.
- Пассов Е. И., Кузовлев Н. Е., *Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования*, Изд-во „Русский язык. Курсы”, Москва 2010.
- Тулска-Будзак М., Сосновски В., *Обучение аудированию на уроках русского языка – теория и преподавательский опыт*, [в:] *Русский язык в иностранной аудитории – теория, практика, цели и результаты преподавания*, Лодзь 2011, с. 95–98.
- Чубиньска К., *Использование актуальных аутентичных текстов на занятиях по практической грамматике русского языка на старших курсах русской филологии*, [в:] *Русский язык в иностранной аудитории – теория, практика, цели и результаты преподавания*, Лодзь 2011, с. 85–91.

Иновационные методы преподавания русского языка для специальных целей – опыт обучения студентов механического факультета

Резюме

В статье автор описывает инновационные методы преподавания языка для специальных целей пользуясь опытом занятий русского языка, проведенных для студентов Механического факультета в рамках обязательного курса иностранного языка. Анализу поддались выбранные упражнения, касающиеся темы: Машины с гибридными двигателями. Во время работы над этой тематической единицей сформировано четыре языковых умения: аудирование, говорение, чтение и письмо. Автор пытался обратить особое внимание на интересное введение лексики, проверку эффективности применяемого метода, коммуникацию между учащимися, а также умелое управление самостоятельной работой студентов во время выполнения заданий. Подчеркнуто необходимость обучения иностранному языку для специальных целей во время учебы в политехническом вузе. Науке языка, на котором будущий инженер сможет свободно общаться в своей профессиональной деятельности. Автор несколько раз подчеркивает роль студента, создающего вместе с преподавателем занятия, который, особенно во время занятий по языку для специальных целей, может почувствовать себя хозяином проведенных занятий.

Ключевые слова: язык для специальных целей, инновационные методы преподавания, коммуникативная компетенция

Innovative methods of teaching technical Russian language – based on the classes conducted for students of mechanical engineering

Abstract

In the article, the author describes innovative methods of teaching technical language based on the classes of technical Russian language for students of the Faculty of Mechanical Engineering as part of compulsory technical foreign language course. Selected activities concerning hybrid cars have been analysed. In the course of this topic unit, four language skills were practised: listening, speaking, reading and writing. The author attempted to focus her special attention to an interesting introduction of new vocabulary items, testing the effectiveness of applied methods, communication and the students' autonomy in performing exercises. The necessity of teaching technical language at engineering faculties has been underlined

as this is the language a student will be able to use in his later professional career. The author also emphasizes the role of collaboration and co-creation of classes by a student and a teacher, who – especially in teaching technical language – can feel as a host of a taught lesson.

Key words: technical language, innovative teaching methods, communicative competence

Dorota Duchnowska
Studium Praktycznej Nauki Języków Obcych
Politechniki Krakowskiej
mgr
e-mail: dorotaduch@poczta.onet.pl
+48 12 6282880

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica VII (2014)

Dorota Dziewanowska

Методика конструирования тестов и тестовых заданий по русскому языку как иностранному

Вопросы, касающиеся контроля уровня владения иностранным языком, являются одними из наиболее актуальных в современной лингводидактике. Контроль дает учителю представление об уровне усвоения отдельными учениками и всем классом учебного материала. Учитель, подвергая анализу результаты проведенного контроля, получает информацию о качестве своей работы, об эффективности применяемых им приемов обучения, и это помогает ему вносить коррективы в дидактический процесс. Контроль имеет также огромное значение для ученика, так как показывает движение вперед в обучении, т.е. свидетельствует об успехах и неудачах. Контроль заставляет обучаемого учиться более прилежно и таким образом способствует повышению его мотивации к учению.

Контроль по языку должен отражать успехи учащихся в области овладения языковым материалом, а также в области сформированности речевых умений.

Потребность в объективной информации об учебных процессах вызывает необходимость использования тестов. В методической литературе и практике обучения языку получили распространение два вида тестов: нормативно-ориентированные и критериально-ориентированные. Нормативно-ориентированный тест дает возможность сравнить учебные достижения отдельных испытуемых. Результаты такого тестирования выражаются в баллах. Этот тест используется при распределении учащихся по отдельным группам с учетом уровня языковой подготовки и языковых способностей. Критериально-ориентированный тест предназначен для оценки степени владения пройденным материалом. В последние годы указывается на необходимость применения коммуникативных тестов, с помощью которых можно определить уровень владения языком в сравнении с требованиями программ, разработанных для данного уровня (этапа) обучения¹.

Более подробная классификация тестов по русскому языку как иностранному была представлена мною в статье: „Основы контроля и тестирования

---

¹ См. А.Н. Щукин, *Методика преподавания русского языка как иностранного*, изд-во „Высшая школа”, Москва 2003, с. 281–282.

в процессе обучения русскому языку как иностранному”². Исходя из положения, что преподаватель любого иностранного языка должен активно участвовать в создании измерительных средств, позволяющих надежно, экономно проверять языковые и речевые умения обучаемых, в настоящей статье мы сделали попытку осветить прикладные вопросы конструирования тестов и тестовых заданий.

В первую очередь уточним, что понимается под лингводидактическим тестом. По мнению Вальмара Коккоты, „Тест – это подготовленный в соответствии с определенными требованиями комплекс заданий, прошедший предварительное опробование с целью определения его показателей качества и позволяющий выявить у тестируемых степень их языковой (лингвистической) и/или речевой (коммуникативной) компетенции, и результаты которого поддаются определенной оценке по заранее установленным критериям”³.

В настоящей статье мы сосредоточимся лишь на тех этапах создания теста, которые должен соблюдать преподаватель иностранного языка, готовящийся к проведению контроля в тестовой форме на занятиях по языку.

Первый этап, направленный на планирование теста, состоит из следующих подэтапов:

- 1) **определение** общих и конкретных целей составляемого теста;
- 2) **уточнение соотношения** составляемого теста с программными целями;
- 3) **определение функций и видов контроля** в форме тестов: по этапам обучения (начальный, промежуточный, итоговый); по временной направленности (ретроспективный, текущий, прогностический); по **организационным** формам (индивидуальный, групповой); по **социальной** опосредованности (преподавательский, самоконтроль, взаимоконтроль); по способам осуществления (устный, письменный, комплексный); для установления уровня обученности;
- 4) определение общего характера теста (языковой, речевой, коммуникативный или комплексный, комбинированный);
- 5) отбор обобщенных объектов тестирования (чтение, лексика и др.);
- 6) анализ учебных и программных материалов для уточнения объема языкового и речевого материала, актуальных сфер и ситуаций общения, а также для определения контролируемых навыков и умений;
- 7) выбор техники тестирования;
- 8) уточнение состава теста по количеству его частей и заданий;
- 9) корректировка плана теста по времени его проведения⁴.

---

² См. D. Dziewanowska, *Основы контроля и тестирования в процессе обучения русскому языку как иностранному*, [w:] *Annales Universitatis Pedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VI*, red. H. Chodurska, D. Dziewanowska, B. Stawarz, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie, Kraków 2013, с. 148–157.

³ В.А. Коккота, *Лингводидактическое тестирование*, изд-во „Высшая школа”, Москва 1989, с. 5.

⁴ См. Т.М. Балыхина, *Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного)*, изд-во „Русский язык”, Москва 2006, с. 119–120.

На втором этапе осуществляется корректировка плана теста. Составитель теста должен переосмыслить: соблюдаются ли в данном тесте определенные требования. Например, составляя коммуникативно-речевой тест, необходимо позаботиться о том, чтобы такой тест был нацелен на проверку умений, а не знаний о языке. Кроме того, коммуникативно-речевой тест должен: обеспечивать максимальную степень коммуникативности; содержать интересные и привлекательные задания, адекватные виду речевой деятельности; задания и способы их выполнения должны иметь непосредственный и интерактивный характер; форма выполнения тестовых заданий должна отвечать реальным коммуникативным ситуациям. Важно также, чтобы тестовые задания отвечали критерию функциональности, т.е. соответствовали коммуникативным потребностям испытуемых⁵.

При составлении языкового теста необходимо обеспечить его валидность, которая заключается в его доступности по форме и содержанию и требует соблюдения принципов одной трудности и нарастающей трудности. Валидность теста проявляется также в такой дифференциации тестовых заданий, чтобы их могли выполнить более сильные и более слабые тестируемые⁶. Иначе говоря, „валидность характеризует способности теста служить поставленной цели измерения”⁷.

На втором этапе осуществляется также моделирование теста по формам и видам тестовых заданий. В данном случае необходимо осмыслить следующие признаки: 1) форма предъявления стимула: наглядная или вербальная; 2) форма предъявления ответа: вербальная (контекстная, внеконтекстная), наглядная (например, выбор сюжетной картинки из серии предложенных в соответствии с аудиотестом), цифробуквенная; 3) форма предъявления и выполнения тестовых заданий: устная, письменная; 4) используемый в стимуле и ответе язык: изучаемый, родной⁸.

На третьем этапе наступает перепланирование теста. Составляющий тест должен решить, сколько и какие задания можно включить в тест. Последний этап составления теста предусматривает окончательное составление и оформление теста и подготовку оценочной шкалы⁹.

Следует отметить, что методика составления тестов, которые готовятся для проведения, например, экзамена на аттестат зрелости, является более сложной. В первую очередь осуществляется планирование предтеста и составление субтестов. Очередные этапы предусматривают апробирование предтеста, интерпретацию результатов, перепланирование предтеста, составление и оформление окончательного теста. Затем тест подвергается экспертизе. Оценка теста проводится независимыми экспертами, т.е. специалистами, которые не участвуют в создании теста и не знают составителей теста.

---

⁵ См. там же, с. 120.

⁶ См. там же.

⁷ Там же, с. 121.

⁸ См. там же.

⁹ См. там же.

После этого осуществляется подготовка теста к реализации, проведение теста, и, наконец, обработка и интерпретация результатов теста¹⁰.

Как упоминалось выше, техника тестирования связана с планированием состава теста, выбора объектов тестирования, а также выбора типа заданий. Тестовым заданием принято называть „ту минимальную составляющую единицу теста, которая предполагает определенную вербальную или невербальную реакцию тестируемого”¹¹. Тестовые задания должны давать точную количественную характеристику достижений учащегося по конкретному языковому материалу или по определенным речевым умениям. Важно отметить, что тестовые задания помогают также выявить уровень общего развития обучаемого, например: умения применять знания в новой ситуации, сравнивать правильный и неправильный ответы и т.п.¹².

Правильно построенные тестовые задания должны соответствовать следующим принципам:

1) валидность, под которой понимается полнота охвата требований к обязательной подготовке учащихся при разработке системы заданий;

2) объективность проверки, которая заключается в ясности и недвусмысленности формулировок заданий а также однозначности интерпретации и оценки результатов;

3) пропорциональная представленность подвергающихся проверке знаний и умений;

4) соответствие типа задания характеру проверяемого объекта, например: грамматические умения могут быть проверены с использованием заданий с выбором ответа, для проверки коммуникативных умений, связанных с составлением высказывания следует использовать открытые задания с развернутым ответом.

5) экономность проверки, т.е. задания должны требовать минимум времени для проверки данного умения и оценки полученных результатов;

6) учет возрастных особенностей тестируемых;

7) учет этапа обучения языку¹³.

Следует подчеркнуть, что кроме названных выше принципов, каждое тестовое задание должно иметь однозначный правильный ответ – это является основным требованием к тестовым заданиям.

В тестологии (науке о создании и применении тестов) принято выделять два основных типа тестовых заданий: закрытого типа и открытого типа. В группу заданий закрытого типа входят задания четырех видов: 1) альтернативных ответов, 2) множественного выбора, 3) восстановления соответствия, 4) восстановления последовательности. Эти задания предусматривают различные варианты ответа на поставленный вопрос: из ряда предложенных выбирается один или несколько правильных ответов, выбираются правильные или неправильные элементы списка и т.п. В структуру этих заданий входят

¹⁰ См. там же, с. 119–126.

¹¹ В.А. Коккота, *указ. соч.*, с. 5.

¹² См. С.И. Львова, И.П. Цыбулько, Ю.Н. Гостева, *Настольная книга учителя русского языка*, под. ред. С.И. Львовой, изд-во „Эскимо”, Москва 2007, с. 337.

¹³ См. там же, с. 346–347.

дистракторы (т.е. варианты неправильных ответов) и варианты правильных ответов¹⁴.

К каждому из заданий альтернативных ответов даются только два варианта ответов. Тестируемый должен выбрать один из них: „да” – „нет”, „правильно” – „неправильно” и др.

Ниже мы приводим примеры подготовленных нами тестовых заданий, которые были использованы для проверки усвоения студентами культуроведческих знаний, а также знаний по грамматике русского языка.

Пример 1.

Инструкция: Обведите ответ „да” или „нет”. Если вы согласны с утверждением, обведите кружком „да”, а если не согласны – обведите „нет”.

Александр Сергеевич Пушкин родился в 1799 году в Москве.

Да	Нет
----	-----

Пример 2.

Инструкция: Обведите ответ „да” или „нет”. Если вы согласны с утверждением, обведите кружком „правильно”, а если не согласны – обведите „неправильно”.

Глаголы – это слова, которые...

правильно	неправильно	склоняются
правильно	неправильно	спрягаются
правильно	неправильно	не изменяются

Пример 3.

Инструкция: Выберите правильную форму. Обведите кружком букву А) или Б).

Прошлым летом мы... за городом.

А) отдыхали

Б) отдыхать

Пример 4.

Инструкция: Выберите правильный вариант. Обведите кружком букву А) или Б).

Отец всегда... полезные советы.

А) говорил

Б) давал

Задания альтернативных ответов являются несложными. Их особенностью можно считать то, что тестовая основа должна быть сформулирована в форме утверждения, которое предполагает согласие или несогласие, выбор одного правильного ответа.

К сожалению, требования, относящихся к форме тестовых заданий альтернативных ответов, нередко не во всех случаях соблюдаются учителями или студентами, проходящими практику в школе, что конечно провоцирует ошибки в построении задания.

¹⁴ См. там же, с. 348.

Пример 1.

Инструкция: Обведите ответ „да” или „нет”. Если вы согласны с утверждением, обведите кружком „да”, а если не согласны – обведите „нет”.

Это правда, что он всегда быстро ходит?

Да	Нет
----	-----

Недостатком этого задания является то, что, согласно инструкции, тестируемый должен выразить свое согласие или несогласие с утверждением. В основе составитель задания поместил вопросительное предложение. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что на так поставленный вопрос невозможно дать однозначный ответ „да” или „нет”.

Предложим другой способ составления этого задания:

Инструкция: Выберите правильную форму. Обведите кружком букву А) или Б).

Он всегда... быстро.

А) идет

Б) ходит

Приведенная выше конструкция задания отвечает требованиям, какие надо соблюдать при составлении заданий альтернативных ответов.

Пример 2.

Инструкция: Выберите правильную форму. Обведите кружком букву А) или Б).

Антон Петрович... в Москве.

А) живет

Б) жил

Оба ответа являются правильными. В этом задании отсутствуют ориентиры, которые указывали бы на необходимость употребления глагола „жить” в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени или же в форме мужского рода прошедшего времени. Эту ошибку можно легко исправить, например:

В детстве Антон Петрович... в Москве.

А) живет

Б) жил

Совершенно непригодным из-за его тривиальности является следующее задание:

Инструкция: Обведите ответ „да” или „нет”. Если вы согласны с утверждением, обведите кружком „да”, а если не согласны – обведите „нет”.

Курение вредит здоровью.

Да	Нет
----	-----

Приведем еще один неудачный случай применения задания с альтернативными ответами и возможность его замены другим.

Инструкция: Выберите правильный вариант. Обведите кружком букву А) или Б).

В Ясной Поляне (Тульская губерния) родился...

А) Лев Николаевич Толстой.

Б) Автор романа „Война и мир”.

Это задание можно откорректировать следующим образом:

Инструкция: Выберите правильный вариант. Обведите кружком букву А) или Б).

Лев Николаевич Толстой родился в...

А) Ясной Поляне.

Б) Новгороде.

Задания множественного выбора предполагают наличие вариативности в выборе. В данном случае экзаменуемый должен выбрать правильный ответ из предложенных вариантов. Оптимальное количество альтернатив, или дистракторов – от 3 до 5, потому, что имея две альтернативы, тестируемый начинает догадываться о правильном ответе. Некоторые авторы рекомендуют для лексических тестов 5 дистракторов, для грамматических – 4. Однако, составителю теста нередко трудно найти более четырех интересных ориентиров. Поэтому оптимальным можно считать 3 альтернативных ответа. Здесь появляется вопрос, сколько правильных ответов может быть в тестовом задании множественного выбора. Некоторые специалисты по тестологии считают, что количество правильных ответов не должно ограничиваться. Конечно, в случае, когда вариантов ответов несколько, следует видоизменить инструкцию и указать на то, что надо отметить буквы, соответствующие правильным ответам¹⁵. Однако, наиболее часто применяемыми в школьной практике являются задания множественного выбора, предполагающие выбор одного верного ответа из трех и более вариантов.

Пример 1.

Инструкция: Обведите кружком букву, соответствующую правильному ответу.

Ивану Петровичу исполнилось 42...

А) лет.

Б) года.

В) год.

Пример 2.

Инструкция: Обведите кружком букву, соответствующую правильному ответу.

Вечером Антон продолжал... текст.

А) перевел

Б) переводил

В) перевести

Г) переводить

При составлении заданий множественного выбора довольно частой ошибкой является неправдоподобие дистракторов, причиной которого является употребление неправильных словосочетаний. Пример:

---

¹⁵ См. там же, с. 350–351.

Инструкция: Обведите кружком букву, соответствующую правильному ответу.

Наташа получила в подарок... перчатки.

- А) кожные
- Б) кожаные
- В) кожистые
- Г) кожевенные¹⁶

Грубым нарушением требований к тестовым заданиям множественного выбора является удлинение правильного ответа. Пример:

Инструкция: Обведите кружком букву, соответствующую правильному ответу.

В тексте говорится о том, что Лев Толстой...

- А) мечтал быть дипломатом.
- Б) мечтал быть юристом.
- В) мечтал быть врачом.
- Г) всю жизнь много и пытливо учился, искал свое призвание¹⁷.

В данном случае не соблюдается требование сохранения одинаковой длины дисракторов и правдоподобия правильного ответа.

В тестологии применяются также задания типа „лишнее слово”, которые являются вариантом заданий множественного выбора. Они опираются на действия выбора и удаления лишнего элемента, а также на действия сравнения, идентификации, осознания принадлежности языковых единиц к определенному классу или понятийной категории. Пример:

Инструкция: Исключите лишнее слово из данной группы.

1. здесь; там; сюда; везде
2. комната; ванная; кухня; квартира
3. книга; ручка; тетрадь; словарь
4. весенние годы; главы книги; налей воды; первые главы¹⁸.

Эти задания дают возможность проверить:

– сформированность лексических навыков: соотнесение лексических единиц (ЛЕ) друг с другом в тематической и семантической группах, с синонимами, антонимами, четкое определение значения ЛЕ, владение правилами конкретного словообразования и сочетания;

– сформированность грамматических навыков, в том числе комбинирования, замены элементов грамматических структур, формообразования, значения грамматических единиц и их функций и т.д.¹⁹

В группу заданий закрытого типа входят задания на упорядочение, которые преимущественно используются для проверки умения составить предложение из отдельных слов или связный текст из отдельных частей. Например:

---

¹⁶ См. Т.М. Балыхина, *указ. соч.*, с. 130.

¹⁷ См. там же, с. 133.

¹⁸ См. там же, с. 106–108.

¹⁹ См. там же, с. 108.

Инструкция: Составьте предложение из следующих слов.
строили, рабочие, все, школу, лето, эти²⁰.

Выполнение заданий анализируемой формы требует осмысленного проникновения в содержание разрозненного материала, осознание формы текста и связи между его элементами. Существует несколько разновидностей этих заданий. Они могут заключаться в группировке и перегруппировке (слов, предложений, отрывков текста, абзацев), в реконструкции текста, плана и др. Например:

Инструкция: Восстановите в правильной последовательности план личного письма (к другу).

1. Сообщение о получении письма.
2. Извинение за молчание.
3. Формула начала письма.
4. Формула прощания.
5. Сообщение о себе.
6. Выяснение информации о делах друга²¹.

Задания множественного выбора могут широко применяться при проверке речевых умений, например, аудирования, чтения.

Пример 1.

Инструкция: Прочитайте телеграмму. Затем из предложенных вариантов (А, Б, В, Г) выберите тот вариант, который наиболее соответствует ее содержанию. Обведите кружком букву, соответствующую правильному ответу.

Телеграмма

Антон не могу с тобой увидеться в назначенное время. Из Москвы срочно уезжаю по делам во Владимир. Потом позвоню.

Петр

Петр сообщает Антону, что он...

- А) хочет увидеться с ним в другое время.
- Б) плохо себя чувствует.
- В) ждет его во Владимире.
- Г) не сможет встретиться с ним.

Пример 2.

Инструкция: Вы едете в метро и слышите: „Поезд следует до станции „университет“. Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны“.

В объявлении сообщалось, что вам нужно:

- А) доехать до станции „Университет“
- Б) выйти из вагона
- В) сесть на следующий поезд
- Г) сделать пересадку²².

²⁰ См. А.Н. Щукин, *указ. соч.*, с. 282.

²¹ См. Т.М. Балыхина, *указ. соч.*, с. 115–116.

²² См. там же, с. 108–109.

Задания закрытого типа обладают многими преимуществами: 1) оценивание заданий полностью объективно; 2. задания этого типа можно легко составить и быстро провести тестирование; 3) простая система заполнения снижает количество случайных ошибок и описок, 4) небольшая возможность угадывания правильных ответов; 5) возможность получения точной оценки содержательности теста; 6) легкость определения соответствия заданий целям исследования²³.

К заданиям открытого типа относятся два вида заданий, а именно: задания дополнения и задания свободного изложения. Выполняя их, тестируемый должен сам написать буквы, одно или несколько слов, словосочетаний или даже предложений. В заданиях этого типа нет дистракторов и вариантов правильных ответов²⁴. В заданиях дополнения формулировка ответа должна дать возможность однозначного оценивания результата выполнения задания. Составляя задания анализируемой формы, необходимо соблюдать следующие требования:

- каждое задание должно быть нацелено на одно дополнение, место которого обозначается точками;
- добавляемую позицию лучше помещать ближе к концу основы;
- в случае наличия двух и более пропусков их следует сделать разноместными так, чтобы пропуски не следовали один за другим. Например: *Лев Николаевич Толстой родился в..... году*. При выполнении такого задания, испытуемый должен догадаться, каким образом заполнить пробелы, т.е. имеется ли в виду употребление в нужной грамматической форме точной даты, месяца, года или только месяца и года, нужно это представить в форме числа или написать словами. Приведем пример правильно сконструированного задания с несколькими пропусками: *Выставка „Изобретения XX века“ проходит в главн... выставочн... зал... Москвы*.
- краткие задания на дополнение не рекомендуется формулировать в отрицательной форме. Например: *В молодости Антон Иванович не мечтал быть...*²⁵.

Задания свободного изложения или свободного конструирования предполагают свободные ответы на заданные вопросы. Однако, очень важно, чтобы формулировка заданий обеспечивала наличие только одного правильного ответа. Инструкции к заданиям свободного изложения и свободного конструирования могут быть следующими: *Закончите предложение (фразу); Впишите вместо многоточия правильный ответ; Дополните определение* и т.д. Это обозначает, что испытуемый может вписать вместо многоточия фразу, словосочетание, предложение или несколько предложений. Эти задания являются пригодными для проверки коммуникативно-речевых умений.

Пример 1.

Инструкция: Прочитайте польские пословицы и напишите их эквиваленты, существующие в русском языке.

²³ См. С.И. Львова, И.П. Цыбулько, Ю.Н. Гостева, *указ. соч.*, с. 357.

²⁴ См. там же, с. 348.

²⁵ См.Т.М. Балыхина, *указ. соч.*, с. 76–77.

Dzieci i ryby głosu nie mają.....
 Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść.....
 Nie święci garnki lepią.....

Пример 2.

Инструкция: Обратитесь с просьбой, учитывая приведенные ответы.

1. – .....
 – Хорошо, помогу. Только не забудь взять учебник по математике.
2. – .....
 – С удовольствием. Я давно собиралась посмотреть этот спектакль.
2. – .....
 – Спасибо, приду точно в семь вечера.

Пример 3.

Инструкция: Вы хотите переписываться со сверстником из России. Напишите ему письмо и расскажите о себе (10 предложений). Данные ниже вопросы помогут Вам.

*Как Вас зовут? Кто Вы? Сколько Вам лет? Какая у Вас семья? Кто Ваши родители? Где Вы живете сейчас? Вы учитесь или работаете? Где? Что Вы любите делать в свободное время?*²⁶.

Пример 4.

Инструкция: Напишите ответ другу по следующей форме: а) формула начала письма; б) сообщение о вашей реакции на письмо друга, полученное Вами несколько дней назад; в) рассказ о новостях в Вашей жизни; г) формула прощания²⁷.

Преимуществом заданий открытой формы, особенно тех, которые требуют самостоятельного конструирования испытуемым ответа, можно считать то, что они дают широкие возможности проверять различные умения. Однако, это разнообразие проверяемых умений вызывает проблемы в объективном их оценивании. На оценку влияет полнота ответа, объем представленной информации, внешнее оформление ответа и, конечно, ошибки. Кроме того, следует отметить, что эти задания трудоемки не только в проверке, но и в составлении. Но, в свою очередь, задания открытой формы исключают возможность получения правильного ответа интуитивным путем, т.е. путем угадывания, что является их несомненной положительной стороной.

В заключение отметим, что знание методики конструирования тестов и тестовых заданий может оказать существенную помощь тем преподавателям вузов, учителям, студентам, кто решил сам разрабатывать тесты по русскому языку как иностранному.

²⁶ См. там же, с. 75.

²⁷ См. там же, с. 78.

Литература

Dziewanowska D., *Основы контроля и тестирования в процессе обучения русскому языку как иностранному*, [w:] *Annales Universitatis Pedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VI*, red. H. Chodurska, D. Dziewanowska, B. Stawarz, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie, Kraków 2013, s. 148–157.

Балыхина Т.М., *Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного)*, изд-во „Русский язык”, Москва 2006.

Коккота В.А., *Лингводидактическое тестирование*, изд-во „Высшая школа”, Москва 1989.

Львова С.И., Цыбулько И.П., Гостева Ю.Н., *Настольная книга учителя русского языка*, под ред. С.И. Львовой, изд-во „Эскимо”, Москва 2007.

Щукин А.Н., *Методика преподавания русского языка как иностранного*, изд-во „Высшая школа”, Москва 2003.

Методика конструирования тестов и тестовых заданий по русскому языку как иностранному

Резюме

Автор настоящей статьи высказывает мнение, что преподаватель любого иностранного языка должен активно участвовать в создании измерительных средств, позволяющих надежно, объективно проверять языковые и речевые умения обучаемых. Поэтому в статье обсуждаются важнейшие вопросы, касающиеся конструирования тестов и тестовых заданий. В статье описываются этапы создания теста, а также приводятся принципы построения тестовых заданий. Кроме того, анализируются основные типы тестовых заданий (задания закрытого типа и открытого типа). В статье указывается на преимущества и недостатки анализируемых заданий, а также приводятся примеры наиболее частых ошибок в конструировании тестовых заданий по русскому языку как иностранному. По мнению автора статьи, знание методики конструирования тестов и тестовых заданий может оказать существенную помощь преподавателям вузов, учителям, студентам, готовящимся к проведению контроля в тестовой форме на занятиях по иностранному языку. Тестирование как наиболее объективная форма контроля должно дополнять традиционную систему контроля.

Ключевые слова: контроль, тестирование, коммуникативная компетенция, тест, тестовые задания, ошибки в конструировании тестовых заданий

Methodology of constructing tests and test tasks for Russian as a foreign language

Abstract

The author of the article claims that a teacher of any foreign language should take part actively in creating tests that make controlling language and communicative skills of learners possible. Thus, in the article, most important problems concerning construction of tests and test tasks were discussed. The author presents the stages of preparing a test and the principles of working out test tasks. Besides, the analysis of main kinds of tasks (open tasks and closed tasks) was accomplished. In the article, the advantages and disadvantages of analyzed tasks are indicated and most frequent errors concerning the structure of test tasks used in teaching Russian as a foreign language are presented. According to the author of the article, the knowledge of constructing tests and test tasks may be useful for lecturers, teachers and students

who plan to conduct the test control in the classes of a foreign language. Testing, as the most objective form of control, should complete the traditional system of control.

Key words: control, testing, communicative competence, test, test task, errors in constructing test tasks

Dorota Dziewanowska
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Wydział Filologiczny
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)
dr hab. prof. UP
e-mail: ddziewanowska@o2.pl
+48 126626740

Karolina Gotqbek

**Эффективное использование методов коучинга
на занятиях по русскому языку
в рамках II Краковских методических мастер-классов
повышения квалификации для преподавателей
русского языка „Я люблю русский”**

Человек – повелитель своей собственной внутренней вселенной. И как прекрасно, как ответственно и как сложно законно править собственным внутренним миром, в сравнении с чем любое властвование над внешним государством кажется ничтожным и не заслуживает внимания мудрого.

Сократ

Коучинг является прекрасным помощником раскрытия потенциала человека. С его помощью можно достичь вершин собственного мастерства. Он не учит вас, а помогает учиться.

Джон Уитмор

Инновационное обучение иностранным языкам определяется как обучение нового типа, построенное на активизации эмоциональной сферы учащихся. Организация учебного процесса с использованием новых техник совершенствования усвоения иностранного языка позволяет не только включить всех учащихся в процесс познания на максимальном для каждого обучающегося уровне успешности, но также перевести учебную деятельность на продуктивно-творческий уровень.

Именно такую цель, направленную как на развитие индивидуальности¹ учащегося, так и на его умение общаться в коллективе, поставила перед со-

¹ Индивидуальность учащегося состоит из трех аспектов: индивидуальных, субъективных и личностных свойств, которые, взаимно связанные, создают единство, которое называется индивидуальностью. Индивидуальные свойства – это определенные природные свойства человека: темперамент, задатки, органические потребности и т. п. Все они составляют природную основу индивидуальности. Субъективные свойства – это свойства, доступные для познания исключительно в процессе взаимодействия учителя и учащихся, которые являются равноправными участниками учебного процесса. При обучении иностранному языку учет субъективных свойств учащихся важен, потому что у каждого учащегося есть свои приемы овладения знаниями, своя учебная стратегия, каждый по-своему овладевает произношением звуков, словами, техникой

бой преподавательница русского языка Каролина Голомбек из Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета в Кракове в рамках II Краковских методических мастер-классов повышения квалификации для преподавателей русского языка². Применяемые в рамках мастер-класса методы направлены на обучение речевому общению, которое всегда обусловлено потребностями современного общества. Стоит обратить внимание на факт, что коммуникация всегда совершается в определенных условиях, имеет свое время и место, заданную конкретную тему и людей, которые пытаются реализовать свои цели, хотя бы такие как прием или передача информации. Подобная форма работы требует от учащихся так называемого в коучинге коактивного подхода³. При помощи определенной системы принципов и техник, расширяющих возможности и повышающих умственные способности, учащиеся чувствуют себя вовлеченными в управление самим собой, получая от своей деятельности удовольствие. Учащиеся в ходе процесса коучинга достигают высокого уровня чувствительности и внимательности к событиям внешнего и внутреннего мира. Все это достигается именно в процессе коучинга с использованием техник НЛП⁴.

чтения и организует самостоятельную работу, например, в форме внеклассных занятий. Личностные свойства учитывают, в частности, жизненный опыт учащегося, его сферу интересов, желаний, мировоззрение, статус личности в коллективе (популярность учащегося среди товарищей, взаимные симпатии для выбора речевых партнеров и т. п. См. подробнее: Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева, *Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования*, Русский язык. Курсы, Москва 2010.

² Краковские методические мастер-классы для преподавателей русского языка это эффективная форма профессионального обучения учителей средней и высшей ступени образования. Организатором мастер-классов является Институт восточнославянской филологии Ягеллонского университета. Ведущие мастер-классы передают участникам-учителям свои знания, делятся опытом, чаще всего путем прямого и комментированного показа приемов работы. Проект носит циклический характер. 12 апреля 2014 года мастер-классы состоялись уже второй раз. Больше информации на сайте: <http://lubierosyjski.wordpress.com>.

³ Коактивный подход – это вид коучинга, подразумевающий работу в партнерстве. Коактивный коучинг основывается на убеждении, что вся информация заложена в клиенте и что коучинг раскрывает его личный потенциал, что способствует успеху в достижении его целей. См. подробнее: С. Бавистер, А. Виккерс, *Коучинг. Техники НЛП в бизнесе*, Гиппо, Москва 2010.

⁴ Нейролингвистическое программирование (также нейро-лингвистическое программирование, НЛП, от англ. *Neuro-linguistic programming*) – направление в психотерапии и практической психологии, не признаваемое академическим сообществом, основано на технике моделирования (копирования) вербального и невербального поведения людей, добившихся успеха в какой-либо области, и наборе связей между формами речи, движением глаз, тела и памятью. В названии „НЛП” часть „Нейро” указывает на то, что для описания опыта человека необходимо знать и понимать „языки мозга” – т.е. неврологические процессы, которые отвечают за хранение, переработку и передачу информации. „Лингвистическое” подчеркивает важность языка в описании особенностей механизмов мышления и поведения, а также в организации процессов коммуникации. „Программирование” определяет системность мыслительных и поведенческих процессов: „программа” в переводе с греческого означает „четкая

Представленный в рамках настоящего мастер-класса ряд упражнений нацелен на повышение индивидуальной и командной осознанности, поскольку чем они будут выше, тем лучше будет работать команда. Самое главное для занятий такого характера – это четко, последовательно и емко запланировать внутреннюю организацию урока.

По мнению Ханны Коморовской, любой урок должен содержать задания, направленные на проверку тех навыков и умений, на усвоение которых он нацелен⁵. Поэтому существенным в процессе внедрения нового учебного материала является продумать и разработать внутреннюю организацию занятий, а точнее определить цели урока – основные и промежуточные. Они должны учитывать умения слушателей и предусматривать активную и интерактивную работу с языком. К основным целям настоящего мастер-класса относятся следующие:

1. Представить разные типы заданий, связанных с темой мастер-класса, а именно **„Эффективное использование методов коучинга на занятиях по русскому языку“**.
2. Раскрыть методические подходы к активизирующим техникам в обучении РКИ.
4. Показать на примерах возможности работы с наглядными материалами.
5. Разработать примерные задания, способствующие обучению четырём языковым навыкам: аудированию, устной речи, чтению и письменной речи на уровне B1, B2, C1, C2.

Не менее важными являются и промежуточные цели, среди которых можно назвать следующие:

1. Подготовка преподавателей русского языка к использованию новых методов в организации учебного процесса.
2. Выработка умения выражать свои и понимать чужие коммуникативные намерения, с учетом разных ситуаций общения.
3. Внедрение в учебный процесс культурного и социального контекстов, повышающих мотивацию к индивидуальной и групповой работе.
4. Сотворчество в отношениях учитель-ученик.

Свободный переход к вводной части мастер-класса осуществляется толкованием самого понятия *коучинг*, которое пришло из мира спорта. Согласно Оксфордскому словарю, глагол *to coach* означает „наставлять, тренировать, подсказывать, снабжать факторами”. Коуч, слово венгерского происхождения,

последовательность шагов, направленных на достижение какого-либо результата”. Нейролингвистическое программирование разрабатывалось совместно тремя людьми: Ричардом Бендлером, Джоном Гриндером, Фрэнком Пьюселиком под попечительством антрополога, социального учёного, лингвиста и кибернетика Грегори Бейтсона в Калифорнийском университете, Санта-Круз, в 1960-е и 1970-е годы. По материалам: <http://www.sunhome.ru/psychology/13827>, <http://www.ikirov.ru/journal/entsiklopediya-potrebitelya-art-chto-takoe-nlp.html>, С. Бавистер, А. Виккерс, *указ. соч.*

⁵ Н. Komorowska, *Ćwiczenia komunikacyjne w nauce języka obcego*, WSiP, Warszawa 1988, s. 90.

получило распространение в Англии в XVI веке и означало „повозку”. Во второй половине XIX века коучами английские студенты называли частных репетиторов. В начале девяностых годов XIX века „коуч” прочно вошел в спортивную лексику как название тренера. В бизнес-менеджмент термин „коучинг” был введен в начале 90-х годов английским бизнесменом и консультантом Джоном Уитмором⁶.

Процесс работы над использованием методов коучинга в обучении русскому языку проходит с использованием модели Дж. Уитмора „РОСТ” (GROW), состоящей из четырех последовательных пунктов:

Goals – Цели, постановка целей как ориентир для дальнейшего развития;

Reality – Ориентация в текущей обстановке, осознание реальности;

Opportunity – Возможность, стратегия и альтернативные варианты действий;

Work/Will – Действие, деятельность, приводить в движение, желание разрабатывать.

Выходом в коммуникацию⁷ в рамках четырех стадий РОСТА стало упражнение с использованием метода, который называется дерево целей, отвечающее первой из них т.е. стадии целей (goals)

Упражнение первое: *Дерево ожиданий*

Ведущий просит учащихся нарисовать на бумаге предмет, изображающий, по их мнению, главную цель настоящего мастер-класса. Затем просит поместить её на дереве. Учащиеся аргументируют свое решение. (Время выполнения: 5 минут).

Участники очень внимательно подошли к выполнению настоящего задания. На дереве ожиданий появился, в частности, *будильник*, сопровождающийся пометкой, что в минимальном временном объеме продолжения урока (55 минут) содержится максимальное количество информации относительно использования методов коучинга на занятиях по русскому языку. Наше дерево ожиданий постепенно заполнялось *чашкой с кофе*, подразумевающей приятное развлечение, *солнцем* – символизирующим радость, положительную энергию, с мишенью – обозначающей то, что учитель попал в точку с предложенной темой.

К дереву ожиданий обязательно следует вернуться в конце мастер-класса, чтобы проверить, насколько собственные цели каждого из участников мастер-класса (обучаемых), т.е. промежуточные цели, оправдались в ходе занятий и насколько сошлись они в одну общую цель как обучаемых, так и учителя,

---

⁶ Сэр Джон Уитмор – это британский автогонщик, один из ведущих бизнес-тренеров Великобритании, создатель популярной модели коучинга GROW, обладатель почетной награды Международной федерации коучей (ICF), автор книг о спорте, лидерстве и коучинге, в том числе бестселлера „Коучинг высокой эффективности”, проданного тиражом в 500 000 экземпляров и переведенного на 17 языков. Уитмор одним из первых сформулировал методы коучинга и разработал его инструменты.

⁷ А.А. Акишина, О.Е. Каган, *Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного*, Русский язык. Курсы, Москва 2008, с. 28.

т.е. в конечную цель. В ходе этого упражнения каждый из участников должен почувствовать индивидуальную поддержку и гарантию, что предложенный дальше ряд упражнений раскроет внутренний потенциал каждого из учащих-ся, а их индивидуальные потребности не останутся без внимания.

Для некоторых из нас коучинг сопряжен с фундаментальными переменами. Нам приходится по-иному взглянуть на самих себя и на других людей – на коллег, подчиненных или конкурентов. Ведь натуральной потребностью каждого человека является знать, какое мы производим впечатление на окружающих, какие вызываем ассоциации, что воспринимается как существенное, реальное (reality) в нашем поведении, а что вовсе не замечается. В ходе следующего упражнения *Какие мы* с применением метода метафоры все участники поучаствуют в творческом процессе и в совместном создании художественного образа своего коллеги.

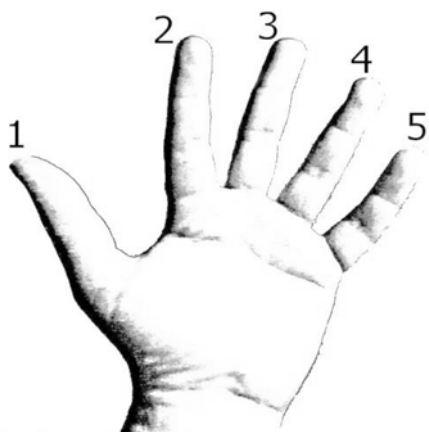
Упражнение второе: *Какие мы*

Участники обрисовывают на листе бумаге свою ладонь. Учитель просит поставить на каждом из пальцев и внутри ладони цифру в зависимости от количества участников. (в случае напр. 11, вопросы от 1 до 10). Участники вписывают цифры в пальцы и внутреннюю часть ладони. Дальше ведущий просит подписать листок и заодно предупреждает, что будет читать 10 вопросов (столько, сколько участников игры). После прочтения каждого из вопросов учитель просит каждого участника пересечь через одно место. Отвечая на вопросы, участники вписывают в пальцы и внутреннюю часть ладони свои ответы. (Время выполнения: **15 минут**).

Примерные вопросы учителя:

1. С каким цветом ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
2. С какой машиной ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
3. С каким напитком ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
4. С каким киногероем ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
5. С каким временем года ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
6. С каким музыкальным инструментом ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
7. С каким лакомством ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
8. С какой страной ассоциируется у вас участник, листок которого держите перед глазами?
9. Что вам нравится в участнике, листок которого держите перед глазами?
10. О чем мечтает участник, листок которого держите перед глазами?

Когда участники пройдут все вопросы и дадут характеристику по каждому из пунктов, описывая по очереди всех слушателей, возвращаются на свои места. Затем учитель просит каждого ознакомиться со своей ладонью и обратить внимание, какие мы в глазах других. Желающий может прочитать свою характеристику всей группе.

Эта форма упражнения ведет к интеграции группы, в которой участники (учителя, ученики) не знакомы друг с другом, а также к созданию доброжелательной атмосферы в классе, в котором иногда снижается мотивация и интерес к знакомству с другим человеком. Большинство людей, оказавшись в новом окружении (начало семинара, первый урок в новом классе и др.), чувствует себя неуверенно. Поэтому преподавателю необходимо создать в коллективе доброжелательную атмосферу, которая позволит слушателям раскрепоститься и сосредоточиться на том, чему они хотят научиться. На этой стадии необходимо помочь участникам „растопить лед”. Для этого используется техника, которая называется айсбрейкер (англ. icebreaker – ледокол). Предложенное в рамках этого метода упражнение *Кто мы. Игра в стереотипы* состоит их четырёх этапов. (Время выполнения: 25 минут).

Упражнение третье: *Кто мы. Игра в стереотипы.*

Первый этап называется *шанс вжиться в роль* (opportunity). Слушатели выбирают напр. из маленького самовара общественные роли, придуманные заранее учителем. Важно то, чтобы только слушатель знал, какую роль он выполняет, и не показал листок с ролью другим.

Общественные роли, предложенные учителем:

1. Ты – молодая семнадцатилетняя цыганка с незаконченной начальной школой.
2. Ты – ученица, страдаешь анорексией.
3. Ты – молодая арабка, живущая под одной крышей с родителями. Родители – очень религиозные люди.
4. Ты – невеста молодого артиста-алкоголика.
5. Ты – дочь президента.

6. Ты – сотрудница крупной корпорации, у тебя неизлечимая болезнь кожи.
7. Ты – известный политик, часто выступаешь в СМИ.
8. Ты – дочь менеджера банка. Изучаешь экономику в университете.
9. Ты – хорошо образованная женщина на руководящем посту.
10. Ты – инвалид, передвигаешься на коляске.
11. Ты – безработная женщина.
12. Ты – лидер политической партии, которая пришла к власти.

Второй этап это *биография*. Учитель просит как можно лучше вжиться в данную общественную роль и придумать имя и свою биографию. Учитель раздает каждому слушателю листок бумаги и просит написать биографию по следующим вопросам:

1. Как тебя зовут?
2. Где ты живешь?
3. Как выглядит твоя ежедневная жизнь?
4. Как выглядело твое детство?
5. Что ты делаешь в свободное время?
6. Чего ты боишься в жизни?

Затем раздает каждому бейдж и просит написать на нем свое придуманное имя и прикрепить бейдж на видимое место.

Третий этап состоит из *утверждений*. Когда слушатели закончат писать биографию, каждый прикрепляет бейдж с именем лица, в которое он вживается. Учитель просит слушателей занять место в конце зала в одном ряду плечом к плечу. Учитель занимает место напротив участников упражнения и предупреждает их, что будет читать ряд вопросов. Если вживающийся в данную общественную роль слушатель согласится с утверждением, делает шаг вперед. Если не согласится, стоит на своем месте.

Список утверждений:

1. У тебя удобная квартира или дом с телевизором и Интернетом.
2. Ты можешь позволить себе раз в год поехать на каникулы.
3. Чувствуешь, что люди в обществе, в котором ты живёшь, уважают твой язык, культуру и традиции.
4. Ты можешь пригласить своих знакомых к себе домой и вместе с ними пообедать.
5. У тебя интересная жизнь и оптимистические (положительные) прогнозы на будущее.
6. Ты знаешь, куда обратиться за помощью, когда только в ней нуждаешься.
7. У тебя никогда не было серьезных финансовых проблем.
8. Другие люди слушаются тебя/уважают твое мнение.
9. Ты никогда не испытывал/-ла дискриминацию по поводу своего происхождения.
10. Ты получаешь достойную медицинскую и социальную помощь, отвечающую твоим потребностям.
11. Ты не боишься, когда тебя задерживает милиция.

Четвертый (последний) этап называется *Угадываем роль*. После прочтения всех утверждений учитель просит участников обратить внимание

на тех, кто дошел дальше всех и прокомментировать, почему так случилось, возможно даже попробовать угадать, кто лидер. Затем просит угадать общественные роли всех участников, которые им пришлось выполнять за время этого упражнения. Потом каждый из участников по очереди, начиная с „победителя”, пересказывает свою биографию, которую он написал в начале упражнения.

Благодаря этой форме упражнения учащиеся узнают, какие механизмы действуют в обществе. Упражнение должно сопровождаться краткой беседой на тему того, кто и почему может чувствовать себя исключенным из группы и как остальные могут этому противодействовать. Учащиеся, вживаясь в свою роль, рассказывают о своих эмоциях в ходе упражнения, о том, какие из прочитанных утверждений вызывали у них уверенность или сомнения. Важно, чтобы ни одна из выполненных ролей не осталась без комментария и чтобы никто из слушателей не почувствовал себя вне поля внимания. Следует заметить, что механизм, действующий в этом упражнении, напоминает реальные ситуации, с которыми сталкиваются как учителя, так и ученики, которые вынуждены бороться с дискриминацией и стереотипами. Роль учителя в этом упражнении заключается в том, чтобы помочь участникам благополучно выйти из своей временной роли. Упражнение заканчивается тем, что учащиеся разрывают на куски бумагу со своей биографией и как можно скорее снимают бейджи.

С целью выведения слушателей из состояний, которые мешают им дальше концентрироваться, а также переключения с одной темы на другую применяется следующий метод, который называется *энергетик* (англ. *energizer* – *энерджайзер*). Проводится он после перерыва для разогрева и восстановления концентрации группы. *Триада*, именно так называется этот вид упражнения, заключается в том, что участники садятся в круг. Каждый из них по очереди представляет себя группе с помощью триады, в которой:

- **первое слово** – имя участника;
- **второе слово** – пищевые продукты (желательно – которые он любит);
- **заключительное слово** – название города, страны;

Трудность заключается в том, что все три слова начинаются с той же буквы, что и имя участника. К тому же за весь круг нельзя ни разу повторить названия пищевых продуктов, городов и стран, прозвучавших раньше! (Время выполнения: 5 минут).

МОДЕЛЬ: Каролина, киви, Краков.

Эта форма упражнения несомненно способствует знакомству с другими участниками мастер-класса и развивает ассоциативное, творческое мышление.

Последний метод, применяемый в рамках настоящего мастер-класса, носит успокаивающий характер. Это транквилизатор (англ. *traunquilizer*), суть которого заключается в том, что под успокоительную музыку учитель просит участников (учеников) закрыть глаза, расслабиться и представить себе три предмета *зеленого цвета*. Затем просит произнести их вслух. (Время выполнения: 5 минут).

МОДЕЛЬ: зеленый цвет: трава, пальма, гамак.

Для этого упражнения неслучайно выбирается зеленый цвет. Ведь наш глаз воспринимает его как наиболее спокойный и благоприятный. В *психологии он* ассоциируется с тягой к эмоциональной стабильности и пробуждению.

Согласно новым методам обучения иностранному языку, учитель русского языка, как и опытный коуч, в работе с учеником использует различные программы и подходы, применяя в ходе урока специально разработанный психологический инструмент. Поэтому урок иностранного языка представляет иногда собой диалог консультанта со своим клиентом. Учитель (коуч) дает своему клиенту (учителю, ученику) толчок к движению вперед, определяя правильные пути этого движения. Круг задач, представленных в рамках мастер-класса: **Эффективное использование методов коучинга на занятиях по русскому языку**, настолько широк и разнообразен, что описанные в настоящей статье упражнения могут применяться как к отдельной личности, так и к группе. В процессе коучинга разрушается множество устоявшихся стереотипов, которые заменяются правильными взглядами и эффективными привычками, способствующими личностному росту и быстрому достижению намеченной цели. Такая ломка стереотипов, естественно, вызывает определенное психологическое сопротивление, со стороны клиента (учителя, ученика). Задача тренера – свести это сопротивление к минимуму, а ломку стереотипов сделать незаметной и безболезненной. Во время коучинга учитель (тренер, коуч) никогда не навязывает своего мнения, лишь только подталкивает мысли учащихся в правильном направлении. Согласно словам Сократа, коуч *не может никого ничему научить, он может лишь заставить думать*⁸.

Литература

- Бiałek K., Kowalska A., *Warsztaty kompetencji międzykulturowych – podręcznik dla trenerów*, Międzynarodowe Centrum Adaptacji zawodowej, Warszawa 2008.
- Komorowska H., *Ćwiczenia komunikacyjne w nauce języka obcego*, WSiP, Warszawa 1988.
- Акишина А.А., Каган О.Е., *Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного*, Русский язык. Курсы, Москва 2008.
- Аткинсон М., *Жизнь в потоке. Коучинг*, Альпина паблишер, Москва 2014.
- Бавистер С., Виккерс А., *Коучинг. Техники НЛП в бизнесе*, Гиппо, Москва 2010.
- Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е., *Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования*, Русский язык. Курсы, Москва 2010.
- Уитмор Д., *Внутренняя сила лидера*, Альпина паблишер, Москва 2013.

---

⁸ Именно в связи со словами: „не могу никого ничему научить, я могу лишь заставить думать” Сократ считается родоначальником современного коучинга, хотя в его время эти идеи не получили должного внимания и не были так распространены, как в современном мире. См. подробнее: Д. Уитмор, *Внутренняя сила лидера*, Альпина Паблишер, Москва 2013, с. 17–21.

Эффективное использование методов коучинга на занятиях по русскому языку в рамках II Краковских методических мастер-классов повышения квалификации для преподавателей русского языка „Я люблю русский”

Резюме

Организация учебного процесса с использованием новых техник совершенствования иностранного языка позволяет не только включить всех учащихся в процесс познания на максимальном для каждого обучающегося уровне успешности, но также перевести учебную деятельность на продуктивно-творческий уровень. Именно такую цель, направленную как на развитие индивидуальности учащегося, так и на его умение общаться в коллективе, поставила перед собой автор настоящей статьи. Проведенные в рамках II Краковских методических мастер-классов повышения квалификации для преподавателей русского языка занятия с использованием техник коучинга расширяют возможности и повышают умственные способности учащихся. Участники чувствуют себя вовлеченными в управление самим собой, получая от своей деятельности удовольствие. В ходе процесса коучинга учащиеся достигают высокого уровня чувствительности и внимательности к событиям внешнего и внутреннего мира. Все это достигается именно в процессе коучинга с использованием техник НЛП.

Круг задач, представленных в рамках мастер-класса, настолько широк и разнообразен, что описанные в настоящей статье упражнения могут применяться как к отдельной личности, так и к группе. В процессе коучинга разрушается также множество устоявшихся стереотипов, которые заменяются правильными взглядами и эффективными привычками, способствующими личностному росту и быстрому достижению намеченной цели. Во время коучинга учитель (тренер, коуч) никогда не навязывает своего мнения, только лишь подталкивает мысли учащихся в правильном направлении. Согласно словам Сократа, коуч *не может никого ничему научить, он может лишь заставить думать*.

Ключевые слова: коучинг, инструменты коучинга, коммуникативные компетенции, языковые компетенции, лингвистика, лингводидактика, нейролингвистическое программирование, социолингвистика, социокультурный аспект, курсы повышения квалификации, индивидуальность учащегося

Efficient use of coaching tools in the Russian language classes within the framework of the II Cracow Methodological Workshop „I like Russian”

Abstract

In the article, the author describes how to use the coaching tools in the Russian language classes. In author's opinion, it is one of the most modern methods of working with foreign language which supports both the teacher and the student in the development of personality in determining the objectives and increasing the ability to achieve them. During the execution of the exercises which involve coaching techniques such as objectives tree, metaphor, ice-breaker and energizer, both the teacher and the student develop their practical competence, questioning and listening skills and deliberate conduct conversations, which facilitates access to an interlocutor and which is also motivating. The author draws attention to the role of the teacher and the student as the parties equally involved in the process of learning a foreign language with the use of coaching tools. The author insists that foreign language teaching should be carried out in cooperation with learners. The teacher's role is to coordinate the

work and to support the efforts of students in the teaching cooperation, aimed at autonomisation of views and attitudes.

Key words: coaching tools, language competence, autonomisation, communication competence, communicative competence, linguistics, socioculture, sociolinguistics, foreign language professional education

Karolina Gołabek
Uniwersytet Jagielloński
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
asystent
e-mail: karolina.golabek@uj.edu.pl
+ 48 602 886 154

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica VII (2014)

Dorota Świątkiewicz-Siklucka

Indukcyjnie czy drogą dedukcji?

Stare pytanie w nowym świetle.

Albo: Dlaczego łatwiej uczymy się na przykładach niż na podstawie reguł teoretycznych?

Wszelka teoria jest szara, zaś złote drzewo życia – wiecznie zielone.
(Goethe, za: Wygotski 2002:259.)

Spór o metodę, czyli o to, jak optymalnie nauczać języków obcych w warunkach zinstytucjonalizowanych (szkolnych), charakteryzuje historię dydaktyki od zarania. Obecnie wydaje się nie ulegać wątpliwości, iż nauczanie (i uczenie się) drogą indukcyjną, czyli od przykładów do opisujących je reguł, stanowi postępowanie bardziej efektywne i celowe, niż droga odwrotna, prowadząca od reguł gramatycznych do przykładów je ilustrujących.

Skoro z praktyki wiemy, że w większości przypadków uczniowie łatwiej i skuteczniej uczą się na przykładach, niż na podstawie teoretycznych reguł, interesujące wydaje się sięgnąć głębiej, to znaczy poszukać przyczyn takiego stanu rzeczy. W niniejszym tekście poszukamy więc odpowiedzi na tytułowe pytanie i zastanowimy się, dlaczego droga indukcji przynosi lepsze wyniki, niż droga dedukcji.

Najkrótza i najprostsza odpowiedź na tytułowe pytanie brzmi, że tak funkcjonuje mózg ludzki. Tak, to znaczy tworząc reguły do zaobserwowanych przykładów, inaczej: ekstrahując reguły ogólne na podstawie przykładów (indukcja). Twierdzenie to wymaga jednakże szczegółowych wyjaśnień, które przedstawimy w dalszej części tekstu.

Uczenie (się) możemy zdefiniować za Vetulanim¹ jako tworzenie nowych bądź przekształcanie już istniejących śladów pamięciowych. Ślady te zwane są engramami i stanowią trwałe zmiany w układzie nerwowym. Nie oznacza to jednak, że ślady te pozostają gotowe do odświeżenia i wykorzystania w dowolnej chwili w przyszłości. Aby tak się stało, konieczne jest przekształcenie bezpośrednich śladów powstałych w pamięci natychmiastowej (krótkotrwałej, zwanej też roboczą) w engramy pamięci długotrwałej. Proces ten zwany konsolidacją następuje w drodze regularnego powtarzania wiedzy i/lub czynności. Wiedzę teoretyczną (a więc także reguły

---

¹ J. Vetulani, *Mózg: fascynacje, problemy, tajemnice*, Wyd. Homini, Kraków 2011, s. 186–187.

gramatyczne) przechowujemy w pamięci deklaratywnej. Zasoby tejsze pamięci mogą zostać łatwo ujęte w słowa i przekazane innym. Inaczej sprawa ma się w przypadku czynności (np. jazda na rowerze, gra na instrumencie, także posługiwanie się językiem pierwszym), które – mając wprawę – potrafimy wykonać bez zastanawiania się nad ich przebiegiem (etapami). Najczęściej nie potrafimy też opisać słowami naszych działań. Pamięć ta nazywana jest pamięcią proceduralną. Co ciekawe i ważne, pamięć proceduralna, w odróżnieniu od pamięci deklaratywnej, jest pamięcią trwałą i nie ulega amnezji².

Rozróżnienie tych dwóch typów pamięci jest istotne dla naszych rozważań dotyczących uczenia się języka pierwszego i obcego. Widzimy tu bowiem wyraźnie, iż opanowywanie gramatyki można porównać np. do nauki jazdy na rowerze: w pewnym momencie przestajemy zastanawiać się nad strukturą języka, po prostu jej używamy, czy stosujemy się do niej. Znaczy to, iż dostosowujemy nasze wypowiedzi do obowiązującej w danym języku struktury konstytuującej ów język. Na skutek tysięcy powtórzeń informacje gramatyczne zostają trwale „wpisane” w mózg. Jak dowodzą badania, informacje dotyczące gramatyki są bardziej odporne na zapominanie, niż dane leksykalne. Z doświadczenia wiemy, iż nieużywane słowa umykają z naszej pamięci, struktury i zasady tworzenia wypowiedzi, nie. Mamy więc tu do czynienia bardziej z pamięcią czy wiedzą proceduralną, niż deklaratywną. Tłumaczy to problemy, z jakimi mamy do czynienia w nauce języka: język ojczysty, będąc opanowanym intuicyjnie i bez instrukcji teoretycznych, bazuje na pamięci proceduralnej. Język obcy nauczany w sposób deklaratywny (w drodze pamięciowego opanowania reguł gramatycznych) nie przekłada się samoistnie na pamięć proceduralną, co oznacza, iż mając w pamięci wiedzę teoretyczną, ale nie mając praktyki w działaniu (nie przenosząc wiedzy na sprawności), nie jesteśmy w stanie skutecznie posługiwać się językiem. W tym fakcie już widzimy zasadność pozytywnej odpowiedzi na tytułowe pytanie. Widzimy, co następuje: ucząc się indukcyjnie, na podstawie przykładów, drogą prób i błędów i przede wszystkim poprzez działanie (tu: mówienie w danym języku), możemy osiągnąć sprawność posługiwania się językiem obcym. Zależność odwrotna nie zachodzi, co znaczy, że sama teoria zgromadzona w pamięci deklaratywnej nie wystarcza do opanowania języka w sposób receptywny i produktywny (rozumienie cudzych wypowiedzi i tworzenie własnych). Fakt ten znany jest wprawdzie od dawna, spróbujmy go jednak dowieść naukowo, zaglądając głębiej w naturę mózgu ludzkiego, konkretnie na poziom neurobiologii.

Badacze zajmujący się naturą mózgu twierdzą, iż mózg ludzki przystosowany jest do postrzegania i do ujmowania otaczającej go rzeczywistości w reguły. W książce pt.: „*Jak uczy się mózg*” Manfred Spitzer opowiada o eksperymentach, które w niezaprzeczalny sposób wykazały, iż już siedmiomiesięczne dzieci zwracają uwagę (niemowlęta czynią to niewątpliwie nieświadomie!) i rozpoznają ogólną strukturę zdania prezentowanego im sztucznego języka. Udowodniono tym samym, że dzieci uczą się ogólnej struktury zdania (sekwencji jednostek informacji wejściowych) już na niewielkiej ilości prób. Dochodzimy tu do słynnego paradoksu ubóstwa bodźca. Mianowicie, jak to możliwe, iż dziecko, dysponując stosunkowo niewielką ilością danych „wejściowych”, jest w stanie wytworzyć reguły, a następnie na ich podstawie, czy z ich wykorzystaniem, tworzyć własne – nigdy uprzednio

---

² Zob. *ibidem*, s. 188–189.

nie słyszane – wypowiedzi?! Tworzą więc „wewnętrzne reprezentacje, które mogą zostać przeniesione i zastosowane do całkowicie nowego materiału bodźcowego”³. Także dokładne obserwacje rozwoju języka dzieci, wraz z analizą popełnianych przez nie błędów, dostarczają dowodów, iż „dzieci nie uczą się poszczególnych czasowników na pamięć, ale opanowały pewną zasadę i są w stanie ją stosować”⁴.

Spitzer przekonuje, że zasady opanowujemy w procesie poznawania przykładów (= zastosowań), nie zaś na podstawie reguł. Przekonuje ponadto, że wiedza nie ma znaczenia dla umiejętności!

„Kiedy mówimy, nie posługujemy się żadnymi regułami”⁵. Podobne zdanie reprezentuje Searle, gdy odrzucając pogląd N. Chomsky’ego o istnieniu uniwersalnej gramatyki i LAD⁶, stwierdza, iż „jesteśmy tak neurofizjologicznie skonstruowani, że słuchowe doznania, płynące od innych mówiących ludzi i interakcje z nimi, pozwalają nam na nauczenie się języka”⁷.

Searle proponuje więc, by pomyśleć „o umyśle i umysłowych procesach jak o biologicznych zjawiskach, biologicznie uwarunkowanych, tak jak trawienie i wydzielanie żółci”⁸.

Polemizując z Chomsky’em w kwestii posiadania przez człowieka sieci reguł gramatyki uniwersalnej, Searle przyjmuje prostszą, jego zdaniem, hipotezę, mianowicie, „że fizjologiczna struktura mózgu wymusza możliwe gramatyki, bez pośredniczącego wpływu poziomu zasad lub teorii”⁹.

Zamknijmy powyższe rozważania stwierdzeniem, iż zasady i reguły istnieją (są dane), a my działamy (np. posługujemy się językiem, chodzimy, widzimy, trawimy,...) tak, jakbyśmy stosowali się do konkretnych zasad np. gramatyki, w istocie zaś „nie kierujemy się żadnymi regułami”. Zasady, „według których identyfikujemy i wyjaśniamy działanie, są same w sobie częścią działania, to znaczy częściowo **tworzą to działanie**”¹⁰.

Ale: „jesteśmy w stanie, po fakcie, takie zasady sformułować (co wcale nie jest łatwe!...)”¹¹.

Spitzer przedstawia więc mózgi jako maszyny wyłapujące reguły. Reguły rządzą światem, a my nie uczymy się ich poprzez opanowanie pamięciowe, lecz w procesie uogólnień powstałych z licznych przykładów zastosowania tychże reguł. Droga prowadzi więc od szczegółów do ogółu, nie na odwrót, czyli indukcyjnie. Wiedza *explicite* (jawna) przekształca się w umiejętność dzięki przykładom i ciągłemu zastosowaniu owej wiedzy. Za taką organizacją pracy mózgu stoją względy ekonomiczne, mianowicie oszczędność miejsca w mózgu do zapamiętywania szczegółów!¹²

³ M. Spitzer, *Jak uczy się mózg*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 2007, s. 64.

⁴ *Ibidem*, s. 65.

⁵ *Ibidem*, s. 66.

⁶ Language Acquisition Device.

⁷ J.R. Searle, *Umysł, mózg i nauka*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 1995, s. 48.

⁸ *Ibidem*, s. 49.

⁹ *Ibidem*, s. 46.

¹⁰ *Ibidem*, s. 47, 54 (wyróżnienie J.R. Searle).

¹¹ M. Spitzer, *Jak uczy się mózg*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 2007, s. 66.

¹² Zob. *ibidem*, s. 68.

Rozważając naturę i funkcjonowanie mózgu ludzkiego w kontekście użycia przezeń języka, nie sposób pominąć kwestię akwizycji języka pierwszego, jak i różnic w nabywaniu języka pierwszego i obcego. Na początku skupimy się na istotnych rozróżnieniach pomiędzy akwizycją i użyciem języka pierwszego, a uczeniem się i użyciem języka obcego. Język pierwszy (L1), zwany potocznie *ojczystym*, a w języku niemieckim *Muttersprache*, określane także jako język *prymarny*, czy *wyjściowy*, nabywany jest w sposób „naturalny”, od poczęcia, w środowisku używającym tegoż języka. Proces ten jest wyjątkowy i niepowtarzalny, każdy następny język nabywany jest bowiem w sytuacji posiadania już języka i wiedzy o otaczającej rzeczywistości, tak, że pozostaje on na zawsze punktem odniesienia do języka nabywanego w następnej kolejności (stąd określenie *prymarny* i *wyjściowy*)¹³.

Terminu *język drugi* (L2) używamy w przypadku języka nabywanego równoległe bądź z niewielkim przesunięciem czasowym w stosunku do L1, i – co decydujące – w kraju, w którym język ten używany jest do codziennej komunikacji. Akwizycja taka dokonuje się głównie w sposób „naturalny”, tzn. nie w warunkach szkolnych, nie poprzez instrukcje teoretyczne, a w drodze obserwacji i uczestnictwa w autentycznej komunikacji językowej, wraz z towarzyszącym jej kontekstem.

Język obcy nie jest tożsamy z *językiem drugim* (L2), choć niektórzy autorzy używają tych określeń zamiennie. Pragniemy zwrócić jednak uwagę na istotę i sens rozróżnienia między językiem drugim a językiem obcym; Język obcy nabywany jest bowiem w warunkach zinstytucjonalizowanych, w kraju języka pierwszego, czyli po – pełnym lub częściowym – opanowaniu tegoż języka, co oznacza, iż L1 stanowi punkt wyjścia i odniesienia do poznawanego później języka obcego. W przypadku języka obcego nabywanego w warunkach szkolnych decydujący jest fakt uboższego kontaktu z nabywanym językiem (ubóstwo bodźca), sztuczności komunikacji między nauczycielem nie będącym rodzimym użytkownikiem nauczanego języka, a uczniami, a więc sytuacji, kiedy zarówno nauczyciel, jak i uczniowie mają wspólny język ojczysty, a komunikacja między nimi ma przebiegać w obcym dla nich języku. Mimo oczywistych zalet takiego stanu rzeczy w postaci możliwości wyjaśnienia wszelakich problemów i niejasności we wspólnym języku pierwszym, wadą jest właśnie pokusa zbyt częstego, nieuzasadnionego używania L1, przede wszystkim zaś wspomniana sztuczność komunikacji, jak również ewentualna niedoskonałość wzorca, czyli nauczyciela. Mamy tu na myśli niedoskonałość w postaci braków w zakresie fonetyki, gramatyki, leksyki czy pragmatyki w użyciu nauczanego języka.

W kontekście rozważań na temat nauki języka obcego nie sposób nie poruszyć zagadnienia roli gramatyki w tym procesie. Można wręcz stwierdzić, iż zasadniczym pytaniem, wokół którego koncentruje się dydaktyka języków obcych, była i jest kwestia gramatyki. Kwestia ta dotyczy ustalenia CZY (z gramatyką czy bez niej), jeśli tak, to ILE (gramatyki), oraz JAK (nauczać/uczyć się). Mamy tu więc pytanie o to, czy w ogóle wprowadzać reguły gramatyczne, czy omawiać zjawiska gramatyczne

¹³ Johnson podkreśla, że „Poznajemy jego [języka obcego] gramatykę i składnię od innej strony niż ludzie, dla których jest to język ojczysty... Poznajemy ją bowiem przez pryzmat języka pierwszego. Ponadto: „Nauka języka obcego i ojczystego angażuje inne okolice mózgu: poznanie intuicyjne ma swój ośrodek w jądrze migdałowym, natomiast umiejętność systematyzacji podlega nowej korze, siedlisku logicznego myślenia i języka...”. S. Johnson, *Umysł szeroko otwarty. Życie codzienne naszego mózgu w świetle współczesnej neurobiologii*, Wyd. J. Santorski & Co Agencja Wydawnicza, Warszawa 2005, s. 50.

explicite, tzn. w oparciu o teoretycznie sformułowane reguły, czy (jak chcieli np. przedstawiciele tzw. metod bezpośrednich) tylko w tekstach bez jakichkolwiek objaśnień, paradygmatów, reguł itp. Jeśli opowiemy się za gramatyką, pojawia się pytanie o to, ILE gramatyki, to znaczy które z fenomenów gramatycznych danego języka należy wprowadzić i z jaką progresją. Pozostaje ponadto ustalenie, JAK: w sposób jawny (*explicite*), ukryty (*implicite*), dedukcyjnie, czy może indukcyjnie.... Rozstrzygnąć i uzasadnić trzeba prócz tego kwestię, czy korzystamy w nauczaniu z pomocy języka wyjściowego (L1) uczniów, czy też nie. Odpowiedź pozytywna wydaje się jednakże być oczywistą konsekwencją omówionych różnic w procesie opanowywania L1 i języka obcego, stąd wniosek, iż należy korzystać z pomocy L1 podczas wyjaśniania języka obcego (tak słownictwa jak i gramatyki), celem ułatwienia i skrócenia procesu pojmowania i opanowywania języka obcego.

Pytanie dotyczące zasadności uwzględnienia gramatyki w nauce języka obcego zostało przez badaczy wystarczająco wyjaśnione. Przypomnijmy tu tylko, iż nie ma języka bez gramatyki, gramatyka jest elementem konstytucji języka, nie ma więc żadnego logicznego powodu, by ją pomijać. Tak więc, nie wdając się w bardziej szczegółowe uzasadnienia kwestii roli gramatyki w nauce języka obcego, pragniemy podkreślić, iż nie ma gramatyki bez słów, tak samo, jak nie ma i nie jest możliwe uczenie się słów bez gramatyki! Gramatyka jest bowiem spoiwem łączącym słowa w zdania, a następnie w teksty. Jest szkieletem, na którym opiera się wszelka twórczość językowa. Język obejmuje słownictwo i gramatykę, w znaczeniu reguł, wedle których słowa łączą się (czy raczej: łączone są) w sensowne i poprawne wypowiedzi (kombinatoryka).

Jak twierdzi neuropsycholog Angela Friederici, słów nauczyć mogą się też małpy czy papugi, języka zaś tylko ludzie...¹⁴ Friederici przekonuje, że tym, co stanowi język ludzki, jest właśnie składnia (syntaksa). Stąd wniosek wysuwany przez nią, iż nauka języka obcego (w szczególności ta w warunkach szkolnych) musi opierać się na gramatyce. Ale oczywiście składnia, to nie wszystko. Wystarczy przypomnieć słynny przykład Noama Chomsky'ego: „Bezbarwne zielone idee wściekle śpią” (ang. *Colorless green ideas sleep furiously*), który ukazuje, iż poprawność gramatyczna nie wystarcza; Zdanie może być poprawne gramatycznie, acz bez sensu. Widzimy tu wyraźnie, że składnia nie jest podstawowym kryterium poprawności tekstu. Decydującą rolę odgrywa odpowiednia kombinatoryka wyrazów (łączliwość elementów leksykalnych), a także kontekst semantyczny. Liczne przykłady z nauczania języka obcego ilustrują możliwość poprawnych składniowo zdań, które jednakże od strony leksykalnej pozbawione są sensu i/lub niezrozumiałe dla rodzimych użytkowników języka ze względu na odmienne normy użycia (normy kolokacyjne, usus językowy).

Ważne w tym kontekście wydaje się zwrócenie uwagi na poczynione przez G. Helbiga rozróżnienie między *gramatyką A, B i C*¹⁵. Mianowicie:

¹⁴ A. Friederici, *Was ist Sprache und wie ist sie im Hirn repräsentiert?*, „Deutschland” 1997, nr 5, s. 47–49.

¹⁵ G. Helbig, *Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht*, Wyd. Enzyklopädie, Leipzig 1981.

Gramatyka A istnieje obiektywnie, realnie, niezależnie od opisów stanowiących ją reguł przez lingwistykę. Gramatykę tę stanowi więc zbiór rzeczywistych reguł, decydujących o takim, a nie innym funkcjonowaniu danego języka.

Opis lingwistyczny określony przez Helbiga jako *gramatyka B*, jest wtórny w stosunku do *gramatyki A*. Wszak bez opisu język funkcjonuje w zasadzie bez przeszkód, choć mogą pojawić się – także wśród rodzimych użytkowników danego języka wątpliwości i błędy¹⁶.

Gramatyka C określana jest jako „gramatyka w głowie”, czyli gramatyka wewnętrzna (*intern*), jaką każdy rodzimy użytkownik danego języka posiada (wytworza w ciągu pierwszych lat swego życia w otoczeniu posługującym się owym językiem). Do utworzenia takiej właśnie wewnętrznej gramatyki, pozwalającej na arefleksyjne stosowanie reguł obowiązujących w języku, dążymy podczas nauki języka obcego. Opanowanie *gramatyki C* umożliwia nam bowiem koncentrowanie się na treści wypowiedzi, bez konieczności poświęcania większej uwagi zjawiskom gramatycznym, czyli formalnej stronie języka. Dzieje się tak w miarę postępującej automatyzacji struktur danego języka, odciążając znacząco świadomość podczas tworzenia (i recepcji) wypowiedzi.

Gramatyka A, tzn. reguły, którymi „rządzi się” dany język, czyli według których tworzymy w danym języku poprawne (z punktu widzenia gramatyki, semantyki/leksyki, pragmatyki, ponadto stosowne do intencji mówiącego) i sensowne wypowiedzi, istnieją i przestrzegamy ich, nie będąc tego świadomym. Dzieje się tak, jak wspomnieliśmy, w przypadku języka pierwszego (L1), zwanego umownie (aczkolwiek nie bezasadnie) *ojczystym*. Ponadto bez deklaratywnej wiedzy o zastosowaniu (a nawet istnieniu) danej reguły. Stosowanie się do reguł gramatycznych w przypadku L1 nie jest najczęściej wynikiem świadomych procesów decyzyjnych (odbywa się bez udziału świadomości).

W przypadku języka obcego dążymy do takiego stanu rzeczy, jak w L1, ale drogą „okrężną”, z wykorzystaniem i pomocą *explicite* sformułowanych reguł. Trafna jest tu metafora gramatyki jako laski, którą podpieramy się, nim nie osiągniemy stanu samodzielności w używaniu języka obcego, czyli automatyzacji i arefleksyjnego stosowania reguł.

Reasumując warto zwrócić uwagę, iż:

W przypadku L1 nie znamy reguł, a intuicyjnie stosujemy się do nich.

W języku obcym nawet znajomość reguł *explicite* nie gwarantuje poprawnego ich zastosowania; Możemy znać na pamięć reguły teoretyczne, ale w praktyce nie umieć ich zastosować¹⁷.

Przypomnijmy w tym miejscu etapy, które przejść musi uczący się języka obcego (nierodzimych użytkowników języka) podczas tworzenia wypowiedzi: myśl / intencja komunikacyjna – koncept ogólny wypowiedzi – dobór odpowiednich słów oraz reguł i środków (syntaktycznych, leksykalnych, morfologicznych), wedle których należy wyrazić te połączyć (kombinatoryka), ponadto pragmatyka (użycie w konkretnej

¹⁶ Zdziwiał na przykład fakt, iż wielu chłopców, a nawet mężczyzn, używa błędnej formy: **poszedłem*. Ciekawą konsekwencją poprawiania tego błędu jest tworzenie kolejnego, czyli liczby mnogiej: **poszedliśmy*, zgodnie z logiką – skoro *poszedłem*, to także **poszedliśmy*.

¹⁷ Zob. też A. Szulc, *Die Fremdsprachendidaktik. Konzeptionen – Methoden – Theorien*, PWN, Warszawa 1976, s. 121–122.

sytuacji, adekwatność, styl). Dochodzi do powyższego nadto odpowiednia fonetyka / prozodia – w wypowiedziach ustnych, a ortografia w wypowiedziach pisemnych.

Czas potrzebny do wykonania tego zadania, polegającego na „ubrani” myśli w słowa badacze szacują na ok. 0,6 sekundy. Droga od myśli do słowa prowadzi poprzez następujące etapy: rozpoznanie słowa – ok. 200 milisekund, przekształcenia gramatyczne – ok. 320 milisekund, artykulacja (uruchomienie narządów mowy) – ok. 450 milisekund¹⁸. Warto zwrócić uwagę, iż podane szacunkowe dane dotyczą posługiwania się językiem pierwszym. W przypadku języka obcego czas ten będzie – w zależności od stopnia zaawansowania (biegłości) uczącego się – odpowiednio dłuższy.

Odwrotny proces, tzn. rozumienie (analiza) mowy, przedstawiony przez neuropsycholog A. Friederici, dokonuje się w ludzkim mózgu w trzech etapach: W fazie pierwszej, trwającej ok. 160 milisekund, mózg analizuje strukturę gramatyczną zdania. W drugiej fazie mózg dokonuje analizy słów pod kątem ich znaczenia. Faza ta trwa od 200 do 600 milisekund. Faza trzecia, której czas trwania wynosi ok. 700 milisekund, obejmuje dopasowywanie struktury zdania do znaczenia słów. W razie wykrycia jakiegokolwiek błędu, proces analizy zostaje wznowiony¹⁹.

Jak widzimy, tempo jest zawrotne....

Gdybyśmy chcieli w warunkach nauki szkolnej zrezygnować z reguł *explicite* i opierać się tylko i wyłącznie na regułach zawartych *implicite* w wypowiedziach bądź tekstach, wówczas nie mielibyśmy szans na osiągnięcie zadowalających wyników; Czas, jaki byłby potrzebny do wyekstrahowania przez uczącego się z dostępnych mu tekstów mówionych i pisanych w tym języku, reguł, rządzących językiem obcym, przekraczałaby znacząco czas dostępny w warunkach nauczania zinstytucjonalizowanego. (Pojawia się tu wspomniany problem *ubóstwa bodźca!*) Dlatego też musimy w tym przypadku wziąć do pomocy reguły *explicite*, czyli pokierować wspomnianym procesem wnioskowania reguł na podstawie przykładów. Ważne jest tu ponadto, iż nie każdy uczący się jest w stanie zaobserwować i wytworzyć reguły na podstawie przykładów. Choć – jak wspomnieliśmy uprzednio – taka jest ogólna zasada funkcjonowania mózgu ludzkiego podczas akwizycji języka pierwszego, jednak w przypadku nauki kolejnego języka, sprawa nie jest już taka prosta. Choć prosta nie jest wcale – pytanie o sposób, w jaki odbywa się akwizycja języka pierwszego, zajmuje badaczy od wieków! W skrócie powiedzieć można, iż zasadniczą różnicą, dzielącą nabywanie języka pierwszego i każdego następnego, jest fakt, iż tylko w tym pierwszym przypadku mamy do czynienia z równoległym (równoczesnym) rozwojem mózgu i opanowywaniem języka, jako pierwszego sposobu postrzegania i nazywania otaczającego świata, także świata wewnętrznego (uczuć, pragnień, myśli) danej osoby. Każdy następny język stanowić musi przestawienie się na inny niż pierwotny sposób patrzenia na świat w nas i wokół nas. Konieczne jest wytworzenie nowych połączeń między neuronami w mózgu, także nowych – często zaskakujących – połączeń leksykalnych (np. pol. *myć zęby* – niem. *putzen*, nie **waschen*, czy *mieć x lat*, niem. *x Jahre alt sein*, dosł.: *być x lat starym*). Wszak nie bez przyczyny

¹⁸ Zob. Spektrum der Wissenschaft, Dezember 2009.

¹⁹ A. Friederici, *Was ist Sprache und wie ist sie im Hirn repräsentiert?*, „Deutschland” 1997, nr 5, s. 47–49.

język pierwszy nazywany jest także językiem wyjściowym (niem. *Ausgangssprache*), w odróżnieniu od języka docelowego (*Zielsprache*), do którego zdążamy w procesie uczenia (się) języka obcego!

W tym kontekście warto podkreślić zaletę tłumaczenia zdań bądź fraz metodą „słowo w słowo”, a mianowicie fakt, iż powstałe w ten sposób konstrukcje nierzadko zadziwiają czy rozśmieszają, przez co ułatwiają zapamiętanie i zastosowanie w przyszłości. Wszak *Auffälliges prägt sich leichter ein*, co znaczy, że to, co „rzuca się w oczy”, łatwiej zapamiętać. I tak na przykład uczeń, który zmemoryzował niemiecki zwrot „*być x lat starym*”, brzmiący cokolwiek dziwnie w stosunku do polskiego „*mieć x lat*”, ma większe szanse na poprawne użycie zwrotu w tworzonym zdaniu i tym samym uniknięcie powszechnego błędu wynikającego z interferencji z języka wyjściowego (polskiego)²⁰.

Wspomnieć wypada tu także, iż – mimo oczywistych podobieństw w budowie i funkcjonowaniu – każdy mózg jest inny, a więc w inny też sposób radzi sobie z różnymi zadaniami. Jak podkreśla profesor pediatrii i badacz w zakresie nauczania początkowego Mel Levine: nie każdy potrafi „myśleć, opierając się na regułach”,; „gdy musi zrozumieć, zapamiętać i zastosować jakieś reguły czy zasady – zasady pisowni, reguły gramatyczne, naukowe, matematyczne – ponosi porażki”,²¹.

Podsumowując: badania mózgu potwierdzają założenie, że uczymy się (mózg uczy się) na przykładach, nie na podstawie *explicite* sformułowanych reguł, wyuczonych na pamięć. Praktyka szkolna dostarcza przykładów, kiedy to uczeń teorię (np. reguły gramatyczne) wprowadzić zna na pamięć, jednakże nie jest w stanie zastosować jej w praktyce (a więc np. reguł gramatycznych w zdaniach i tekstach). ALE: Dla zrozumienia i przejrzenia zależności między zjawiskami ważne oczywiście także jest, by wyjaśnić daną regułę także *explicitnie*, gdyż niektórzy uczący się dopiero wtedy (i tylko wtedy!) są w stanie zrozumieć pewne fenomeny; umożliwia to także tzw. *Aha-Erlebnis* (pol. *nagłe zrozumienie, iluminacja*).

Tak więc kolejność winna przedstawiać się następująco: przykłady (reguły *implicitnie*), reguły (*explicite*) – jako potwierdzenie hipotez wysuwanych przez uczniów na podstawie przykładów. Dzięki temu, poprzez samodzielne odkrywanie reguł wzrasta zaangażowanie w lekcję, większa jest także motywacja oraz lepsze zapamiętywanie.

A więc, reguła jako pomoc w zrozumieniu zależności między elementami systemu i samego systemu języka obcego, ułatwienie, wgląd w funkcjonowanie języka, zrozumienie, a przez to – zapamiętanie. Nauczenie się czegoś (opanowanie) jest bowiem możliwe tylko wtedy, gdy rozumiemy to, czego mamy się nauczyć. Oczywiście, jeśli chcemy, by wyuczony materiał stał się częścią naszego systemu wiedzy i umiejętności. W przeciwnym razie – bez zrozumienia – możemy wyuczyć się treści, które jednak wkrótce ulegną utraceniu, pozbawiając nas możliwości wykorzystania ich w przyszłości²².

²⁰ Zob. też V.F. Birkenbihl, www.birkenbihl-insider.de/PDF/TEXTEstroh47/Aufl.pdf.

²¹ M. Levine, *Umysł – krok po kroku. Nowe rewolucyjne techniki nauczania dzieci*, Wyd. Albatros, Warszawa 2006, s. 221.

²² P. Bąbel i M. Wiśniak w książce *Jak uczyć, żeby nauczyć*, WSiP, Warszawa 2008, proponują, by stosować złotą zasadę 3 Z = Zainteresować – Zrozumieć – Zapamiętać.

Dodać należy w tym miejscu, że postępowanie (tzn. decyzja, czy indukcyjnie, czy i co dedukcyjnie, jawnie, ukrycie itd.) zależne jest między innymi (a może głównie) od wieku uczących się (rozwój mózgu!). Jak zauważa Wygotski – i co potwierdza aktualny stan wiedzy – „rozumne pojmowanie myślenia logiczno-gramatycznego„ następuje „dopiero w okresie dojrzewania płciowego„²³. Oznacza to, że dopiero w okresie dorastania możemy oczekiwać od ucznia myślenia abstrakcyjnego czy metajęzykowego. Do innych decydujących aspektów zaliczyć trzeba możliwości danej grupy uczących się (dane „wejściowe„, np. inne znane języki itp.), czas, jakim dysponujemy (intensywność nauczania), cel, do jakiego dążymy, etc...

Reasumując można więc powiedzieć, iż znamy odpowiedź na pytanie, dlaczego lepiej (czyli łatwiej i skuteczniej) uczymy się na przykładach i poprzez użycie języka obcego (metodą prób i błędów), niż ucząc się na pamięć reguł gramatycznych. Otóż wyższość uczenia się metodą prób i błędów nad uczeniem się na pamięć („wkuwaniem„) teorii (w tym także reguł gramatyki języka obcego) wyjaśnia rozróżnienie pamięci proceduralnej i pamięci deklaratywnej. Pamięć proceduralna pojmowana jako „pamięć wykonywania pewnych czynności„ (np. umiejętność jazdy na rowerze, pisanie na klawiaturze komputerowej, czy posługiwanie się językiem ojczystym), jest bardzo trwała, najczęściej do końca życia i, co ciekawe, nie ulega zniszczeniu przez amnezję. Pamięć deklaratywna nie jest niestety odporna na zapominanie, jeśli nie powtarzamy, czyli nie wzmacniamy jej engramów (śladów pamięciowych)²⁴. To przykra wiadomość dla niektórych uczących się. Patrząc jednak globalnie jest to szczęściem dla nas i dobrym rozwiązaniem, jakąż bowiem byłoby torturą, gdybyśmy nie mogli zapomnieć niczego, co zasłyszeliśmy i/lub co spotkało nas w ciągu całego naszego życia...

Literatura

- Bąbel P., Wiśniak M., *Jak uczyć, żeby nauczyć*, WSiP, Warszawa 2008.
- Birkenbihl V.F., www.birkenbihl-insider.de/PDF/TEXTEstroh47/Aufl.pdf (22.04.2010).
- Chomsky N., *Syntactic Structures*, Mouton de Gruyter, Berlin–New York 2002.
- Dakowska M., *Psycholingwistyczne podstawy dydaktyki języków obcych*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 2001.
- Formy aktywności umysłu. Ujęcia kognitywistyczne*, red. A. Klawiter, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 2009.
- Friederici A., *Was ist Sprache und wie ist sie im Hirn repräsentiert?*, „Deutschland“ 1997, nr 5, s. 47–49.
- Friederici A.D., *Die Funktion liegt im Netzwerk*, <http://spektrum.de/alias/sprachforschung/die-funktion-liegt-im-netzwerk/1114402> (19.12.2011).
- Helbig G., *Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht*, Wyd. Enzyklopädie, Leipzig 1981.
- Johnson S., *Umysł szeroko otwarty. Życie codzienne naszego mózgu w świetle współczesnej neurobiologii*, Wyd. J. Santorski & Co Agencja Wydawnicza, Warszawa 2005.

²³ L.S. Wygotsky, *Rozwój myślenia i tworzenie pojęć w okresie dorastania*, [w:] *Wybrane prace psychologiczne II: dzieciństwo i dorastanie*, red. A. Brzezińska, M. Marchow, Wyd. Zysk i S-ka, Poznań 2002, s. 296.

²⁴ Zob. J. Vetulani, *op. cit.*, s. 189–190, 198, 206 i in.

Levine M., *Umysł – krok po kroku. Nowe rewolucyjne techniki nauczania dzieci*, Wyd. Albatros, Warszawa 2006.

Modele umysłu, red. Z. Chlewiński, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 1999.

Schiffler L., *Effektiver Fremdsprachenunterricht. Bewegung – Visualisierung – Entspannung*, Narr Francke Attempto Verlag, Tübingen 2012.

Searle J.R., *Umysł, mózg i nauka*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 1995.

Spektrum der Wissenschaft, Dezember 2009, sdw_2009_12_S10.pdf.

Spitzer M., *Jak uczy się mózg*, Wyd. Naukowe PWN, Warszawa 2007.

Spitzer M., www.gesund-in-bamberg.de/videobeitrag_prof_spitzer.html (28.04.2010).

Spitzer M., www.tagesspiegel.de/zeitung/kinder-lernen-besser-ohne-computer.

Szulg A., *Die Fremdsprachendidaktik. Konzeptionen – Methoden – Theorien*, PWN, Warszawa 1976.

Vetulani J., *Mózg: fascynacje, problemy, tajemnice*, Wyd. Homini, Kraków 2011.

www.spektrum.de/alias/hirnforschung/in-0-6-sekunden-vom-gedanken-zum-wort. (19.12.2011).

Wygotski L.S., *Rozwój myślenia i tworzenie pojęć w okresie dorastania*, [w:] *Wybrane prace psychologiczne II: dzieciństwo i dorastanie*, red. A. Brzezińska, M. Marchow, Wyd. Zysk i S-ka, Poznań 2002, s. 221–304.

Индуктивно или путем дедукции?

Старый вопрос в новом свете.

Или: почему легче учимся на примерах, чем на основе теоретических правил?

Резюме

В статье автор ищет ответы на поставленный в заглавии вопрос и задумывается над оптимальным методом обучения иностранным языкам. Вначале анализируется функционирование мозга во время усваивания и употребления первого (родного, L1) и второго (иностранного, L2) языков, а затем формулируются аргументы „за” обучением путем индукции, т.е. начиная с примеров, на теоретических правилах заканчивая. В дальнейшем, автор ссылается на общее положение, что иностранный язык (L2) всегда воспринимается учащимися сквозь призму родного языка (L1). Такая предпосылка влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. В следующей части статьи автором формулируется определение самого процесса учебы, а также подчеркивается роль грамматики в этом процессе. Кроме того, обращается внимание на существенно разные процессы приобретения знаний и их развития умений.

Ключевые слова: изучение – обучение иностранному языку, грамматические правила, изучение на примерах (индуктивно), теоретические знания и применение на практике

Inductive or deductive way? Old question in a new light

Or: Why is it easier to learn by example than on the basis of theoretical rules?

Abstract

In the article, the author is looking for answers to the question posed in the title and reflects on the optimal method of foreign language teaching. By analyzing functioning of the brain

during learning and use of the first language and foreign language the text shows arguments for teaching inductively, that means from the examples to the theoretical rules. Additionally it shows that a foreign language is always perceived through the prism of the first language (L1), which has its own both positive and negative consequences. The paper defines learning process and emphasizes the role of grammar in the language learning. The text also notes the different processes of acquisition of knowledge and skills.

Key words: learning / teaching a foreign language, grammar rules, learning by example (inductive), the theoretical knowledge and practical application

Dorota Świątkiewicz-Siklucka
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia germańska)
doktor nauk humanistycznych
e-mail: swiatkiewicz-siklucka@wp.pl
+48 12 6626744

Spis treści / Contents

Halina Chodurska, Dorota Dziewanowska, Barbara Stawarz Od Redaktorów / From the Editors	3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTICS	
Gabriela Dudek Język polityki jako przedmiot badań polskiej i rosyjskiej politolingwistyki. Rozważania pojęciowo-terminologiczne Political language as a subject of study of Polish and Russian political linguistics. Conceptual and terminological deliberations	4
Radosław Gajda Teksty techniczne w tłumaczeniu – spojrzenie tłumacza Technical Texts in Translation. A Translator's Approach	19
Любовь Куркина К реконструкции этимологического гнезда слав. * <i>tomiti</i> The reconstruction of the etymological family Slav. * <i>tomiti</i>	25
Наталья Кузнецова Новое в русской речи: отадъективное наречие <i>тупо</i> в роли частицы A recent phenomenon in modern Russian: the adjective-based adverb „тупо” as a particle	37
Tadeusz Szczerbowski Kultura a przekład literacki według Ludwika Zamenhofa (<i>Rewizor Gogola</i>) Culture and literary translation according to Ludwik Zamenhof (<i>Gogol's The inspector general</i>)	46
Ольга Трофимова Русский документ XVIII века: пунктуация рукописного оригинала и транслитерированной его публикации Russian document of the XVIII century: punctuation in the original manuscript and transliterated publication	57

[180]

Karina Zajac-Haduch

*Баба і мужик jako słowa klucze do obrazu kobiety
i mężczyzny w rosyjskiej prozie wiejskiej*
Baba i muzyk as the key words
to the linguistic picture of a woman and man
in the Russian rural prose

72

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / THE STUDY OF LITERATURE

Anna Greb

O naturze geniuszu. Piotr Nowikow
wobec kantowskiej estetyki geniuszu
About the nature of genius Piotr Nowikow
towards Kant's aesthetics of genius

81

Адам Карпиньски

O мечте вернуться в „город юности”
в стихотворении Бориса Климычева
А я вернусь, ребята, в Ашхабад...
The dream of returning to „the city of his youth”
in the Boris Klimychev's poem
А я вернусь, ребята, в Ашхабад...

93

Людмила Липская

Образ книги в современной литературе:
версии русских и зарубежных писателей
Image of a Book in the contemporary Literature:
Versions of Russian and Foreign Writers

100

Наталья Рогачева

Язык запаха в поэзии и прозе
Бориса Пастернака
The Language of Scent in Poetry and Prose
of Boris Pasternak

114

ГЛОТТОДИДАКТИКА / GLOTTODIDACTICS

Paulina Balandyk

Poglądy glottodydaktyków-rusycystów
na nauczanie gramatyki obcojęzycznej (rosyjskiej)
w polskiej szkole
The views of Russian language teaching specialists
on the foreign language (Russian) grammar teaching
in Polish schools

124

Dorota Duchnowska

Иновационные методы преподавания русского языка
для специальных целей – опыт обучения студентов
механического факультета

Innovative methods of teaching
 technical Russian language
 – based on the classes conducted for students
 of mechanical engineering

134

Dorota Dziewanowska

Методика конструирования тестов
 и тестовых заданий по русскому языку как иностранному
 Methodology of constructing tests and test tasks
 for Russian as a foreign language

144

Karolina Gołqbek

Эффективное использование методов коучинга
 на занятиях по русскому языку в рамках
 II Краковских методических мастер-классов
 повышения квалификации для преподавателей
 русского языка «Я люблю русский»
 Efficient use of coaching tools in the Russian language
 classes within the framework of the
 II Cracow Methodological Workshop „I like Russian”

157

Dorota Świątkiewicz-Siklucka

Indukcyjnie czy drogą dedukcji?
 Stare pytanie w nowym świetle.
 Albo: Dlaczego łatwiej uczymy się na przykładach
 niż na podstawie reguł teoretycznych?
 Inductive or deductive way? Old question in a new light
 Or: Why is it easier to learn by example than
 on the basis of theoretical rules?

168

